

**Фонд историко-культурологических исследований
им. К.В. Иванова**

Щербаков С.В.

**НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Чебоксары
«Новое Время»
2013

УДК 323/324
ББК 63.3(2Рос.Чув)
Щ 61

**Фонд историко-культурологических исследований
им. К.В. Иванова**

Научный редактор
Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:
К.Н. Сануков, доктор исторических наук, профессор
Д.А. Захаров, кандидат исторических наук, доцент

Щербаков С.В.

Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект / С.В. Щербаков. – Чебоксары: «Новое время», 2013. – 176 с.

В монографии раскрываются узловые моменты становления идеологической базы чувашского национального движения в начале XX в. Большое внимание уделено выявлению предпосылок ее появления, освещению малоизвестных и незнакомых общественности событий и фактов из истории национального движения чувашского народа, начиная с середины XVI в.

Издание адресовано специалистам-историкам, научным работникам, преподавателям гуманитарных дисциплин и всем интересующимся этнополитической историей народов Российской Федерации.

ISBN 978-5-4246-0183-5

© Щербаков С.В., 2013
© Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2013

Предисловие

Российская Федерация была и остается полиэтничным государством, что накладывает отпечаток на все сферы жизни общества. Это придает особую актуальность научным исследованиям, посвященным национальным отношениям и государственному устройству. С советского времени Россия имеет своеобразную форму государственного устройства – федерацию, основанную на национальном и территориальном принципах. Исследование истории образования национальных автономий в начале XX в. представляет большой интерес, так как эволюционные процессы в федеративном устройстве России продолжаются и сегодня. В связи с этим настоящее издание представляет особый интерес, поскольку посвящено одному из важнейших аспектов истории автономизации – формированию и реализации культурной и экстерриториальной автономии чувашей в начале XX в. Важно и то, что еще не было специального исследования, где последовательно рассматривалась бы данная проблема. Используемый круг источников и литература свидетельствуют о том, что проблема действительно освещается с разных точек зрения, с ярко выраженной авторской позицией, которая может вызвать дискуссии.

Хотелось бы особо выделить вторую главу, в которой впервые в отечественной историографии проводится историко-сравнительный анализ национального развития чувашского народа в составе Российской империи с учетом особенностей ее западных и юго-западных окраин от Финляндии до Закавказья. Возможно, далеко не все аспекты раскрыты. Автор в основном акцентирует внимание на политических и революционных событиях, но сама постановка вопроса интересна и требует дальнейшего исследования. Выявленные автором факторы и предпосылки формирования идеологии чувашского национального движения, начиная с середины XVI в. и до начала XX в., заставляют по-новому оценивать многие аспекты социально-экономической, политической и духовной истории народа, что обязательно станет предметом заинтересованного обсуждения.

Третья глава, посвященная событиям 1917–1921 гг., является наиболее содержательной и одновременно основной в данной исследовании. В ней автор разбирает наиболее динамичный,

сложный и противоречивый период, своеобразный «момент истины». В этот короткий период национальные движения многих народов бывшей Российской империи показали свою энергию, проявили свой доселе скрытый потенциал. Глава написана на богатом архивном материале, многие документы впервые вводятся в научный оборот, дается расширенное толкование малоизвестных источников, что, безусловно, является достоинством работы. Следует отметить, что данный период считается более или менее изученным, тем не менее, автор делает новые выводы, обстоятельно аргументирует их, сообщает неизвестные сведения.

Хочется верить, что работа вызовет интерес не только у специалистов-историков, но и у широкой общественности.

Иванов Виталий Петрович,
доктор исторических наук,
директор Фонда историко-
культурологических исследований
им. К.В. Иванова

ВВЕДЕНИЕ

В ходе многолетнего исследования в Государственном историческом архиве Чувашской Республики архивных документов связанных с образованием чувашской автономии и государственности в начале XX в., автор монографии столкнулся с парадоксальной ситуацией. В архиве сохранился уникальный и содержательный материал, который, если рассмотреть его в контексте борьбы народов бывшей Российской империи за национальное равноправие, представляет национальное движение чувашского народа с весьма необычной и специфической точки зрения. Исторический опыт проживания чувашей в составе Российского государства являет собой редкий пример добрососедского отношения ко всем этносам страны. У чувашского народа никогда не было стремление к территориальному отделению от России и ярко выражено стремление к автономизации на культурных и экстерриториальных началах. Историческая ретроспектива в более ранние века показала, что по крайней мере с XVIII в., в условиях царского самодержавия, злоупотреблений губернского чиновничьего аппарата и гнета радикального православного духовенства, этнические лидеры чувашей выдвигались мирные и конструктивные национальные требования, направленные на гармонизацию отношений чувашского народа и государства в целом. Однако в исторической литературе это явление освещено фрагментарно, с большим количеством белых пятен, а зачастую этот вопрос вообще обойден вниманием. К сожалению, привычным стал тезис о том, что чувашский народ до революции был темен и забит, а автономию чувашаи получили благодаря национальной политике партии большевиков и лояльному отношению к ним В.И. Ленина.

По результатам исследования было подготовлено значительное количество публикаций, были выступления на научно-практических конференциях, на эту тему защищена кандидатская диссертация. Однако многих удивляет сама постановка вопроса о том, что у чувашских лидеров к 1917-ому и даже к 1920-ому, т.е. ко времени образования Чувашской автономной области, вообще могла быть общечувашская идеологическая программа. Целый ряд исследователей уверены, что чувашские лидеры начала XX века только копировали отдельные элементы общественно-политических и

национальных программ русских, татар, либо модной в то время австромарксистской теории культурно-национальной автономии О. Бауэра и К. Реннера. Мысль о том, что у чувашей в начале XX века могли быть свои оригинальные национальные требования, для многих в XXI веке звучит как нечто удивительное и неправдоподобное. Данная работа дает новую информацию для размышлений.

Почему так случилось, что только сейчас стало возможным говорить о культурных и экстерриториальных проектах чувашских деятелей, как применительно к началу XX века, так и к более раннему времени? Дело в том, что чувашская историческая наука, начав формироваться в советское время, постоянно испытывала влияние коммунистической идеологии, которая крайне враждебно относилась к подобным проектам, считая их «утонченно националистическими» и подрывающими саму суть классово-борьбы. Так, вместо борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами внутри каждой нации, напротив, звучали призывы к консолидации всех социальных слоев этноса. Напротив же, тезис о темноте и забитости чуваш был удобен как для историков, так и для руководства чувашской автономии в текущей политической ситуации доминирования коммунистической идеологии. Таким образом, из истории чувашей была убрана и забыта сама суть чувашского национального движения в начале XX века, что не позволяет объективно рассмотреть вопрос в его целостности.

Ценность монографического исследования не только в том, что осуществлен новый подход к анализу известных и малоизвестных событий истории чувашей, но и в том, что работа насыщена неиспользованным в историографии фактическим материалом и документами, почерпнутыми из государственных архивов г. Чебоксары и г. Казань, особенно по периоду 1918–1921 годов. Благодаря этим материалам, видны новые грани процесса взаимодействия в те времена чувашских деятелей с татарскими и марийскими лидерами в вопросах создания совместной автономии.

Монография не отражает всей картины борьбы чувашских лидеров за автономию и государственность в начале XX века и, разумеется, не может претендовать на раскрытие всех аспектов проблемы. В ней предпринята попытка отразить общенациональные тенденции программы решения национального вопроса для чувашей. Больше внимание уделено не известным фактам и со-

---

бытия, а тому, чего нет в советской и современной исторической литературе. В дальнейшем планируется подготовить и опубликовать исследования обобщающего характера, которые в полной мере осветят нелегкий путь создания Чувашской Республики. Надеемся, что представленная работа убедит наше и последующие поколения в том, что у чувашей есть достойная история, являющаяся бесценным достоянием не только этого народа, но и всей многонациональной России.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Для подготовки монографии, ставящей целью исследование идеологической платформы национального движения чувашей в начале XX века, анализ источников, историографии и терминологии исследования имеет особое значение. Во введении отмечено, что ранее специальных работ по данному вопросу не было, поэтому важно новое переосмысление имеющихся источников и исторической литературы.

Чтобы полнее и глубже, всесторонне и в то же время максимально объективно исследовать проблему, необходимо было изучить разнообразные источники и привлечь историческую литературу. В работе используются понятия и термины, связанные с национальной тематикой, значения и определения которых в историографии еще не устоялись в силу их специфичности. До настоящего времени между исследователями нет полного единодушия по толкованию соответствующей терминологии, поэтому в первой главе выделен параграф, где будет обозначено наше понимание того или иного термина. Отдельный раздел главы посвящен обзору исторической литературы (с начала 1920-х гг. до наших дней), в которой в той или иной степени обсуждался вопрос о культурных и экстерриториальных проектах чувашей в начале XX в.

1.1. Источники и понятийный аппарат

Источниковая база работы включает широкий круг как опубликованных, так и неопубликованных материалов, позволяющих в зависимости от их специфики выделить пять групп: архивные источники; материалы законодательного порядка; труды государственных, общественных деятелей данного периода и воспоминания участников событий; материалы периодической печати; словари и энциклопедии. Помимо многоплановости следует отметить различную степень достоверности использовавшихся источников. Так, например, архивные материалы, по сути, самый главный источник, нельзя считать полностью достоверными, поскольку эти материалы создавались в конкретных исторических условиях и с конкретными целями. В связи с этим очень важно изучать все материалы в совокупности, оставляя за рамками эмоции и риторику авторов, выявлять содержание намерений. Тем не менее, основное

значение в данном исследовании придается сохранившимся архивным источникам, которые и составляют *первую группу*.

Из всех изученных архивных фондов, хранящихся в современном *Государственном историческом архиве Чувашской Республики* (ГИА ЧР), наибольший интерес по нашему вопросу представляют два фонда: Ф.Р-501 «Казанский чувашский военно-окружной комитет» (КЧВОК) и Ф.Р-499 «Чувашский отдел при Наркомнаце РСФСР» (Чувотдел при Наркомнаце). Большой утратой для исторической науки стало то, что не сохранился архив Чувашского национального общества (ЧНО), которое в свое время претендовало на роль экстерриториального национально-представительного органа всех чувашей, а также документы чувашских эсеров не поддержавших советскую власть. Зато практически в полном виде сохранились архивы учреждений, появившихся с конца 1917 г. и лояльно относившихся к советской власти, – КЧВОК, Центрального чувашского военного совета «Канаш», Центрального чувашского совета «Асла Канаш», Казанского Комиссариата по чувашским делам (Казанский КЧД) и Чувотдела. Среди этих документов имеются оригиналы и полные варианты протоколов таких значимых общечувашских съездов, как первый Всероссийский Чувашский военный съезд в январе 1918 г, первый Общечувашский рабоче-крестьянский съезд в июне 1918 г, а также протоколы различных совещаний 1918–1920 гг., резолюции которых во многом стали определяющими в чувашской национальной политике данного периода. По-видимому, ошибочным было то, что материалы этих фондов в свое время разделили и стали впоследствии именовать как фонд КЧВОК и Чувотдела. По сути, документы с конца 1917 и до осени 1918 г. – это архивный фонд Казанского КЧД, который только в октябре 1919 г. слился с Чувотделом, передав ему свой архив.

Анализ материалов этих двух фондов говорит о том, что формировать его начали в марте 1918 г., когда Казанский КЧД объявил себя правопреемником предшествующих учреждений, таких как «Асла Канаш», «Канаш» и КЧВОК¹. Уже в тот период наметилась тенденция отбора документов для хранения – в угоду советской политике Казанского губсовдепа начали избавляться от наиболее одиозных антисоветских материалов. Вероятно, именно тогда из протоколов первого Всероссийского чувашского военного съезда января 1918 г. навсегда пропали три протокола со стенограммой съезда под №№ 2, 15 и 25², в которых застенографировано обсуж-

дение острых политических вопросов того времени. Ценность этих двух фондов заключается в том, что по ним можно проследить эволюцию курса чувашского национального движения в наиболее сложный и противоречивый период конца 1917 – первой половины 1918 гг. В современной историографии довольно хорошо изучены отчеты и протоколы съездов и совещаний, хранящихся в данном фонде. Нам удалось получить существенную информацию из переписки этих учреждений, журналов с приказами, входящей и исходящей корреспонденции.

Из архивных фондов, хранящихся в ГИА ЧР, значительный интерес также представляют фонды Р-3 (Революционный комитет Чувашской АО), Р-22 (Административный отдел Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской АО), Р-125 (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской АО) и Р-147 (Представительство Чувашской АССР при Президиуме ВЦИК). Хотя эти учреждения построены по национально-территориальному принципу и отражают в первую очередь данное направление, однако при детальном анализе переписки, отчетов, протоколов съездов и совещаний выявляются сведения, свидетельствующие о безуспешной борьбе отдельных руководителей ЧАО за возрождение экстерриториального статуса Чувотдела при Наркомнаце во второй половине 1920 – первой половине 1921 гг.

Тот факт, что документы рубежа 1917–1918 гг. сознательно отбирались с целью изъять сведения, не укладывавшиеся в советскую парадигму, значительно затруднило работу исследователям. Но сохранились некоторые материалы (в основном переписка) чувашских организаций того времени. Встречаются даже документы ЧНО. В архивных фондах ГИА ЧР были изучены фонды исполнительных комитетов волостных и уездных совдепов на территории нынешней Чувашии, где в копиях встречаются любопытные в аспекте нашей темы документы, не сохранившиеся в фондах КЧВОК и Чувотдела (распоряжения, объявления, переписка и др.). Есть интересные документы и в других фондах, например в Ф. 515 (личный фонд И.Я. Яковлева) имеется дело №401, которое было сформировано в 1959 г. на основе немногочисленных документов, обнаруженных в Уфе и присланных в ЦГА ЧАССР. Так, в частности, в Чувашию в то время попало печатное издание «Устава кружка деятелей по просвещению чуваш» (1906), которое в настоящее время в единичном экземпляре хранится в ГИА ЧР. Анализируя устав вме-

сте с другими источниками, мы смогли сделать новые выводы по периоду 1906–1907 гг. В указанном деле также сохранились копии совместных совещаний чувашских учреждений в апреле 1918 г. в Симбирске, анализируя которые, можно по-новому трактовать взаимоотношения с Казанским Комиссариатом по чувашским делам.

Иногда в ГИА ЧР попадаются ценные для нашей темы архивные документы, которые по случайности попали в иные фонды. Например, в 1990-х гг. профессор В.Д. Димитриев в Ф. 298 (Свято-Троицкий мужской монастырь г. Чебоксары) обнаружил уникальный для изучаемой темы документ – протокол съезда чувашей Старо-Максимкинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии от 11 июня 1917 г., который использован в работе. В монографии представлены такие необычные для историографии архивные документы, как материалы уголовных дел репрессированных чувашских деятелей в конце 1930-х гг., сосредоточенные в Ф. Р-2669 (Народный комиссариат внутренних дел ЧАССР). Уникальность фонда состоит в том, что в ходе сбора компрометирующего материала, обнаружили некоторые факты, о которых участники событий 1917–1920 гг. ранее предпочитали «забыть».

Следующими по значимости стали документы *Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР)*. Наиболее важными и интересными с точки зрения изучаемой темы можно назвать фонды П-1 (Партийного архива Чувашского обкома КПСС) и П-2 (Чувашская секция при Казанском губкоме).

Фонд П-1 любопытен тем, что в нем имеются протоколы общечувашских съездов 1920 г. В работе широко использованы материалы первого Всероссийского съезда чувашских коммунистов в феврале 1920 г., на основе которых раскрыт смысл резолюции об образовании Татаро-Башкирской советской республики. Большое практическое значение имел анализ протоколов второго Всероссийского съезда Советов среди чувашей в ноябре 1920 г., который в историографии является малоизученным. Фонд П-2 довольно хорошо изучен и освещен в современной историографии, по нему уточнялись некоторые сведения, необходимые для данной работы.

Значительную помощь в исследовании оказали материалы *Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН)*, в которых содержатся многочисленные материалы, посвященные национальному движению, как в Чувашии, так и за ее пределами. Например, ценность представляют

подготовленные к публикации рукописи Г.М. Титова занимавшегося исследованием национально-государственного строительства в начале XX века. Эти рукописи так и не были опубликованы при жизни автора. В фондах НА ЧГИГН имеются выявленные в свое время различными исследователями копии и выписки из архивных документов, хранящихся в других регионах России. В фонде профессора Н.В. Никольского хранятся архивные документы тех времен (частные письма, прокламации, официальная переписка и пр.).

В Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) изучено 6 архивных фондов. Они стали важным дополнительным источником по истории национального вопроса всего Волжско-Уральского региона и чувашского движения в частности. Наибольшую практическую помощь оказали фонды Р-98 (Казанский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), Р-983 (Казанский губернский Совет крестьянских депутатов) и Р-1574 (Совет Народных Комиссаров Казанской советской рабоче-крестьянской республики).

Первые два фонда хорошо изучены в татарской и отечественной историографии, многие важные материалы из этих фондов вошли в сборники документов и материалов, посвященные созданию татарской государственности и установлению советской власти в Татарии. В фонде Р-1574 имеются любопытные документы по проекту Волжско-Уральской Советской Республики (ВУСР), который разрабатывался Казанским губсовдепом как альтернативный мусульманскому проекту «штата Идель-Урал». К сожалению, в фонде сохранилось немного документов, но они имеют большую ценность. Например, в нем есть рукопись доклада Комиссара по делам национальностей в июне 1918 г., который оценивал положение в подведомственном ему комиссариате за первое полугодие 1918 г.³ По характеру этого отчета можно сделать выводы о соотношении интересов чувашского, марийского и мусульманского комиссариатов, определить точки соприкосновения и расхождения приоритетов, выявить причины свертывания активной деятельности Комиссариата по чувашским делам уже в начале 1918 г.

Вторую группу источников составляют материалы законодательного порядка, подразделяющиеся на законы и подзаконные акты, сборники документов, в которых нашла отражение деятельность государственных органов и партийных организаций. Эти документы позволяют осмыслить и оценить методы работы руко-

водства Российского правительства в отношении идей и проектов культурной и экстерриториальной автономии, как в досоветский, так и в советский период. Анализ этих источников для исследования чувашского национального движения особенно важен, так как именно на их основе шел диалог чувашских организаций с Центральной властью. Ключевую роль в риторике чувашских деятелей советского периода играла «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г., в которой провозглашалось «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»⁴, а также «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г., где говорилось следующее: «Устраивайте свою жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как права всех народов России, охраняются всей мощью революции»⁵. Хотя последний документ Совнаркома Советской России адресован только мусульманам, но именно этими постулатами руководствовались многие чувашские и другие национальные деятели в диалоге с губернскими властями и Центральным правительством РСФСР. Результатом этого сложного и противоречивого диалога для чувашей стало создание чувашской автономии и государственности. Таким образом, анализ материалов ВЦИК и СНК РСФСР 1917–1920 г. имеет большое значение для данного исследования.

Третью группу источников составляют труды государственных и общественных деятелей изучаемого периода как в общероссийском, так и региональном масштабах. Десятки работ В.И. Ленина и И.В. Сталина⁶ имеют непосредственное отношение к национально-государственному строительству РСФСР и СССР. Без их непосредственного изучения невозможно понять логику советской национальной политики того времени. На региональном уровне очень важны публикации по национальному вопросу К.Я. Грасиса⁷, Ф. Сыромолотова⁸, мусульманских деятелей И. Алкина⁹ и М. Султан-Галиева¹⁰. На общечувашском уровне большой интерес представляют работы, в которых есть исследовательский подход, что выводит автора за рамки воспоминаний и мемуаров. В первую очередь речь идет о работах общественных и государственных деятелей Д.С. Эльменя¹¹, Д.П. Петрова-Юман¹², А.Д. Краснова¹³, С.Н. Николаева¹⁴, В.А. Алексеева¹⁵, С.А. Коричева¹⁶, Я.П. Соснина¹⁷ и др. Хотелось бы отметить статью Д.С. Эльменя «Откуда и как возникла Чувашская область», написанную в форме воспоминаний и опубликованную 6 июля 1922 г. в газете «Канаш». Считаем, что эта, равно как и другие

статьи автора, их основные тезисы и выводы сыграли решающую роль в формировании советской парадигмы знаний по вопросам становления чувашской автономии. Особого внимания заслуживают воспоминания активного чувашского деятеля периода 1903–1918 гг., эсера С.Н. Николаева, недавно поступившие из Праги. К этим мемуарам не раз обращался современный чувашский историк Г.А. Александров, но он, как правило, использовал из мемуаров сведения биографического характера, обходя проблемы общенационального значения. Воспоминания, которые сейчас хранятся в научно-справочной библиотеке ГИА ЧР, в данном исследовании стали важным подспорьем и источником.

К *четвертой группе* источников относятся материалы периодической печати общегосударственного («Известия ВЦИК», «Жизнь национальностей» и др.), регионального («За землю и волю», «Знамя революции» и др.) и национального («Хыпар», «Канаш», «Известия Ревкома АЧО» и др.) уровня. Все они представляют несомненную ценность для раскрытия темы и наполнения ее фактическим материалом. В качестве примера назовем такое примечательное периодическое издание, как «Известия Всероссийского мусульманского совета», в котором имеются многочисленные сведения конца 1917 – начала 1918 гг., редко используемые в чувашской историографии.

Специальное внимание в работе уделено *пятой группе* источников – словарям и энциклопедиям. Они были чрезвычайно полезны для уточнения значения и этимологии некоторых понятий. Так, в частности, на основе анализа слов «община» и «коммуна» раскрывается сущность такого понятия, как «Чувашская трудовая коммуна». Энциклопедические словари (в частности – Большая советская энциклопедия) стали незаменимым источником при анализе общероссийских тенденций, связанных с национальным вопросом в различных регионах бывшей Российской империи. Многие проблемные вопросы чувашской истории в концентрированном виде изложены в «Краткой чувашской энциклопедии» (2001) и в трех томах более полной и расширенной «Чувашской энциклопедии» (2006-2009).

В *шестую группу* источников выделены интернет-ресурсы. Этот вид довольно условно можно назвать источником, скорее, это библиотека, в которой государственные, научные, общественные организации и просто отдельные люди имеют возможность выкла-

дывать имеющиеся у них архивные документы и историческую литературу. Обращение к интернет-ресурсам значительно облегчает поиск той или иной информации, публикации или монографии, не доступных в пределах Чувашии. В качестве такого позитивного примера можно назвать возможность обращения и ссылок на работы профессора Томского госуниверситета И.В. Нам, которая занимается исследованием попыток реализации программы культурно-национальной автономии в 1917–1922 гг. на территории Сибири и Дальнего Востока. Интернет стал незаменим для ознакомления с историческими исследованиями отдельных регионов и народов бывшей Российской империи – Украины, Грузии, Татарстана и др., а также при обращении к различным словарям и энциклопедиям.

После анализа источников отдельного внимания заслуживает *терминологии исследования*.

В любой научной работе принципиальное значение имеет то, как понимаются различные термины, их соответствие тем или иным понятиям. Особенно это важно, когда затрагивается такой сложный и противоречивый вопрос, как национальный, где не просто вывести универсальную терминологию. Каждый народ и регион специфичны, имеют различные геополитические условия, у каждого свое историческое развитие. В этой связи проблематичным до сих пор остается определение сущности такого понятия, как «нация». Существует несколько разновидностей его определения: психологическое, культурологическое, этнологическое, историко-экономическое и другие¹⁸. Мы не ставим задачу проводить исследование по данному вопросу и сформулировать новое определение, укажем лишь те, которые используются в работе с учетом «российской» и «чувашской» специфики.

В отечественной исторической науке одним из наиболее распространенных определений является марксистско-ленинское понимание слова «нация», которое в 1913 г. в статье «Марксизм и национальный вопрос» И.В. Сталин сформулировал следующим образом: «*нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономических связей и психического уклада, проявляющегося в общности культуры*»¹⁹, где видно, что культурный (языковой) фактор имеет первоочередное значение. В более поздней советской традиции в середине XX в. была принята несколько иная трактовка понятия нация. В это время под нацией понималась «историческая общность людей, складывающаяся

в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера»²⁰. Здесь главное внимание уделено территориальному фактору. Нам кажется более приемлемым «сталинский» вариант, так как для чувашей общность культуры на протяжении веков имела преимущественное значение. Универсализм трактовки И.В. Сталина заключается и в том, что она, хотя и искусственно, вобрала в себя понимание двух различных точек зрения – историко-экономического и психологического подходов²¹. Именно это определение взято за основу. Соответственно когда в тексте монографии упоминаются слова «нация» и «национальный», то подразумевается указанная выше сталинская трактовка.

В настоящее время в России наметилась «западная» тенденция в использовании слова нация – в гражданско-правовом смысле, который подразумевает вхождение в нацию всех граждан страны, независимо от этнического и расового происхождения. В отношении коренных народов России чаще используется термин «этнос». В монографии отдано предпочтение слову «нация» в прежнем «сталинском» понимании, так как оно более отображает политический и идеологический аспект, чрезвычайно важный для нашей темы.

Следующим часто употребляемым в исследовании термином является «национально-территориальная автономия». Это словосочетание в науке устоялось и, как правило, не вызывает разногласий, так как достаточно полно воспроизводит существо понятия: *«национально-территориальная автономия – разновидность территориальной автономии, один из способов решения национального вопроса. Означает предоставление отдельной части (частям) унитарного государства, населенной преимущественно представителями какого-либо национального меньшинства, определенной самостоятельности в решении вопросов внутренней жизни»*²².

С термином «культурно-национальная автономия» несколько сложнее, поскольку в советское время это понятие больше отождествлялась не с формой решения национального вопроса, а с оппортунистическим для марксистско-ленинской идеологии австромарксизмом начала XX вв. и теорией К. Реннера и О. Бауэра²³. Как известно, для всей советской историографии характерна негативная и осуждающая оценка этой формы автономии. В современной традиции наблюдается некоторое размежевание между взглядами историков, социологов и юристов. Первые, как правило,

анализируя рубеж XIX-XX вв., продолжают отождествлять *теорию культурно-национальной автономии* с учением австромарксистских теоретиков²⁴. Вторые подходят с социологической точки зрения²⁵, а юристов больше всего интересует современность, они чаще всего опираются на Федеральный закон от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ «О национально-культурной автономии» и трактуют вопрос, исходя из его положений²⁶. Из всех вышеназванных подходов более приемлемым нам кажется социологический. Для того чтобы размежевать различные трактовки, в рамках нашего исследования считаем более предпочтительными словосочетания «культурная» и «экстерриториальная» автономия на следующих основаниях:

- словосочетание «культурно-национальная автономия» не встречается у австромарксистских теоретиков. В своих работах О. Бауэр используют термины «персональная», «экстерриториальная», «национальная» и «культурная» автономии²⁷. Традиция слияния двух последних в словосочетание «культурно-национальная» появилась в начале XX в. под влиянием партии большевиков и В.И. Ленина, которые, в частности, пытались противопоставить свою форму решения национального вопроса в виде территориальной (областной) автономии всем остальным формам, стоявшим на экстерриториальных позициях²⁸;

- в источниках по истории чувашского национального движения вплоть до начала 1920-х гг. не встречается вышеуказанная двойная формулировка, а используются такие понятия, как «культурная автономия»²⁹, что на наш взгляд, точнее отображает реальное положение чувашей.

В этой связи в работе, как правило, используются термин «культурная» автономия, чтобы подчеркнуть правовой и социальный статус такого типа автономии. Термин «экстерриториальная» автономия используется с целью подчеркнуть политическую составляющую. Иногда эти термины объединяются – «культурная и экстерриториальная», что означает объединение чувашских общин в единую экстерриториальную сеть с претензией на всероссийское этнополитическое представительство.

Под термином «автономия» понимается самоуправление внутри государства какой-нибудь социальной группы. В нашем случае это группа этносоциальная. Из множества определений слова «культура», применительно к нашей теме, больше соответствуют понятия, связанные с развитием духовной сферы жизни: искусства, творчества, воспитания, образования, развитие мора-

ли, этики и нравственности. В итоге в контексте исследования мы выводим собственное определение «культурной автономии» как: *«невмешательство государства в духовную (культурную) сферу какой-либо этносоциальной группы с самобытными культурными традициями, а также сохранение в экономической и социальной сферах условий для поддержания, воспроизводства и дальнейшего развития его культуры»*. Такое определение очень важно для осознания этноправового положения чувашей в составе Российского государства с середины XVI в. и до начала XX в. Данное определение имеет параллели с пониманием культурно-национальной автономии, выраженном в 1905 г. на шестом съезде Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунд), который провозгласил следующее: «изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и прочее) и передача их нации»³⁰.

«*Экстерриториальность*» (от лат. ex – «из», «вне» + лат. *territoralis* – «относящийся к данной территории») в контексте национальной автономии, с нашей точки зрения, означает возможность консолидации нации в единую административно-культурную общность при игнорировании административно-территориальных границ, разделяющих диаспорные группы этой нации. Таким образом, когда мы пишем «*культурная и экстерриториальная автономия чувашей*», это значит, что мы стремимся подчеркнуть: это способ решения национального вопроса для чувашей, построенный исключительно на принципе экстерриториальной автономии.

Когда в работе говорится о самобытных культурных традициях, сохранившихся в чувашских крестьянских общинах, это не означает, что они везде были одинаковы и идентичны друг другу. Естественно, существуют некоторые различия между культурными традициями чувашей Казанской, Уфимской или, например, Самарской губерний. Основным объединяющим фактором является то обстоятельство, что люди самоидентифицируют себя чувашами и их культурные традиции имеют больше сходств, чем различий.

В остальном терминологический аппарат существенно не противоречит общепринятому. Дополнительно поясним лишь смысл таких понятий, как идеология», «идея», «проект», «платформа» и «программа», так как они имеют существенное значение в исследовании, поэтому необходимо четко различать дефиниции между ними.

Понимание термина «*идеология*» вполне традиционное – это

«система идей и взглядов: политических правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, выражаются интересы социальных групп». Соответственно под словом «идея» (от греч. – «понятие, представление») в широком смысле слова понимается *«мысль, общее понятие о каком-либо предмете или явлении»*³¹. Применительно к нашему случаю, речь идет о представлениях отдельных национальных активистов о том, как необходимо решить национальный вопрос для чувашей. Иными словами, если человек свое видение просто обсуждает с единомышленниками, то это «идея». Если этот человек проводит практическую деятельность по реализации своей идеи, привлекает широкий круг единомышленников, в том числе ранее незнакомых, организует национальные и общенациональные съезды, а в случае необходимости и отстаивает свои идеи перед региональным и общегосударственным руководством, то это уже не просто идея, а «проект» (от греч. «брошенный вперед»), т.е. «план, замысел»³². Слияние нескольких проектов в единую общенациональную позицию и официально утвержденную на общепризнанном мероприятии образует «платформу» или «программу», то есть общую позицию, опирающуюся на какую-либо концептуальную основу общего характера. Эти термины в работе используются не часто, так как в чувашском национальном движении все проекты до 1920 г. сводились, как правило, только к культурной и экстерриториальной автономии, и на разных этапах ее олицетворял определенный национальный лидер. Поэтому, когда в тексте упоминаются словосочетания «проект Алюнова» или «проект Эльменя», подразумевается, что общую линию проводили и олицетворяли данные общественные или политические лидеры. Различных проектов отдельных личностей было множество, но в данной работе мы выделяем наиболее, на наш взгляд, значимые, которые внесли значительный вклад в попытку реализации культурной и экстерриториальной автономии.

Отметим разницу между такими понятиями, как «территориальный» и «культурный (экстерриториальный) принципы». Поясним на примере: когда говорят «жители Чувашии» – это «территориальный принцип». Он касается всех, проживающих в Чувашии, независимо от национальности, и не касается тех, кто находится за пределами Чувашии, даже если это чуваш по происхождению. И напротив, когда говорят «чувашский народ», – это «культурный принцип». Этим подчеркивается общность чуваш-

шей, независимо от места проживания (т.е. экстерриториально).

1.2. Историография вопроса

Анализируя историческую литературу по вопросу существования идеологической платформы чувашского национального движения в начале XX в., мы можем констатировать, что чувашской исторической науке просто не повезло. Дело в том, что специфика чувашского народа свидетельствует о том, что на протяжении веков культурный и экстерриториальный принцип решения национального вопроса был наиболее предпочтительным. Среди других народов бывшей Российской империи было два, которые так настойчиво и принципиально отстаивали культурные и экстерриториальные принципы, – это еврейский и чувашский. Другие народы, в разной степени, находили для себя наиболее приемлемым национально-территориальный принцип. Культурная и экстерриториальная автономия – это идеологическая суть борьбы чувашей за национальное равноправие, начиная с XVIII в. и до первой половины 1920-х гг. Трагедия чувашской науки в том, что в начале 1920-х гг., когда начала формироваться чувашская историческая наука, в силу идеологических соображений положительно и объективно об этой форме решения национального вопроса писать было нельзя. Тот, кто решался на это, получал ярлык буржуазного националиста с печальными последствиями. В итоге многие участники и современники тех событий просто предпочитали молчать, документы уничтожать, публиковать и рассказывать последующим поколениям только то, что было удобно с точки зрения коммунистической парадигмы исторических знаний. Вследствие этого огромный массив информации в настоящее время утрачен, и уже нам по крупицам приходится собирать сведения и реконструировать общую картину национального движения чувашского народа.

Хотя литература по национально-государственному строительству Чувашии обширна и подвергнута тщательному историографическому анализу³³, но экстерриториальные идеи и проекты, несмотря на их высокую значимость в истории чувашского народа, еще ни разу не становились предметом отдельного исследования – о них принято упоминать, как правило, только через призму становления национально-территориальной автономии, мимоходом и без должного комплексного анализа.

В рамках настоящего раздела предполагается провести анализ исторической литературы, опубликованной в советское время

и сейчас, в которой в различной степени рассматриваются идеи и проекты культурной и экстерриториальной автономии чувашского народа. Рассмотрим их с момента появления, то есть с начала 1920-х гг.

Особенность исторических работ 1920-х гг. состоит в том, что, как правило, они принадлежат перу непосредственных участников становления чувашской автономии – Д.П. Петрову-Юман, Д.С. Эльменю, А.Д. Краснову, С.А. Коричеву, В.В. Тюмерову и другим. Им, как опытным политикам, было необходимо совмещать историческую правду, идеологические установки того времени, а также конъюнктурные соображения текущего момента. Такая эклектичность условий наложила отпечаток на их работы. Наиболее плодовитым среди них был видный активист национального движения в 1905–1907 гг. и фактически его основной руководитель в первой половине 1918 г. – Д.П. Петров-Юман, который в то время называл себя чувашским национал-социалистом.

Работа Юмана «Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение» (1921 г.) является неоценимым источником с богатейшим массивом исторической информации и самостоятельных авторских выводов начиная с «Болгарского царства на Волге» и до начала XX в. С сожалением, отметим, что автор ограничил хронологические рамки исследования, доведя их до Первой русской революции 1905-1907 гг. Богатейший материал за 1917-1918 гг., которым Юман располагал, остался за рамками его публикации. Причины вполне понятны: в то время он находился на особом «офицерско-белогвардейском» счету³⁴ и данную книгу писал, будучи заключенным в тюрьму ЧК³⁵. «Популяризировать» свои культурно-национальные, т. е. «антибольшевистские», убеждения ему в течение всей оставшейся жизни было небезопасно, вследствие чего он тогда ограничился исследованием только начального этапа революционных событий в Чувашии. Анализ данной работы Юмана представляет большой интерес по многим причинам. Рассмотрим более подробно то, как Юман характеризовал суть чувашского национального движения в годы Первой русской революции.

Описывая события 1905–1907 гг., он занимал двойственную позицию. С одной стороны, Юман придерживался большевистской традиции, раскрывая экстерриториальные идеи, а вместе с ними и идеологическую платформу чувашского национального движения, с негативной точки зрения. Он характеризует эти идеи в сравнении с ленинской политикой как что-то нереальное непол-

ноценное и нежизнеспособное³⁶. Однако внимательный читатель, прочтя работу целиком, мог прийти и к иным выводам. Так, в частности, после нелестных оценок экстерриториальных «ошибок» чувашских деятелей периода Первой русской революции автор ненароком и без комментариев сообщает сведения, которые фактически опровергают вышесказанное. В частности, он говорит, что в то время проектировалось создание «общечувашского земского союза и объединения чувашских кооперативов, которые являлись таким образом органами выявления народной воли, могли бы решать и проводить в жизнь политические и экономические задания нации, как, например учреждение национального фонда для обслуживания разного рода общенациональных мероприятий для улучшения благосостояния народа»³⁷. Эта цитата говорит о том, что у чувашских деятелей того периода была своя политическая и идеологическая платформа, и именно ее, как показали последующие события, пыталась реализовать «команда Эльменя» вплоть до середины 1920 г. по всей стране в виде сети чувашских трудовых коммун, построенных по кооперативному принципу. Отметим как тонко Юман в 1921 г. совместил критику «антиленинских» экстерриториальных идей с прямо противоположной рекомендацией: на основе именно экстерриториальных идей чувашскому руководству в дальнейшем надо вести свою политику.

В начале 1920-х гг. Юман еще относительно свободно выражал свое мнение. К 1926 г. его взгляды претерпели значительную эволюцию, и в следующей работе – «Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк»³⁸, в оценке экстерриториальных идей и проектов периода Первой русской революции Юман убрал прежние двусмысленности и уже более однозначно писал, что «чувашские революционеры 1905 г. были плохо подготовлены к тому, чтобы организовать какие-либо самостоятельные политические партии – для этого среди чувашей не было классово-основы», писал, что у деятелей того времени была «слабость и половинчатость в области разрешения национального вопроса» и что «чувашская революционная мысль не шла дальше требований культурно-национальной автономии Отто Бауэра»³⁹. Такие эпитеты, думаем, были обусловлены конъюнктурными соображениями автора с целью показать искреннюю готовность всего чувашского народа принять национально-территориальные принципы в форме республики. В середине 1920-х гг. это было более акту-

ально, чем пытаться возродить экстерриториальные принципы. Немаловажно это было и лично для Юмана. В то время он еще не избавился от ярлыка «белогвардейского офицера» и поэтому такими выводами пытался дистанцироваться от собственных экстерриториальных проектов 1917–1918 гг. В середине 1920 гг. было опасно высказывать свои симпатии в отношении культурных и экстерриториальных проектов, которые в то время шаблонно ассоциировались с оппортунистическим марксизм-ленинизмом течением австромарксизма. Юману было небезопасно высказываться положительно о такой программе решения национального вопроса даже намеком. Кстати, и Д.С. Эльмень был вынужден пойти по тому же пути. В середине 1920-х гг. в своих публикациях с аналогичными целями выполнял своеобразный «государственный заказ», саркастически и разгромно критикуя в прессе экстерриториальную программу О. Бауэра и К. Реннера⁴⁰, а по сути свои же прежние экстерриториальные установки 1918–1921 гг.

В книге 1926 г. Юман упомянул о проекте «общечувашского союза земств», который он благожелательно характеризовал в работе 1921 г. Но здесь он данной идее вынес уничтожающий вердикт: «Этот проект очень сильно занимал умы революционных кругов, и были предприняты подготовительные работы к его составлению. Но проект в условиях буржуазно-демократического строя, к которому стремились чувашские революционеры, был столь фантастичен и практически неразрешим, что авторы его сами путались меж трех сосен и ничего конкретного предложить не могли»⁴¹. Вообще в работе проводится мысль о том, что причины ошибок того периода – в увлечении «фантастическими» и оппортунистическими учениями, как учение О.Бауэра. В итоге дается рекомендация – лучше бы изучали ленинские работы, тогда совершили бы значительно меньше ошибок.

В 1926 г. Юману пришлось писать и о событиях 1917 – первой половины 1918 гг. Здесь он использует терминологию, которая изначально настраивала читателя негативно по отношению к историческому опыту чувашей этого периода. Так, Общество мелких народностей Поволжья мая 1917 г. он назвал «мертворожденным» только потому, что это Общество, якобы, основное внимание уделяло культурно-просветительским задачам, отмежевываясь от решения социально-политических во-

просов⁴². Вполне очевидно, что Юман проявлял определенное лукавство, так как он прекрасно знал, что на съезде данного «Общества» обсуждались социальные, политические и экономические вопросы, нашедших отражение в опубликованных резолюциях⁴³. Обратим внимание и на то, как он описывает общечувашские съезды 1917 г., участником которых он был сам. Например, на первом Общечувашском съезде в июне 1917 г., на котором он даже был основным докладчиком по аграрному вопросу, остро обсуждались вопросы по политическому участию чувашей в общероссийской жизни, формированию сети чувашских кооперативов и многое другое. Юман, в принципе, мог бы рассказать многое, но, по-видимому, решил избежать многих подробностей – в его исследовании нет этих вопросов. В то же время есть фраза, впоследствии ставшая частой цитатой, своего рода клише, о том, что съезды «ограничивались требованиями культурно-национальной автономии»⁴⁴. Изучение историографического наследия Юмана и его роли в формировании современных научных знаний об истории становления автономии и государственности чувашского народа достойна отдельного исследования. Однако надо помнить, что к трактовкам Юмана необходимо относиться очень внимательно и критично, рассматривая их в контексте времени создания его работ, политической и личной конъюнктуры, которая складывалась в те годы. При всем этом работы Юмана, пожалуй, самые информативные в рамках нашей темы, и в них есть сведения, которые уже невозможно найти в других источниках, в том числе и в архивах.

Что касается других национальных деятелей, которые писали об истории становления чувашской автономии, то здесь заслуживает внимания Д.С. Эльмень, который в 1918-1921 гг. был активным сторонником экстерриториальной автономии, но писал только о «культурных» проектах до Октябрьской революции 1917 г. При этом он обходился расхожей лексикой, говоря об «ограниченных» требованиях культурно-национальной автономии и никак не комментировал более поздние события. Эльмень подобно опытному дипломату описывал только то, что соответствовало ленинской национальной политике⁴⁵. Бывший сподвижник Д.С. Эльменя С.А. Коричев вообще обходил стороной экстерриториальные вопросы⁴⁶.

Левый эсер А.Д. Краснов, человек, который весной 1918 г., будучи левым эсером, претендовал на экстерриториальное руковод-

ство всеми чувашами России, в своих воспоминаниях писал только о своей приверженности советской власти. При этом он опускал сведения об экстерриториальных проектах, каялся в ошибках, которые, как он признавался в 1925 г. появились «за счет моей тогдашней политической невоспитательности, в силу недостаточного уровня политического развития и недостатка культурного развития»⁴⁷. В итоге для потомков от этих деятелей сохранились либо молчание, либо самоуничижительные формулировки, которые стали характеризовать не только отдельных национальных деятелей, но и экстраполировано на национальное движение чувашей начала XX в. в целом – какие лидеры, такой и народ.

В начале 1930-х гг. появились исторические работы, подготовленные не участником тех событий, а профессиональным историком И.Д. Кузнецовым. Значимость его публикаций в чувашской историографии огромна, и ее сложно переоценить. Его работы всегда в центре внимания историков, о чем свидетельствуют многочисленные публикации о нем⁴⁸. В работах И.Д. Кузнецова нужно отметить очень высокий уровень владения содержанием архивных материалов как в Чувашии, так и в других регионах. Благодаря этому он привнес много конкретики в целый ряд вопросов по истории чувашского народа, в том числе, и по периоду начала XX в. Остановимся обзорно на том, как он рассматривает интересующий нас вопрос. Отметим следующее.

В оценке позиции чувашских деятелей начала XX в. и сущности национального движения досоветского периода 1917 г. И.Д. Кузнецов проявил себя как последовательный ученик Института красной профессуры и исторической школы М.Н. Покровского, вследствие чего воинственно относился ко всем классовым врагам пролетариата. Он, исполняя государственный и идеологический заказ конца 1920–1930 гг., не стал «либеральничать», как Эльмень и Юман, и охарактеризовал сторонников культурно-национальной автономии чувашей не как «ограниченных» и «ошибающихся», а как врагов марксистско-ленинского учения, подлежащих немедленному искоренению⁴⁹.

И.Д. Кузнецов выступал с безжалостной критикой в адрес национальных лидеров чувашей, которые в начале 1918 г. «стояли на советской платформе», а также комиссара А.Д. Краснова за то, что тот «барахтался в мелкобуржуазном болоте идей»⁵⁰. Под этим болотом понимались идеи и проекты культурной и экстерриториальной автономии. Не ушел от критики и бывший национал-социалист Юман. В частности, позицию Центрального чувашского военного совета «Канаша» под руководством Юмана, И.Д. Кузнецов

обозначил как «двойственную позицию признания Советов и земств... все время колебался, разоблачая свою соглашательскую природу»⁵¹, считал «группу Петрова-Юмана ... наиболее опасной, вреднейшей группой, в замаскированной форме защищающей открытых учредителей, вроде Алюнова, Титова и др.»⁵². Особое внимание И.Д. Кузнецов уделил анализу деятельности Чувашского левосоциалистического комитета, где одним из руководителей был Юман, считая «что он как раз и тормозил ускорение большевизации трудящихся масс Чувашии, являясь левым прикрытием кулацкой контрреволюции»⁵³.

Во всех работах И.Д. Кузнецова, вплоть до конца его жизни, невозможно найти ни одного доброго слова о проектах чувашской культурной автономии – везде они характеризуются как классово чуждые. Все деятели, которые имели отношение к ним, подвергались обструкции. Отметить важную особенность. В ходе изложения событий 1918 г. И.Д. Кузнецову приходилось не раз упоминать имя Д.С. Эльменя, но он не дает Д.С. Эльмену какой-либо оценки – ни хорошей, ни плохой, что для него не характерно. При этом везде выпячивает, а иногда и малообоснованно, его борьбу с правыми социалистами и защиту ленинской программы. В монографии 1935 г. «Предыстория Советской Чувашии» ученый довольно подробно осветил историю Чувашии, начиная с периода Волжской Болгарии, но свое исследование довел только до лета 1918 г. Периоду со второй половины 1918 г. и до образования Чувашской автономной области в июне 1920 г. автор уделил только две страницы, озаглавленные «Под знаменем ленинского Интернационала», треть содержания которых занимает цитирование В.И. Ленина, далее – обезличенно о борцах с «чувашскими национал-эсерами», колчаковскими бандами и девятистах коммунистах на момент образования чувашской автономии⁵⁴. По-видимому, только борьба против «эльменовщины» в 1930-х гг., которую официальная идеология трактовала как «воспроизведение старых чувашских эсеров-националистических взглядов, лишь прикрытых большевистской фразеологией»⁵⁵, удержала И.Д. Кузнецова от фразы, что всем хорошим чувашаи обязаны Д.С. Эльмену. Вывод напрашивается именно такой – Кузнецов «выгораживал» Эльменя и преподносил только с положительной с точки зрения советской идеологии, стороны, сознательно умалчивая об экстерриториальных «ошибках» Д.С. Эльменя. Можно предположить, что сыграла роль и личная симпатия историка к этой действительно выдающейся фигуре в истории Чувашии начала XX века. Неслучай-

но И.Д. Кузнецов пострадал – в 1937 г. он был обвинен в «двурушничестве» и покровительстве «эльменовцам»⁵⁶.

Рассмотрев основные работы 1920-1930 гг., необходимо дать некоторые оценки по вопросу репрессий конца 1930-х гг. применительно к нашей теме. В материалах уголовных дел репрессированных обращает на себя внимание то, что одним из пунктов обвинения являлась приверженность идеям культурной автономии, что усугубляло вину. Например, укажем на обвинение чувашского поэта Н.В. Васильева-Шубоссина. Ему инкриминировали положительный отзыв о программе чувашской культурной автономии в начале XX в. в книге «Краткий очерк истории чувашской литературы», изданной в Москве в 1930 г. В 1938 г. именно эта книга стала основанием для репрессий автора. Так, следователи выявили, что книга «содержит некоторые националистические установки», в результате чего она была изъята из обращения⁵⁷, а автор был посажен в тюрьму, где и умер в 1942 г.

Теперь рассмотрим период 1950 – середины 1980-х гг. Остановимся только на тех моментах, которые представляют интерес с точки зрения исследования чувашских экстерриториальных проектов. Начало этого периода, в 1950 г. знаменует знаковая публикация Я.К. Павлова, который довел до логического завершения дело, начатое Д.С. Эльменем, продолженное Юманом, И.Д. Кузнецовым и другими. Первый обвинил в экстерриториальных ошибках досоветских и право-эсеровских лидеров, второй включил в этот список А.Д. Краснова, а последний присовокупил туда и «юмановщину». Я.К. Павлов первый и, пожалуй, единственный в отечественной историографии, кто в этот список включил и самого Д.С. Эльменя. В своих публикациях он не назвал открыто его фамилию. Работы Павлова, в соответствии с традициями того времени, максимально обезличены. Но именно такой вывод напрашивается, когда сталкиваешься с утверждением, что в деле становления советской территориальной автономии чувашей заслуга принадлежит не руководству Чувотдела при Наркомнаце, а Наркомнацу и лично И.В. Сталину: «Наркомнацу пришлось проявить много упорства и выдержки в исправлении ошибок и колебаний руководителей Чувашского отдела и его филиалов на местах, связанных с буржуазно-националистическим наследством»⁵⁸. Я.К. Павлов даже объявил, что при разработке проекта Чувашской трудовой коммуны в 1920 г. чувашские коммунисты пытались

продвигать «политически вредную линию националистических групп» и не избавились полностью от «буржуазно-националистических» идей культурной автономии⁵⁹, т. е. фактически Павлов сообщил, что проект Чувашской трудовой коммуны носил экстерриториальный, а не территориальный характер. Это единственный прецедент в советской и современной историографии.

Публикации Я.К. Павлова у научной общественности Чувашии вызвали шквал эмоций, так как нигилистская позиция автора по отношению к чувашскому народу носила вызывающий характер. Особым отторжением был отмечен следующий вывод автора: «В результате победы социализма чувашаи из вырождающейся народности превратились в равноправную социалистическую нацию»⁶⁰. Эта фраза вызвала громкую научную полемику: являлся ли чувашский народ до Октябрьской революции нацией или нет⁶¹? Слабым местом оппонентов Я.К. Павлова было наличие своего рода «скелета в шкафу»⁶², то есть старых проектов культурной и экстерриториальной автономии, которые, напомним, согласно официальной коммунистической доктрине того времени, считались проявлением классовой и соответственно национальной незрелости, а это в советское время расценивалось как что-то недостойное и не дающее права принадлежать к категории социалистических наций. Такая постановка вопроса грозила утратой национальной суверенности: если чувашам тогда была необходима партийная поддержка, то зачем сейчас оставлять им региональную самостоятельность? Чувашские историки в силу коммунистического и идеологического детерминизма не смогли дать адекватного ответа и начали придирается к мелочам⁶³.

В результате резонанса от работ Я.К. Павлова в 1950–1980-е гг. в чувашской традиции исторических исследований сложилась своеобразная научная школа, которая разительно отличалась от научных школ соседних республик. Выражалось это в следующем: если мы не можем на основе политических воззрений своих лидеров в 1918–1920 гг. доказать готовность чувашской нации к национально-территориальной автономии, то это можно доказать, опираясь на поддержку широких трудящихся масс и их отзывчивость на нововведения советской власти. В то время как в соседних республиках выходили многотысячными тиражами монографии с достаточно подробным анализом истории образования собственной автономии начиная с 1917 г.⁶⁴, чувашские историки пошли по другому пути. Уделяя минимум внимания реальным программным тре-

бованиям культурной и экстерриториальной автономии чувашей в 1917–1920 гг., они выпустили ряд исследований по развитию в Чувашии советских учреждений, которые имели минимальное отношение к национальному движению⁶⁵. Здесь прослеживалась тенденция прикрыть «неблаговидные» идеи и проекты экстерриториальности за парадной вывеской победы советской власти в Чувашии.

В связи с перекосом в сторону советского, а не национального строительства, у чувашских историков наблюдается избирательное отношение к архивным документам. Отличие заключалось в том, что в соседних республиках, ученые-историки уже в 1960-х гг. выпустили достаточно обширные сборники документов и материалов по истории становления своих республик, начиная с 1917 г. и до начала 1920-х гг. В этих материалах им пришлось указать на некоторые антибольшевистские действия (в том числе и культурно-национальные) своих национальных лидеров и организаций, а также пусть тенденциозно, но все же их прокомментировать⁶⁶. Аналогичных сборников в Чувашии нет и поныне. Чувашские историки проявили изрядную находчивость, издав по периоду 1917–1920 гг. целых три сборника – «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии», «Чувашия в годы Гражданской войны» и «Образование Чувашской автономной области»⁶⁷. Третий сборник, судя по названию, должен был осветить вопрос становления чувашской автономии, но он не отвечал поставленной задаче, так как приводил изложение документов только с января по декабрь 1920 года. Причина такой хронологии очевидна: не публиковать «сомнительные» документы периода 1917–1919 гг., в которых много сведений о «мелкобуржуазной» культурной автономии, а сосредоточиться на становлении советских учреждений, их значимости в решении национальных вопросов, а также участии Чувашии в Гражданской войне.

Избирательность проявилась и в подборе документов. Анализируя сборники, мы видим, что из приведенных 846 архивных документов использованы только 3(!) из архивного фонда Р-499 Центрального государственного архива Чувашской АССР (ныне ГИА ЧР), в котором хранятся богатейшие материалы как Чувотдела при Наркомнаце, так и предшествующих ему организаций – ЧЛСК, Казанского КЧД, КЧВОК, «Асла Канаш», протоколы двух общечувашских съездов 1918 г., материалы совещаний деятелей просвещения среди чувашей 1919–1920-х гг. и еще многое другое. Причем, в этих сборниках использованы и другие материалы, отраженные

в указанном фонде, но составители предпочли найти копии документов в других фондах и даже архивах, но не делать ссылок на указанный фонд. Причина такого подхода, на наш взгляд, понятна: составители всеми силами старались отвлечь внимание от этого фонда. Отметим, что исследователи того времени не поддержали инициативу Я.К. Павлова характеризовать деятельность Д.С. Эльменя и его Чувотдела при Наркомнаце как экстерриториальную, следуя И.Д.Кузнецову просто не акцентировали на этом внимание, обильно цитируя В.И. Ленина.

В рассматриваемом историографическом периоде особняком стоит совместная монография чувашского историка В.Н. Любимова и башкирского ученого Б.Х. Юлдашбаева⁶⁸. Это была попытка комплексного рассмотрения процесса национального самоопределения народов Волжско-Уральского региона. Для того времени такая работа была прорывом. В разделах, посвященных чувашскому народу, имеется многочисленная информация и расширенный анализ деятельности уже основательно позабытых чувашских организаций и их представителей, а также некоторых противоречивых и неоднозначных моментов становления автономии, таких, например, как вопросы, связанные с отношением чувашских деятелей в 1918–1920 гг. к идее создания Татаро-Башкирской советской республики (ТБСР). В то же время следует отметить, что комплексность исследования связана только с изложением ленинской политики, глава V посвящена татаро-башкирскому вопросу, а глава VI – чувашскому, между собой они почти не перекликаются и замыкаются на собственных проблемах. К слабым местам следует отнести и то, что чувашский материал (как идеологически «сомнительный» из-за культурных притязаний) был отчасти подогнан в угоду более верному, с идеологической точки зрения, требованию башкирской территориальной автономии. Так, например, в монографии цитируется отрывок постановления съезда симбирских чувашей-коммунистов от 23 декабря 1919 года о категорическом отказе чувашей от создания ТБСР и вхождения в него чувашского народа. При этом проводится мысль, что якобы аналогичное решение принял и Первый Всероссийский съезд чувашских секций и ячеек РКП(б) в Казани 8 февраля 1920 года, а Чувашскую трудовую коммуну планировалось создать территориально отдельно от ТБСР⁶⁹, что не соответствует действительности, так как протоколы и резолюции съезда говорят об обратном⁷⁰.

В завершение анализа историографии второго советского периода отметим следующую важную закономерность – началась планомерная работа по исторической реабилитации чувашских национальных организаций, которые в 1930–1950-е гг. тенденциозно были отнесены к антисоветскому лагерю. Самую большую работу по реабилитации, пожалуй, проделал исследователь Г.М. Титов, который на рубеже 1960–1970-х гг. внимательно изучал архивы, в том числе фонд Чувотдела при Наркомнаце и стал подвергать сомнению устоявшиеся со временем тезисы. Так, он выступал против определения ЧЛСК как «кулацкой» организации, ссылаясь на положительный опыт этой организации⁷¹. Данному вопросу он отвел в своих исследованиях одно из основных мест. В работах Г.М. Титова появились положительные оценки и досоветских национальных деятелей, к которым, по его мнению, необходимо подходить дифференцировано⁷². Например, он утверждал, что применительно к чувашским деятелям термин «правый эсер» не может быть применен⁷³. Большой личной заслугой Г.М. Титова, на наш взгляд, стало то, что он поднял вопрос о необходимости исследования истории становления «Кружка деятелей по просвещению чувашей» 1906 г.⁷⁴ Исследования Г.М. Титова заложили основу лояльной оценки чувашских деятелей и организаций, что стало характерно для последующего периода историографии.

Знаковой является работа Т.А. Ахазова, который в работе практически всех чувашских организаций пытался видеть положительное начало в деле становления советской власти в Чувашии⁷⁵. Деятельность «правых эсеров и буржуазных националистов» в 1917–1918 гг. Т.А. Ахазов оценивает не только негативно, как это было принято ранее, а напротив, А.Д. Краснова и его соратников в первой половине 1918 г. называет «мелкобуржуазными революционными демократами», подчеркивая их вклад в дело становления чувашской автономии⁷⁶.

Подводя итоги второй половины советского периода, отметим две основные особенности. С одной стороны, сформировалось достаточно позитивное отношение к деятельности чувашских лидеров как досоветского периода, так и первых лет диктатуры пролетариата: в их деятельности усматривалось больше положительного, чем отрицательного в сравнении с 1920–40-ми гг. Но с другой стороны, была практически полностью нивелирована суть чувашского национального движения, т. е. культурная и экстерриториальная автономия чувашского народа. Последовательная и

целенаправленная борьба чувашских лидеров была «закамуфлирована» под тезисами о «культурной и политической отсталости» чувашей. На общегосударственном уровне стало принято говорить больше о роли ленинской национальной политики и ведущей роли в этом партии большевиков⁷⁷.

В отношении современного периода (сер. 1980-х гг. по настоящее время) отметим следующую характерную особенность – отсутствие давления советской и коммунистической идеологии на историческую науку. Однако появилась иная тенденция: рассматривать становление чувашской автономии, как правило, через призму становления чувашской государственности в национально-территориальной форме. В результате этого экстерриториальные идеи и проекты опять-таки оказались нежелательными и невостребованными. Тем не менее, ослабление ценза со стороны государства привело к таким позитивным моментам, которые создали предпосылки для пересмотра сложившейся парадигмы знаний по данному вопросу.

В 1980-х гг. основными в интересующем нас направлении стали работы В.Г. Тимофеева⁷⁸ и Е.К. Минеевой⁷⁹, которые развили тему значимости национальных организаций в деле становления автономии и государственности чувашского народа. В этот же период начинают появляться многочисленные публикации А.В. Изоркина, уделившего большое внимание позабытым историческим материалам из архивов закрытых для независимых исследователей как в Чувашии, так и за ее пределами. В особую заслугу исследователю можно поставить публикацию биографий советских деятелей того времени в сборниках «Они боролись за счастье народа»⁸⁰ и, в соавторстве с Г.А. Александровым, деятелей, отнесенных к категории антисоветских, в сборнике «Их имена останутся в истории»⁸¹. Его публикации по периоду 1917–1920 гг.⁸² до сих пор являются фундаментальными исследованиями в этой области и современные историки во многом опираются именно на его изыскания. Однако стремление А.В. Изоркина соизмерять чувашское национальное движение с соседним для него мусульманским и при этом считать чувашей нацией «догоняющей» мусульман, на наш взгляд, не позволяет до конца прояснить всю сложность и многообразие вопроса⁸³. На наш взгляд, А.В. Изоркину, несмотря на огромный вклад в историческую науку Чувашии, не удалось осветить вопросы, связанные с культурными и экстерриториальными проектами чувашского движения, и, соответственно, дать им должную оценку.

Для нашей темы важны также работы историков Г.А. Александрова⁸⁴, В.Д. Дмитриева⁸⁵, В.В. Макаревского⁸⁶ и др. Из зарубежных исследователей много внимания чувашскому национальному движению уделил А. Каппелер, который исследует борьбу за национальное равноправие народов Российской империи на примере Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв.⁸⁷

На рубеже XX-XXI вв. появилась новая генерация ученых постсоветского периода, которая внесла значительный вклад в пересмотр прежней советской парадигмы. Эту группу отличает повышенное внимание к архивным документам. Ими собран и переработан значительный количественный массив малоизвестной ранее информации, сосредоточенной в архивах Чувашии, соседних республик и России в целом.

Для некоторых исследователей характерно стремление поиска новых форм и решений, так как некоторые «экстерриториальные» факты настолько выпуклы и очевидны, что им необходимо дать толкование, и толкование современное. В этой связи отметим работу Е.К. Минеевой⁸⁸, которая, рассматривая период 1920–1930-х гг., уделяет внимание и 1917–1920 гг. В ее работах имеется богатый материал о проекте ТБСР, территориальных дискуссиях в процессе становления автономии Среднего Поволжья, борьбе лидеров Чувашии за преобразование автономной области в АССР. Вопрос о становлении и деятельности Чувашского отдела при Наркомнаце стал темой всестороннего и детального исследования Минеевой Е.К., ею были сделаны новые выводы⁸⁹, например, о роли А.Д. Краснова в учреждении Чувашского отдела при Наркомнаце и чувашской государственности в целом⁹⁰. По сравнению с советской традицией, мы считаем прогрессивным то, что сам Чувотдел рассматривался Минеевой Е.К. не только со стороны образования чувашской национально-территориальной автономии, но и в связи с его деятельностью в культурно-политическом направлении, а также по укреплению в Чувашии Советской власти⁹¹.

Интересный и значимый вопрос о роли чувашского национального движения в истории образования ТБСР применительно к 1918 г. был поднят Т.В. Немцевой⁹². Эта тема важна потому, что именно «чувашская позиция» во многом предопределила судьбу ТБСР. Однако эту публикацию не можем считать исчерпывающей, так как применительно к событиям весны 1918 г. в работе недостаточно указана причина неприемлемости для чувашей идеи ТБСР, а также не назван

мотив приверженности чувашских левых социалистов к идее создания Волжско-Уральской Советской республики. Не попал в сферу исследования и период 1919–1920 гг., когда произошла значительная эволюция взглядов чувашских коммунистов и появилось положительное отношение к идее образования ТБСР.

Теме становления автономии и государственности чувашского народа посвящены работы В.Н. Клементьева, внесшие большой вклад в изучение данного вопроса. Высокой оценки заслуживают его публикации по истории становления советских учреждений в Чувашии, исследование вопроса пограничных споров Чувашии с соседними регионами, а также выяснение позиции руководства ЧАО по вхождению в экономические районы РСФСР в середине 1920-х гг.⁹³. В осознании особенностей чувашского национального движения в начале XX в. интерес представляет и статья о роли И.Я. Яковлева⁹⁴. Впервые в историографии В.Н. Клементьевым был поднят вопрос детального исследования Отдела по делам национальностей Казанского губисполкома в 1918–1920 гг.⁹⁵ Информативна его публикация, посвященная вопросам автономизации чувашей в конце 1917–1920 гг. на территории Волжско-Уральского региона⁹⁶. Однако не со всеми соображениями исследователя в двух последних статьях можно согласиться, так как в них проявляется тенденциозность, идущая от советских исследователей и А.В. Изоркина в частности.

Рассмотрим работы историков соседних республик Волжско-Уральского региона, так как история становления чувашской автономии и государственности теснейшим образом связана с историей татарского, марийского и башкирского народов. Все они уделяют внимание взаимодействию своих национальных лидеров, а также их проектов с чувашскими. Историки Марий Эл указывают на схожесть и согласованность марийского национального движения с чувашским⁹⁷, однако, так же, как и чувашские, обходят стороной некоторые расхождения, а именно: в 1917–1918 гг. лидеры народа мари больше ориентировались на национально-территориальную автономию, чем культурную, в связи с чем национальные движения этих народов приняли разнохарактерный вектор направления. Татарские и башкирские историки в исследуемом периоде много внимания уделяют собственным непростым взаимоотношениям и минимально – взаимодействиям с чувашскими и марийскими работниками. Из проблемных вопросов их, как правило, интересуют события, свя-

занные с отношением чувашских лидеров к созданию мусульманской татаро-башкирской автономии в 1917–1920 гг.⁹⁸, но история взаимовлияния национальных движений, особенно чувашского и татарского, гораздо богаче, многограннее и требует дополнительных изысканий.

* * *

Подводя итоги можно сделать следующие выводы:

В архивных учреждениях Чувашии и за ее пределами сохранился большой массив документов, который позволяет раскрыть вопрос об идеях и проектах культурной и экстерриториальной автономии чувашей в 1903–1920-х гг. Анализ актов законодательного порядка, трудов государственных и общественных деятелей того периода, воспоминаний участников событий, периодической печати и статистических материалов помогает восстановить историческую картину произошедшего.

Исторических работ, специально посвященных попыткам реализации проектов культурной и экстерриториальной автономии чувашей в начале XX в., до сих пор не было. Причиной тому в советское время стало желание политических деятелей Чувашии 1920–1930-х гг. минимизировать упоминания об этих проектах, дабы не привлекать к себе внимание репрессивной машины советского государства. Начиная с 1950-х гг. в историографии наблюдается иной подход, выразившийся в том, чтобы постоянно подчеркивать национально-территориальный аспект, который все более и более связывали с понятием национальной государственности. Такая традиция прослеживается в современной историографии, в результате чего культурные и экстерриториальные идеи и проекты начала XX в. до сих пор относятся к числу недостаточно исследованных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики) Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 24.
3. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан) Ф. Р-1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 1110б-112.ыы
4. Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 39-41.
5. Там же. С.113-115.
6. Ленин В.И. Национальный вопрос. Сборник статей и выступлений. М., 1936; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национальный и

национальный вопрос. Харьков, 1923. С. 266-304; Его же. Выступления на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики 10-16 мая 1918 г. // Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925). Т.1. Уфа, 2002. С. 491-494.

7. Грасис К.Я. К национальному вопросу. Сборник статей. Казань, 1918.

8. Сыромолов Ф.Ф. Ленин и Сталин в создании Татаро-Башкирской республики // Революция и национальности, М., 1935, №8. С. 15-24.

9. Илиас Алкин - общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы. Казань, 2002.

10. Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань, 1998.

11. Эльмень Д.С. Откуда и как возникла Чувашская область // Канаш. 1922. 6 июля (на чув. яз.); Его же. К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской Республики // Чувашское хозяйство. 1928. №3-4. С. 3-13.

12. Петров Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921; Его же. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. Москва, 1926.

13. Краснов А.Д. Февраль-Октябрь. Чебоксары, 1931. (на чув. яз.)

14. НСБ ГИА ЧР (Научно-справочная библиотека Государственного исторического архива Чувашской Республики). Рукопись воспоминаний С.Н. Николаева.

15. Алексеев В.А. Дорогой Октября: Воспоминания. Чебоксары, 1971.

16. Коричев С.А. Первые шаги: Воспоминания о первых годах Советской власти в Чувашии. Чебоксары, 1969.

17. Соснин Я.П. Страницы прошлого. Чебоксары, 1957.

18. Минеева Е.К. Национальный вопрос в России на рубеже XIX-XX веков (на материалах народов мари, мордвы и чувашей). Чебоксары, 2008. С.10-11.

19. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национальный вопрос. Харьков, 1923. С. 269.

20. Нация // БСЭ. (Большая советская энциклопедия 3-е изд.). Т. 17. Л. 375.

21. Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы истории. 2010. №2. С. 42.

22. Национально-территориальная автономия // Юридический словарь. 2000 // Словари. Краткие словари. [Электронный ресурс] URL: <http://slovo.yaxy.ru/n.htm>

23. Культурно-национальная автономия // БСЭ Т.13. С.599.

24. См. напр.: Баграмов Э.А. Указ. соч. С.41-42; Минеева Е.К. Национальный вопрос в России на рубеже XIX-XX веков (на материалах народов мари, мордвы и чувашей). Чебоксары, 2008. С.42. с.12; Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Том I. Сибирь. 1917 - 1920. Томск, 1998. // Российский университет дружбы народов: система федеральных образовательных порталов [Электронный ресурс] URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/24899>

25. Национально-культурная автономия // Социологический словарь // Мир словарей. [Электронный ресурс] URL: http://mirslavarei.com/content_soc/nacionalno-kulturnaja-avtonomija-6042.html

26. Национально-культурная автономия // Юридический словарь. 2000 // Словари. Краткие словари. [Электронный ресурс] URL: <http://slovo.yaxy.ru/n.htm>

27. Бауэр О. Национальная автономия // Марксизм и национальный вопрос. Харьков, 1923. С. 32-71.

28. Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Том I. Сибирь. 1917 - 1920. Томск, 1998. // Российский университет дружбы народов: система федеральных образовательных порталов [Электронный ресурс] URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/24899>.

29. См. напр.: Резолюции и пожелания принятые Общечувашским национальным съездом состоявшимся в г.Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск, 1917. С. 2,3.

30. Сафаров Г.И. Революционный марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национальный вопрос. Харьков, 1923. С. 307.

31. «Идеология», «Идея» // Словарь иностранных слов. СПб., 2007. С. 221.

32. «Проект» // Словарь иностранных слов. СПб., 2007. С. 517.

33. Артемьев С.А. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары, 1972. С. 6-45; Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1929-1930-е годы). Чебоксары, 2009. С. 18-86.

34. ГИА ЧР Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 77. Л. 13-17;

35. ГИА ЧР Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 3997. Л. 4.

36. Петров Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921. С. 23

37. Там же. С. 23,24

38. Петров Д.П. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М., 1926.

39. Там же. С. 57,58.

40. Иванов М.И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары, 2010. С. 202.

41. Петров Д.П. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М., 1926. С. 59.

42. Там же. С.62

43. Первое общее собрание представителей мелких народностей Поволжья (Съезд мелких народностей) // Съезды народа мари: документы и материалы. 1917-2004 гг. Йошкар-Ола, 2008. С.6-44.

44. Петров Д.П. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М., 1926. С. 62

45. Эльмень Д.С. Откуда и как возникла Чувашская область // Канаш. 1922. 6 июля. (на чув. яз.)

46. Коричев, С.А. Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. Чебоксары. 1924.

47. ГАСИ ЧР (Государственный архив современной истории Чувашской Республики) Ф. 1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 195.

48. Димитриев В.Д. Иван Данилович Кузнецов. К 90-летию со дня рождения // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралья в XVIII – XX веках: Тезисы докладов. Чебоксары, 1996. С. 3-7; Минеева Е.К. Концепция национально-государственного развития чувашского народа в трудах И.Д.Кузнецова // И.Д.Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30-40-х годов XX века. Сборник статей. М., 2006. С. 160-174 и др.

49. См. напр.: Кузнецов И.Д. Против националистической концепции чувашской истории. // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 309-333.

50. Кузнецов И.Д. Предыстория Советской Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 85.

51. Там же. С. 77.

52. Там же. С. 75.
53. Кузнецов И.Д. О некоторых уроках Октября и об истоках коммунистического движения в Чувашии // Очерки истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 214.
54. Кузнецов И.Д. Предыстория Советской Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 92-94.
55. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 3816. Л. 311.
56. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 3816. Л. 1-5.
57. ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 731. Л. 144,220.
58. Павлов Я.К. 30 лет Чувашской советской автономии // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. С. 10.
59. Там же. С.11,21.
60. Там же. С. 37.
61. См.: Любимов В.Н. К вопросу о возникновении чувашской нации // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1952. С. 131-165; Григорьев П.Г. К вопросу об образовании чувашской буржуазной нации // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1953. С. 153-162; Лебедев П.А. О чувашской нации // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1955. С. 252-274; Кузнецов И.Д. Карл Маркс о некоторых вопросах истории народов Поволжья // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1962. С. 179-194 и др.
62. Фразеологизм: «скандальный или постыдный факт из давнего (семейного) прошлого, скрываемый от общественности, от посторонних» // Викисловарь [Электронный ресурс] URL: http://ru.wiktionary.org/wiki/%F1%EA%E5%EB%E5%F2_%E2%F8%EA%E0%F4%F3
63. Кузьмин В.Л. К вопросу об истории установления советской власти в Чувашии // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1952. С.196.
64. См.: Раимов Р.М. Образование Башкирской АССР. М., 1952; Мухарьямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917-1920). М., 1969; Хлебников А.В. Образование и развитие советской автономии марийского народа (1917-1929). Йошкар-Ола, 1970. и др.
65. См.: Румянцев М.В. Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в году Гражданской войны. Чебоксары, 1963; Кузьмин В.Л. Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны. Чебоксары, 1963; Кузнецов И.Д. Очерки истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960; Петров И.Е. Чувашия в период иностранной интервенции и Гражданской войны: в 2 т. Чебоксары, 1954 и 1959; Его же. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1961; Артемьев С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917-1918 гг. Чебоксары, 1965; Его же. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары, 1972 и др.
66. Образование Башкирской АССР. Сборник документов и материалов. Под редакцией Б.Х. Юлдашбаева. Уфа, 1959; Образование Татарской АССР. Сборник документов и материалов. Казань, 1963; Образование Марийской Автономной области. Сборник документов и материалов. Йошкар-Ола, 1966.
67. Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Сборник документов. Чебоксары, 1957; Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области. Сборник документов. Чебоксары, 1960.
68. Любимов В.Н, Юлдашбаев Б.Х. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967.

69. Там же. С. 182.
70. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л.26-30; Доклады и резолюции Первого Всероссийского съезда Чувашских секций и ячеек РКП(б) и активных работников чувашскокоммунистов (4-9 февраля 1920 г.). Казань, 1920. С. 35,36.
71. НА ЧГИГН (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук) I отд. Ед.хр. 714. Л. 30.
72. НА ЧГИГН I отд. Ед.хр. 714. Л. 7.
73. НА ЧГИГН I отд. Ед.хр. 720. Л. 31.
74. НА ЧГИГН I отд. Ед.хр. 721.
75. Ахазов Т.А. Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашской АССР // Вопросы истории Чувашии: Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1977. С. 3-25.
76. Там же. С. 7-9.
77. История национально-государственного строительства в СССР 1917-1978. Т.1. М., 1979. С. 184.
78. Тимофеев В.Г. Создание национальной государственности чувашского народа. Чебоксары, 1986.
79. Минеева Е.К. Из истории Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР. Л., 1987; Ее же. Создание и деятельность Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР: автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
80. Они боролись за счастье народное. В 4 т. Чебоксары, 1980-1988.
81. Их имена останутся в истории. Выпуск 1 и 2. Чебоксары, 1993,1994.
82. Изоркин А.В. Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары, 1990. С. 97-106; Его же. Этап зарождения и развития идеи самоопределения чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 9-19; Его же. От зарождения идеи до образования автономии // Там же. С. 20-37; Его же. Чувашия в 1917-1920 годах // История Чувашии новейшего времени. Книга 1 (1917-1945). Чебоксары, 2001. С. 13-81.
83. Подробнее см.: Щербаков С.В. Анализ современной историографии истории становления Чувашской автономии (на примере работ А.В.Изоркина) // Проблемные вопросы регионоведения: Материалы международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2010. С. 168-177.
84. Александров Г.А. С.Н.Николаев: штрихи биографии портрета секретаря Комуча. // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Сборник статей. Чебоксары, 2007; Его же. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997; Его же. Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Чебоксары, 2006; Его же. Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. - С. 220-234.
85. Димитриев В.Д. Природа, население, предыстория Советской Чувашии // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары, 1990. С. 4-12.
86. Макаревский В.В. Возникновение и деятельность организации партии эсеров в Чувашском крае 1904-1918 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1996 и др.
87. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000.
88. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920-1930 гг.). Чебоксары, 2009.
89. Минеева Е.К. Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа в 1918-1925 гг. Чебоксары, 2007.

90. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920-1930 гг.). Чебоксары, 2009. С. 245,251.

91. Минеева Е.К. Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа в 1918-1925 гг. Чебоксары, 2007. С. 17.

92. Немцева Т.В. Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской республики // Вестник ЧГУ. №4. История и право. Чебоксары, 2001. С. 57-60.

93. Клементьев В.Н. Становление советской системы в Чувашии (ноябрь 1917-1920): идеалы и реалии // Права человека: история и современность. Чебоксары, 1999. Ч.2. С. 3-5; Его же. Формирование и развитие советской государственности Чувашии (ноябрь 1917-1993 гг.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. Чебоксары, 2002. С. 47-76; Его же. Чувашия: от автономной области к республике (1922-1925 гг.) // Чувашская Республика: проблемы национального строительства (история и современность). Чебоксары, 2005. С. 6-75; Его же. Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920-х гг. // Чувашский государственный вестник. 2006. №1, С. 21-37 и др.

94. Клементьев В.Н. Просветительство И.Я. Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Чебоксары, 2009. С. 16-39.

95. Клементьев В.Н. Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность (1918-1920 годы) // Актуальные вопросы истории Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 2008. С. 297-310.

96. Клементьев, В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917-1920 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. - 2007. - №1. - с.23-44.

97. Сануков К.Н. Введение / Из истории образования Марийской Автономной области. - Йошкар-Ола, 2000. С.3-21.; Хлебников, А.В. Образование и развитие Советской автономии марийского народа. (1917-1929) Йошкар-Ола, 1970.

98. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2008; Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование Башкирской автономной советской республики (1917-1920 гг.) Уфа, 1992; Мухарямов, М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917-1920 гг.) М., 1969; Юлдашбаев Б.Х. Введение / Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925). Т.1. Уфа, 2002. С. 18-52; и др.

ГЛАВА II. Формирование идеологической платформы чувашского национального движения к началу 1917 года

На рубеже XIX-XX вв. чувашская интеллигенция начинает активно искать формы и пути решения национального вопроса, применимые для чувашского народа. К этому подталкивали бурные общественно-политические процессы, происходившие в стране, а также объективные потребности чувашского народа, которые сложились к этому времени. В начале XX в. отдельные национальные лидеры начинают проводить работу по формированию такой программы, которая отвечала бы национальным нуждам. Основной упор был сделан на принципы культурной и экстерриториальной автономии чувашей. Летом 1906 г. проведены первые организационные мероприятия по созданию единого всероссийского национально-представительного центра. Эта попытка, в силу политических репрессий царского правительства и раскола среди самой чувашской интеллигенции, потерпела поражение. Вплоть до 1917 г. не предпринималось каких-либо значимых шагов общечувашского масштаба. Однако в это время формировались основные представления о том, какой должна быть будущая культурная и экстерриториальная автономия чувашей в демократической России.

Для того чтобы раскрыть заявленную тему, необходимо совершить обзорный экскурс в сущность национального вопроса на рубеже XIX-XX вв. на общероссийском уровне; выявить сложившиеся к началу XX в. объективные предпосылки приверженности чувашских лидеров к решению национального вопроса исключительно в форме культурной и экстерриториальной автономии; детально проследить процесс формирования проекта культурной и экстерриториальной автономии чувашей до 1917 гг.

2.1. Чувашский народ и национальный вопрос в Российской империи на рубеже XIX-XX веков

Чувашское национальное движение в конце XIX – начале XX вв. формировалось на основе собственных исторических традиций и при воздействии на него передовой общественно-политической мысли по национальному вопросу Российской империи в целом и Волжско-Уральского региона в частности. В результате сложилась своеобразная программа, которая во многих чертах совпадала с общероссийскими тенденциями (требование национального равно-

правия, свободное развитие собственной культуры и пр.), но была и своя отличительная черта – исключительная приверженность идеям культурной и экстерриториальной автономии. В отдельных национальных движениях страны выдвигались схожие идеи и проекты, но в них были сильны (в различной степени) тенденции к решению национального вопроса в форме национально-территориальной автономии.

История национальных движений Российской империи хорошо изучена, есть богатая историческая литература. Наиболее общие черты по каждому движению исследователями выявлены и сформулированы в энциклопедиях и специальных исследованиях. Использование этих источников позволит в общих чертах обрисовать их своеобразие, а также опираясь на уже известный материал, провести сравнительно-сопоставительный анализ с формирующимся на рубеже XIX–XX вв. чувашским национальным движением.

На рубеже XIX–XX в. национальный вопрос в Российской империи приобрел новый, не привычный для него ранее, революционный и политизированный статус. До этого он рассматривался, как правило, в контексте снижения культурного гнета и ограничения поборов с населения, то есть затрагивал в основном духовную и экономическую сферы деятельности общества. Теперь же различные политические организации, особенно левого и леворадикального крыла, включали его в свои программы как один из эффективных инструментов давления на власть для проведения в стране крупномасштабных социально-политических преобразований. Все больше и больше борцов за национальное равноправие, исчерпав прежние средства (культурная и экономическая самоизоляция, вооруженные восстания и пр.), стали, напротив, интегрироваться в общероссийские политические партии, осознавая, что только этот путь является наиболее эффективным средством для свободного развития своего народа.

В истории Российской империи XIX – начала XX вв. отмечается, что сравнительно ранняя политизация и революционизация национального вопроса происходила в самых напряженных национальных западных и юго-западных «окраинах» государства (Финляндия, Прибалтика, Польша, Украина, Закавказье).¹ На примере именно этих регионов и будут рассмотрены особенности «окраинных» народов. Анализируя западный «окраинный» опыт, мож-

но провести сравнительный анализ с положением «внутренних» народов Волжско-Уральского региона, в том числе и чувашского.

Накал напряженности в каждом регионе был различный и зависел от многих обстоятельств, но проявились они везде по-разному. Назовем основные факторы:

- наличие на этих территориях ранее независимых от России государств, которые впоследствии были присоединены к ней;

- отличная от православия конфессиональная принадлежность (лютеранство, католицизм, униатство, иудаизм, мусульманство, автокефальные направления православия, пережитки языческих верований);

- сохранение в некоторых регионах высокого правового статуса местной национальной привилегированной знати, которая не в полной мере инкорпорировалась в русское дворянство и искала возможности исторического «реванша»;

- пограничное соседство с государствами, которые были традиционными соперниками России и поддерживали на «окраинах» региональный, национальный или конфессиональный сепаратизм.

Более подробное освещение особенностей «окраинных» регионов проведем по географическому принципу с севера на юг:

Одним из регионов с высоким уровнем политизации и революционизации к началу XX в. являлась Финляндия. Исследование финского опыта для нашей темы интересно тем, что он, собственно говоря, представляет собой практически полную противоположность «чувашскому» по историческому пути и социально-экономическому положению. Регион был присоединен не в результате добровольного вхождения в состав России, а по Фридрихсгамскому мирному договору, который был заключен со Швецией в 1809 г. по итогам русско-шведской войны 1808-1809 гг.² На протяжении всего периода вхождения в состав России финская аристократия и духовенство сохраняли свой прежний социальный и правовой статус. Были у Финляндии и «заграничные» защитники – сначала Швеция, а затем Великобритания. Результатом выгодного геополитического положения являлось то, что Финляндия обладала правом широкой автономии и многочисленными привилегиями: собственный национальный парламент, независимая экономика, неприкосновенность лютеранства, равноправие финского и шведского языков. В 1811 г. к Финляндии была присоединена Выборгская губерния, в 1857 г. отменены ограничения на свободу национального предпринима-

тельства и использование богатств, с 1878 г. создавались финские воинские подразделения и т.д. Все эти уступки со стороны царского правительства были во многом продиктованы политическими и военными соображениями, так как регион мог в любой момент поддержать Швецию, влияние которой до XX в. было довольно значительным. В результате вплоть до XX в. в Финляндии практически не было антироссийских выступлений³.

Однако этот «островок благоденствия» к началу XX в. начал испытывать значительные затруднения, связанные с наступлением правительства Александра III, который в 1891 г. решил «упорядочить» финское законодательство. Исследователи связывают это с ослаблением к концу XIX в. шведского влияния и развитием у финнов сепаратистских настроений⁴. Финские национальные лидеры не могли рассчитывать на успех в случае вооруженного восстания, т.к. опыт польских восстаний был общеизвестен, к тому же на территории Финляндии и в морских портах находились русские войска. Поэтому финны пошли по иному пути и использовали «передовой» опыт партии эсеров и иных политических партий, когда на царские притеснения отвечали акциями гражданского неповиновения и убийством в 1904 г. генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобринского⁵. После таких событий финская территория превратилась в своеобразную базу революционных групп со всей страны, где террористы готовили свои покушения, а политические партии свободно проводили съезды и конференции. Для финского национально-освободительного движения участие в политической и революционной общероссийской борьбе стало непереносимым условием сохранения своего особого статуса, а по возможности, и отделения от России.

Схожая ситуация была в *Прибалтике*. Основная ее часть вошла в состав России по Ништадтскому мирному договору 1721 г. между Россией и Швецией по результатам Северной войны. Однако всплеск национального самосознания в регионе в середине XIX в. исследователи связывают, как правило, с противодействием не русской экспансии, а местной зарождающейся национальной буржуазии, попыткам местной знати насадить немецкую культуру, ассимиляции местного населения с немцами⁶. Исследование «прибалтийского» опыта в аспекте нашей темы любопытно тем, что важным фактором повышения национального самосознания стал вопрос о самобытности культуры. На протяжении столетий культурное влияние на регион оказывал Дерптский университет (г.

Тарту, Эстония), основанный еще шведским королем в 1632 г. и содержащийся на средства местного дворянства. Преподавание здесь велось на немецком, латышском и эстонском языках. К созданию подобного учебного заведения у чувашского народа стремился И.Я. Яковлев, который желал, чтобы его Симбирская чувашская учительская школа стала чувашским культурным центром. Однако университет так же, как и чувашскую школу, ждали похожие трудности. В 1887 г. университет был введен в систему Министерства просвещения, что предполагало обязательное обучение на русском языке, а к 1895 г. был ликвидирован и его особый статус⁷. Взвешенная царская политика в начале XX в. не позволила региону стать сильным «очагом напряженности». Так, например, в 1905 г. кабинет министров в Риге своим решением разрешил открыть дворянскую немецкую гимназию, а в начальных училищах восстановил преподавание на латышском и эстонском языках⁸. Культурная политика царского правительства была направлена на сдерживание нарастающего процесса политизации и революционизации региона, и отчасти это удалось, чего не скажешь о соседней с Прибалтикой *Польше*.

История взаимоотношений Польского и Российского государств на протяжении многих столетий чрезвычайно насыщена и многогранна. Не будем подробно останавливаться на основных характеристиках, но выделим те, которые представляют интерес в связи с историей чувашского народа. И.Я. Яковлев, например, в своих воспоминаниях сообщает любопытные сведения. Он откровенно пишет, что в 1864 г. на его решение о необходимости издания книг на чувашском языке повлиял дискус по польскому вопросу, причем в интерпретации самих польских сепаратистов⁹. Данное свидетельство интересно тем, что в это время жестко было подавлено польское восстание 1863–1864 гг., в ходе которого польские лидеры выдвигались национальные требования с применением политической и революционной риторики. Считаем, что эти события стали одним из факторов, повлиявших на то, что И.Я. Яковлев впоследствии, при аргументировании перед региональным и общероссийским руководством чувашских национальных требований, всячески избегал политических и революционных фраз, апеллируя к миссионерской риторике.

В этой связи возникает любопытный с точки зрения нашего исследования вопрос: почему именно в польском движении ранее, чем у других народов, начали использоваться политические

и революционные лозунги. Здесь, пожалуй, возможны два ответа: а) военные поражения польских восстаний конца XVIII – начала XIX вв.; б) польский вопрос попал в сферу интересов лидеров социал-демократического и коммунистического движения. Так, в ранних работах К. Маркса и Ф. Энгельса прослеживается мысль о том, что одним из важнейших факторов смены в Европе капиталистической общественно-экономической формации новой, коммунистической, является распад государств с имперским (т. е. многонациональным) устройством. В Российской империи с середины XIX в. Польша занимала ключевое положение как первоисточник будущего распада. Собственно говоря, полагалось, что отделение Польши от Российской империи станет началом центробежного процесса, в результате чего самодержавный строй уступит место новому, демократическому¹⁰. Такая точка зрения казалась привлекательной не только польским борцам за независимость, но и получила популярность в других национальных движениях империи. В решении польского вопроса, т. е. наделение Польши полной политической автономией вплоть до территориального отделения, виделось решение не только национального вопроса этого и иных народов, но и социально-политическое преобразование страны в целом. Один из исследователей этого вопроса – С.Г. Кара-Мурза – считает, что тезис К. Маркса и Ф. Энгельса о «прогрессивности» поляков являлся средством политической борьбы с самодержавием в Российской и Австро-Венгерской империях¹¹.

Таким образом, особенностью Польши явилось то, что именно на ее территории впервые обозначился переход национального вопроса из культурной сферы в политическую, что дало толчок к возникновению в России института политических партий вообще. Уже в конце XIX в. российские общественные деятели отмечали, что «инородческие элементы» (поляки, евреи, армяне и др.), объединившись с русской интеллигенцией западного толка, создают революционную ситуацию¹². Одним из первых примеров «сращения» национал-сепаратистских тенденций с политической деятельностью является создание в 1897 г. национально-демократической партии Польши, которая имела корни еще в «Польской лиге», образованной в Женеве (то есть за пределами Российской империи) в 1887 г.¹³ Осознание причин этого явления представляется важным, так как объясняет причины более поздней политизации и революционизации чувашского и других «внутренних»

народов – они в меньшей степени попадали в сферу интересов европейских и российских революционных деятелей, сосредоточившихся на западных «окраинах».

Следующим интересным регионом являются Украина и Белоруссия. Если сравнивать чувашское национальное движение с «окраинными» западными народами, то, пожалуй, наибольшее сходство можно заметить с украинским и белорусским национальным движением. Заключается оно в том, что, в отличие от многих других национальных регионов, «национально-пробуждающими» элементами являлись не региональное духовенство, национальная аристократия или буржуазия, а национально-ориентированная интеллигенция. Отметим сходные черты в украинском и белорусском движениях с чувашским:

- значительная часть населения исповедовала православие с подчинением Русской православной церкви (далее: РПЦ). Вследствие этого отсутствие регионального сепаратизма со стороны национального православного духовенства;

- национальная привилегированная знать с момента вхождения в состав России быстро инкорпорировалась в русское дворянство и не выставляла особых национальных требований;

- национальное купечество и буржуазия не старались захватить национальный рынок и вполне комфортно чувствовали себя на общероссийском;

- соседство с иными конфессиями (католиками, униатами, лютеранами, мусульманами) стимулировало сохранение национально-культурной самобытности с целью защиты от культурной экспансии соседей;

- сопротивление процессу русификации шло по линии сохранения национального литературного языка и пользования Библией на родном языке.

Остановимся подробнее на последнем тезисе, так как вопрос о Библии на национальном языке стал чрезвычайно важным и существенным фактором для возрождения национального самосознания чувашского народа. Одним из первых мероприятий украинского национального движения по возрождению своей национальной «самостийности» стала именно культурно-просветительская деятельность. В частности, в 1845–1847 гг. в Киеве по инициативе украинского историка Н.И. Костомарова была создана организация подпольного характера «Кирилло-Мефодиевское

братство», которая считается первой украинской организацией, борющейся за права украинского народа. Одной из главных задач движения была поставлена публикация различной литературы на украинском языке, в том числе и церковной¹⁴.

Царское правительство болезненно отреагировало на эту инициативу. Сохранился циркуляр, направленный губернским цензурным комитетам 18 июля 1863 г. за подписью министра внутренних дел П.А. Валуева. «Валуевский циркуляр» гласил: «Никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши»¹⁵. На основании этого циркуляра было запрещено печатание на украинском языке книг духовно-нравственного содержания. В 1875 г. на секретном совещании было принято решение о запрещении издания на украинском языке любой литературы, которая хотя бы в малейшей степени может содействовать политизации и революционизации украинцев, оставили только «изыщную словесность» и исторические документы. Кроме того, было рекомендовано запретить театральные спектакли и чтения на украинском языке. Кстати, стоит вспомнить и сравнить подобные оценки с античувашскими высказываниями регионального административного и духовного руководства на рубеже XIX–XX вв. об отсутствии чувашской культуры и необходимости запрещения ее популяризации¹⁶.

Возможно, царскому правительству в конце XIX в. удалось бы сдержать разрастание украинского национального движения, все-таки украинцы и русские комплиментарные друг другу народы, если бы не опять то самое пограничное и «окраинное» обстоятельство и соседство с традиционными противниками России. В данном случае это проявилось в том, что центр украинского национального движения был не разгромлен, а перешел за границы империи, в ее кровнородственную диаспору, а именно в Галицию, которая в то время входила в состав Австро-Венгерской империи. Там продолжали печатать литературу церковного и политического содержания на украинском языке и подпольно перевозить в Россию, что продолжало поддерживать украинское движение¹⁷. Ситуация изменилась только в 1905 г., когда решением Кабинета Министров запрет на издание Библии на украинском языке был отменен ввиду его бесперспективности¹⁸.

Исследователь национальных движений Российской империи В.С. Дякин пишет: «Пожалуй, только к Грузии можно без натяжек применить известную формулировку о добровольном присоединении к России»¹⁹. Возможно, в отношении западных и закавказских народов он прав, но нельзя согласиться с тем, что это касается «внутренних» народов, в том числе и чувашей, так как они дают еще один пример мирного присоединения к России²⁰. В случае с Грузией результатом ее вхождения в состав Российской империи в 1801 г. стало отторжение членов грузинской царской династии Багратионов от своего региона. То же самое произошло и с грузинской православной автокефальной церковью, когда грузинского католикоса Антония II в 1811 г. отозвали в Россию, а его епархию передали в распоряжение Святейшего Синода РПЦ, тем самым лишив грузинское духовенство права автокефальности²¹. Здесь так же, как и на Украине, основной тон в национальном движении задавала национальная интеллигенция, которая в качестве основы национального возрождения видела не национальное духовенство и аристократию, а социально-политические преобразования в социал-демократическом духе. Еще до образования в России РСДРП грузинские националисты в 1892 г. создали грузинскую социал-демократическую партию «Месаме даси», а в 1898 г. вошли в РСДРП, в основном встав на позиции меньшевизма²².

Сам факт того, что политизация грузинского национального движения пошла по довольно умеренному пути и только незначительная часть примкнула к более радикальным большевикам, с нашей точки зрения обусловлено тем, что этот народ, в отличие, например, от соседнего армянского, обладал иным историческим опытом и геополитическим положением, а именно: грузинское духовенство не стало значительным стимулирующим к национал-шовинизму фактором, как, например, у армян и поляков. Грузия вошла в состав России добровольно и полностью, поэтому в полной мере ориентировалась именно на это государство.

Два последних тезиса никак нельзя отнести к истории Армении, здесь сложилась диаметрально противоположная ситуация. Восточная Армения (то есть только часть армянского народа) принудительно вошла в состав России в 1828 г. по Туркманчайскому мирному договору, который положил конец русско-иранским событиям 1826–1828 гг.²³ В течение всего XIX в. между правительствами России, Ирана и Турции шла дипломатическая война по

включению разрозненных армянских территорий в свой состав, в результате чего все эти страны шли на многочисленные уступки армянскому духовенству и аристократии. Под влиянием данной дипломатии армянская православная церковь в составе России в значительной мере сохранила свою автокефальность и обособленность от РПЦ. «Армянский опыт» особенно интересен для настоящего исследования, так как это была уникальная ситуация, когда российское и османское правительство в начале 1860-х гг. фактически признали культурную автономию армянского народа экстерриториального характера, где их национальным центром являлся константинопольский армяно-григорианский патриарх – «глава армянской нации» Матеос. Однако позиция российского министра внутренних дел П.А. Валуева в 1865 г. сорвала этот процесс, и началось наступление царизма на ограничение особого статуса армянского народа²⁴.

В конце XIX в. царское правительство усилило наступление на армяно-григорианскую церковь с целью подчинения ее РПЦ. Насильственное изъятие церковных ценностей приводило к кровавым столкновениям. В итоге, начиная с 1890 г., стало формироваться крайне националистическое армянское движение «Дашнакцутюн», выдвигавшее радикальные задачи, вплоть до геноцида русского населения на своей территории²⁵. Согласно программе этого движения базовой целью являлось «образование вольно властвующей демократической республики», причем, методами деятельности считались: «1. Вооруженное восстание, которое в свою очередь должно быть подготовлено; 2. Интенсивное революционирование не только армянского, но и всех народов, находящихся в угнетении; 3. Вооружение и организация армян; 4. Террор и разорение правительственных лиц и учреждений»²⁶. В начале XX в. армянские дашнаки, осознавая свою слабость перед лицом могущественной империи, пытались найти поддержку в радикальных российских слоях и войти с особыми автономными национальными привилегиями в РСДРП. Но интернационалистская позиция В.И. Ленина²⁷ оттолкнула их от партии, и они вошли на правах автономной национальной организации в экстремистки настроенную партию социалистов-революционеров²⁸.

Армянский опыт можно считать хрестоматийным примером того, как конфессиональный аспект при поддержке национальной буржуазии стал мощнейшим фактором консолидации и перерождения нации, когда национальные лидеры стали активно участво-

вать в политической и революционной жизни страны. Одним из неперенных условий такой радикализации можно считать не только насильственную политику царизма и РПЦ в отношении армяно-григорианской церкви, но и особое геополитическое «пограничное» положение армянского народа.

Изучение «еврейского» опыта важно для исследования чувашского национального вопроса, так как эти два народа были очень заинтересованы в реализации культурной автономии экстерриториального характера. История взаимоотношений еврейского народа с правительством Российской империи насыщена и многогранно исследована в отечественной и зарубежной историографии. Не будем заниматься ее изложением, а отметим два существенных и специфических фактора, которые интересны нам в контексте данного исследования – это вопрос о причинах политизации еврейского вопроса и о приверженности еврейских лидеров исключительно к программе культурной автономии экстерриториального характера. Начало юридически признанной культурной автономии еврейского народа в составе польского государства исследователи датируют 1264 г., когда король Болеслав Набожный даровал евреям в общинах Познани и Калиша привилегии, вошедшие в историю под названием «Калишский Статут», которые стали основой юридического существования евреев на протяжении всего периода польского государства вплоть до 1792 г., т.е. до присоединения к Российской империи. Данный «статут» отвечал всем основным принципам культурной и экстерриториальной автономии²⁹. В еврейском национальном движении сторонники территориального решения вопроса появились лишь после 1905 г., когда британское правительство предложило евреям значительную территорию для еврейского поселения в Восточной Африке³⁰. До этого основными были принципы культурной и экстерриториальной автономии, отражение которых есть в сионистской идеологии³¹.

Выясняя причину ранней политизации и революционизации еврейского национального вопроса, исследователи приходят к выводу, что основная причина – это политика царского правительства на протяжении всего XIX в., которая была направлена на искусственное обособление евреев от остального населения страны. Апогеем стал указ Александра III о запрещении переселения евреев за черту оседлости, в результате чего образовалась крайняя скученность еврейского населения в городах оседлости и появле-

ние в них беднейшего еврейского пролетариата³². Здесь возможна аналогия с чувашским народом. Общероссийскую общественность возможно поразит тот факт, что в ходе первой русской революции 1905-1907 гг., чувашаи, несмотря на свою консервативную крестьянскую природу, были вовлечены в многочисленные крестьянские бунты, в ходе которых выдвигались широкие политические требования. Конечно, просматривается инициатива чувашской интеллигенции, но в основе лежат те же социально-экономические причины, что и у еврейской буржуазной интеллигенции – чрезвычайная скученность населения, отсутствие для широких масс возможностей повышения материального уровня, культурная дискриминация и др. Кстати, в этой связи стоит вспомнить свидетельство Д.П. Петрова-Юмана, который указывал, что консервативные чиновники на рубеже XIX–XX вв. старались не принимать чувашей во многие школы именно из-за их стремления к национальному освобождению, а некоторые газеты и журналы писали, что чувашаи похожи на евреев³³. Безусловно, имеются и отличия: у евреев обнищание и радикализация народа были результатом сознательного ущемления культурных прав со стороны царского правительства, у чувашей – большую активность проявляло региональное чиновничество и духовенство, а также сыграли роль негативные последствия аграрных реформ 1861 г. и столыпинских преобразований, которые игнорировали особенности чувашского народа.

Подводя итоги причинам ранней политизации и революционизации национальных «окраин» западной и юго-западной периферии Российской империи к началу XX в., отметим, что эта тенденция отразилась и на умонастроениях чувашской интеллигенции. На рубеже веков происходит своего рода «перепрограммирование» форм защиты национальных интересов. При всей разности позиций отдельных лидеров и групп в национальном движении чувашей обозначились два вектора развития – новый, общероссийский «революционный», и прежний, чувашский – «культурный».

Особо следует остановиться на основных факторах, характерных для народов Волжско-Уральского региона:

- «внутренние» народы этого региона (татары, башкиры, чувашаи, марийцы, удмурты и др.) вошли в состав России еще во второй половине XVI в., и это первый опыт создания единого русского государства с включением в его состав регионов с иноязычным населением³⁴. Причем вхождение представляло собой договор правительства Ивана Грозного непосредственно с региональной и местной феодальной знатью (чувашской, горномарийской, баш-

кирской и частично татарской) на взаимовыгодных условиях, чем насильственное присоединение;

- как бы нынешние казанские татары ни относились болезненно к падению Казанского ханства и лишению их государственности в 1552 г., а луговые марийцы – к «черемисским войнам» 1550-1580-х гг., можно констатировать следующее: в первые десятилетия русской власти было выработано довольно гармоничное взаимодействие между народами. Местная феодальная знать, не противившаяся московской власти, сохранила свои прежние привилегии, а «инородческое» население, в отличие от остального русского крестьянства, было не закрепощено, а осталось на ясачном положении. Негативно настроенная против Москвы татарская, башкирская и черемисская знать была либо физически истреблена, либо бежала за пределы Российского государства³⁵;

- региональное духовенство (мусульманское и языческое) вплоть до XVIII в. не испытывало значительных притеснений. В ходе петровских реформ и после по отношению к духовенству начинается дискриминация, однако Екатерина II манифестом 1783 г. вернула мусульманским служителям и дворянству многие привилегии³⁶. Вплоть до 1870-х гг. царское правительство довольно лояльно относилось к существованию в регионе сети мусульманских учебных заведений (мектебе и медресе)³⁷;

- местное купечество и зарождавшаяся буржуазия, совместно с русскими, были ориентированы на общероссийский рынок, а естественная отдаленность от границ противоборствующих с Россией западных государств создавала геополитически стабильную почву и ослабляла восприимчивость к европейским революционным веяниям.

Процесс политизации и революционизации национального вопроса затронул и Волжско-Уральский регион. В западных и юго-западных «окраинах» он происходил довольно поздно – только в период Первой русской революции 1905–1907 гг. – и связан, пожалуй, больше с влиянием внешних и объективных обстоятельств. В частности, первой национальной организацией в регионе, ставившей политические задачи, стала общемусульманская политическая партия «Иттифак» (создана в августе 1905 г.), которая возникла на закавказской «окраине» по инициативе лидеров другого мусульманского народа – азербайджан³⁸. Стоит отметить, что национальная элита казанских татар без особого энтузиазма поддержала политические инициативы «окраинных» собратьев, предпочитая больше сосредоточиться на вопросах развития

культурной автономии мусульман и ее защиты от русификаторской системы Н.И. Ильминского. В частности, видный деятель Г. Исхаки на первом нелегальном Всероссийском съезде мусульман 15 августа 1905 г., собравшем представителей азербайджанцев, казанских и крымских татар, настаивал на том, что надо акцентировать внимание на борьбе не за политическую власть, а за повышение национального самосознания, а также за культурное и экстерриториальное объединение всех мусульман России³⁹.

Многие исследователи отмечают, что политизация и революционизация других народов Волжско-Уральского региона в период Первой русской революции 1905–1907 гг. проявились в меньшей степени, целенаправленные практические действия стали складываться уже после Февральской революции 1917 г.⁴⁰

* * *

Подведем итоги по параграфу. Национальный вопрос в начале XX в. приобрел новый, отличный от прежнего, революционный характер. Происходит сращивание многовекового опыта борьбы за национальное равноправие с теорией и практикой молодых революционных организаций левого и леворадикального толка. Несмотря на разность приоритетов в различных регионах страны, многие национальные движения стала объединять одна глобальная задача – социально-политическое переустройство. Тезис о праве наций на самоопределение становится не только фактором, решающим собственно национальный вопрос, но и своего рода плебисцитом за изменение государственного устройства России. Не остался в стороне и чувашский народ. На рубеже XIX – начала XX вв. среди чувашской интеллигенции появились сторонники активного участия в политической жизни страны. Требования лидеров чувашского национального движения во многих местах, как указано ранее, были созвучны требованиям различных национальных движений страны. Отличным от подавляющего большинства было стремление исключительно к культурной и экстерриториальной автономии.

2.2. Предпосылки возникновения идеологии культурной автономии чувашей до XX века

Изучение предпосылок формирования программы культурной и экстерриториальной автономии чувашей до XX в. имеет

важное значение. Во-первых, на основе анализа этих предпосылок можно делать выводы о том, что в начале XX в. приверженность австромарксистской теории О. Бауэра и К. Реннера о культурно-национальной автономии была обусловлена многочисленными традициям культурной автономии чувашского народа, сложившимися в период нахождения в составе Российского государства. Во-вторых, этот вопрос необходимо осветить, чтобы доказать, что проект создания Чувашской трудовой коммуны в 1919–1920 гг. был в первую очередь основан не на установках партии РКП(б), а именно на этих многовековых традициях и фундаментальных потребностях чувашей в сохранении основных принципов культурной и экстерриториальной автономии в составе Советского государства. Для того чтобы раскрыть этот вопрос, необходимо проанализировать основные сферы жизни чувашских общин – социальную, политическую, экономическую и духовную.

Социальные предпосылки исходили из условий жизни чувашского народа. Чувашское население было преимущественно крестьянским, основная его часть проживала в составе сельскохозяйственных общин. Социальное устройство общин чувашей до XX в. в историографии относится к темам хорошо изученным. Укажем основные черты чувашской общины. Исследователь чувашского крестьянства Г.А. Николаев в своих работах отмечает, что данный социальный институт был присущ еще далеким предкам чувашей и сложился в кочевых и полукочевых сообществах. Оказавшись на Северном Кавказе, они постепенно перешли к оседло-земледельческому типу социальной организации, а затем – от первобытно-родовой к соседско-территориальной общине. У чувашского населения Казанской губернии преобладали сложные (составные, федеративные) общины. Во второй половине XVI в., в период вхождения Чувашского края в состав Российского государства, чувашская община была «вмонтирована в систему государственной машины», но при этом на своем уровне до начала XX в. сохраняла многие автономные элементы, которые не противоречили российскому законодательству⁴¹. Община, опираясь на нормы обычного права и собственные культурные традиции, играла важную роль в производственной, социальной, духовно-нравственной, культурно-воспитательной и других сферах жизни чувашской деревни, в том числе обладала собственной юстицией – крестьянским судом⁴².

Обратим внимание на такой социальный феномен чувашского народа, характерный также для марийцев и удмуртов, как чрезвычайно долгое, вплоть до XX в., сохранение федеративных (сложных) общин. Исследователи чувашского, марийского и удмуртского народов уделяют немало внимания вопросу появления такого типа общин, а также выявлению причин их долгого сохранения, что было нехарактерно для многих народов Российской империи. Г.А. Николаев связывает отсутствие тенденции к дроблению чувашских общин с тем, что при вхождении в состав Российского государства чувашские хлебопашцы, за редким исключением, избегали раздачи в частные (помещичьи) руки⁴³, оставшись в ясачном (царском, а впоследствии в государственном) подчинении.

И.Д. Кузнецов не соглашается с мнением о кровно-родственной подоплеке происхождения сложных общин, поскольку ни одна сельская община не являлась единым родом. Исследователь настаивает на том, что они явились следствием выделения из материнских деревень околотков и выселков на свою же общинную землю, которая впоследствии превращалась в самостоятельную общину, но уже отдельной земли не получала⁴⁴. Марийский исследователь А.А. Иванов считает, что в сохранении запутанных земельных отношений были заинтересованы зажиточные слои деревни, которые не желали расставаться с лучшими угодьями⁴⁵. В.Д. Димитриев добавляет, что причиной сохранения федеративных общин является то, что царское правительство не было заинтересовано в их ликвидации⁴⁶.

Эти и другие факторы, безусловно, влияли на долгое сохранение этого громоздкого и малоэффективного с экономической точки зрения социального института, как сложная и федеративная община. Однако хотелось бы дополнить и подчеркнуть значимость культурного фактора. Поддержим тех царских чиновников конца XIX в., которые полагали, что упорное желание сохранить федеративную общину, несмотря на экономические и административные издержки, является проявлением «национальных черт чуваш и черемис, склонных вообще к обособленности»⁴⁷. В советское время эта мысль дальнейшего развития не получила, а исследователи сосредоточились на анализе социального и экономического устройства этих общин. Корни же феномена долгого сохранения сложных общин, думаем, нужно искать в стремлении сохранить не только кровно-родовое единство, но и культурное (национальное). Мотив вполне очевидный. Местное чиновничество и духовенство перио-

дически пытались вмешиваться в жизнь чувашской деревни, в том числе и в духовную сферу. Разделение многодеревенной федеративной общины на несколько однодеревенных (т.е. простых) могло привести к тому, что уменьшался правовой статус этих общин, – им поодиночке было сложно бороться против процесса русификации. Например, если при расселении из материнского села новопоселенцы отделяться и организуют новую общину, как это было принято в общероссийской практике, то они не смогут апеллировать к авторитету своих прежних старейшин, у которых уже налажены определенные связи с региональной администрацией и духовенством. К тому же при общинных сходах (пуху) принимались «приговоры», игравшие большую роль в диалоге между общинами и местной властью⁴⁸, а чем больше членов схода, тем весомей и его авторитет. Для достижения этих целей были не так страшны значительные расстояния между выселившейся и материнской деревней, неизбежная чересполосица и закрепление в традициях чувашей принципов экстерриториальности.

В.Д. Димитриев обратил внимание на то, что сложные общины в Чувашии в период с XVIII в. до начала XX в., несмотря на значительную экономическую и социальную неэффективность, не сокращались, а, напротив, только укрупнялись. Зачастую это происходило за счет дробления одной деревни на несколько и сохранение их в рамках одной федеративной общины. Но была и другая причина этого процесса – сознательное объединение нескольких чувашских общин в одну общую⁴⁹. Согласно данным земского обследования 1907 г. в Казанской губернии в 169 сложных общинах чувашей насчитывалось от 2 до 5 деревень, в 36 – от 6 до 10, в 15 – от 11 до 15, в 2 – от 16 до 20 и в 5 свыше 21 деревни. Причем это специфика именно чувашских общин, так как составные земельные союзы мордовских, русских, татарских, удмуртских и прочих хлебопашцев включали в себя здесь лишь от 2 до 4 селений⁵⁰.

Считаем, что основным мотивом слияния нескольких общин в одну общую является стремление не к экономическим преимуществам, а к культурному и национальному единству. В условиях, когда в силу политических причин, не могла происходить национальная консолидация «сверху» с помощью прежней мелкофеодальной элиты, купечества, буржуазии и интеллигенции, шел процесс сплочения «снизу». Только так, на общинном уровне, чувашские крестьяне могли отстаивать национально-культурные права: чем больше членов

общины, тем национально-представительней был бы их голос в диалоге с царской властью и местным чиновническим аппаратом.

С учетом культурного и национального фактора становится более понятной причина того, почему царское правительство не было заинтересовано в ликвидации сложных общин, – это могло вызвать социальный взрыв среди чувашских крестьян. Так, собственно говоря, и произошло в годы столыпинской реформы, направленной на разрушение общинного уклада российского крестьянства. Только за 1906 г. в чувашских уездах Казанской и Симбирской губерний произошло 270 крестьянских выступлений, где наряду с экономическими и политическими требованиями звучали национальные лозунги⁵¹. Стоит вспомнить знаковые выступления чувашских крестьян Ядринского уезда, закончившиеся кровопролитием в с. Чемеево в 1907 г. и в с. Атменево в 1913 году. Основным требованием в этих выступлениях было противодействие попытке дробления существовавших ранее сложных общин⁵².

Таким образом, общинные принципы стали основным фундаментом сохранения элементов культурной автономии чувашей и в начале XX в., без чего скорейшая русификация была бы неминуема. Стремление к их сохранению проявилось у многих лидеров чувашского национального движения, в том числе в первые годы советского государства. Так, например, считаем, что проект Чувашской трудовой коммуны 1919–1920 гг. был основан именно на этих принципах. По нему предполагалось объединить уже существовавшие многочисленные чувашские крестьянские общины в одну общую административно-культурную единицу под названием Чувашская трудовая коммуна.

Политические предпосылки формирования в начале XX в. программы культурной и экстерриториальной автономии чувашей играли чрезвычайно важную роль, поэтому требуют специального внимания. Основная политическая причина приверженности культурной и экстерриториальной автономии – это то, что за предыдущие два столетия у чувашского народа отсутствовала какая-либо значимая социальная прослойка, которая могла бы претендовать на политическую роль. Вследствие этого не сложилась традиция политической автономии, хотя бы в незначительной степени. Чувашским общинам приходилось решать вопросы с региональным руководством напрямую без привлечения политической элиты.

Для лучшего понимания позиции чувашских общественно-политических деятелей по отношению к мусульманским проектам

создания на территории Волжско-Уральского региона совместной автономии в период с конца 1917 до начала 1920 гг. (Волжско-Уральский штат, Татаро-Башкирская республика) считаем необходимым сделать небольшой экскурс в историю взаимоотношений чувашского и татарского народов в период их нахождения в составе единого государственного образования, т.е. Казанского ханства. Именно в эти годы закладывались основные принципы взаимоотношений национальной элиты этих народов во всей своей сложности, противоречивости и взаимообусловленности. Невозможно обойти вниманием взаимоотношения национальной элиты чувашей после вхождения в состав Российского государства с царской и региональной властью, найти точки соприкосновения и разногласий.

До монголо-татарского завоевания Волжской Болгарии в XIII в. предки чувашей (болгаро-чуваши) представляли собой сложившийся этнос, который почти не имел *существенных* племенных и этнокультурных различий, в том числе и диалектных⁵³. После создания на их территории сначала Золотой Орды, а впоследствии в XV в. Казанского ханства языческое болгаро-чувашское население на этой территории сохранило некоторые элементы прежней государственности, но значительно утратило политическую власть. Выражалось это в следующем:

- предки чувашей были вытеснены из своего исторического культурного места в Волжско-Камском регионе, но все же получили свою определенную территорию проживания на перифериях Золотой Орды и впоследствии Казанского ханства;

- мусульманская элита региона, для которой была характерна культура хорезмийского типа⁵⁴, по различным причинам не вмешивалась в культурные вопросы язычников болгаро-чувашей, удовлетворяясь стандартными феодальными поборами, т.е. сбором ясака и принуждением к участию в боевых действиях против соседних государств;

- на территориях проживания предков чувашей государство не регламентировало социальную и экономическую сферу их жизни, а также частично допускало болгаро-чувашскую феодальную знать к решению вопросов политического характера. Данный фактор создавал условия для сохранения, воспроизводства и дальнейшего развития чувашской самобытной культуры;

- постепенно основной опорой сохранения, воспроизводства и дальнейшего развития самобытной культуры стали являться не общенародные лидеры, а первичные социальные группы болгаро-чу-

вашей – «чувашские общины», которые при этом были культурно автономны не только в отношении правящей политической элиты государства, но и в отношении друг друга, т. е. были децентрализованы.

По свидетельствам самих татарских исследователей, непосредственно татарское население в Казанском ханстве владело не всей его территорией, а только 1/5 ее частью. Так, на 300 тысяч квадратных верст татары занимали 60 тысяч⁵⁵. Это вполне соответствует расчетам В.Д. Димитриева, который считает, что в процентном соотношении в Казанском ханстве татар было 20%, чувашей – 50%, марийцев, удмуртов и других национальностей – 30%⁵⁶. Исследователь этнической истории чувашей В.П. Иванов вообще ставит вопрос о правомерности считать Казанское ханство татарским государством, указывая исторические примеры в Европе и Азии, когда этническая принадлежность государства считалась по основному количеству этнического населения, даже если у политической власти были представители иных этносов. В.П. Иванов считает, что традиции государственности Золотой Орды и Казанского ханства необходимо относить не только к татарскому, но и к чувашскому народам⁵⁷. Эти и некоторые другие соображения свидетельствуют о том, что нельзя утверждать, будто в ходе завоевания Волжской Болгарии в XIII в. язычники болгаро-чуваша были лишены автономных прав в отношении мусульманской правящей элиты.

Исторической литературе не известны документальные свидетельства о планомерной и насильственной политике ханского правительства по насаждению ислама среди болгаро-чувашей, сохранивших языческие верования. Однако процесс мусульманизации охватил значительный пласт болгаро-чувашской знати, так как только при принятии ислама она из корыстных соображений могла рассчитывать на сохранение в ханстве привилегированного положения⁵⁸.

Сложнее ситуация обстоит с чувашскими общинами. Большинство из них длительное время предпочитало нести повышенные экономические тяготы, но сохранять приверженность традиционным языческим верованиям. Это было характерно для периода нахождения в составе как Казанского ханства, так и Российского государства. Так, известно, что вплоть до конца XVIII в. на территории уже Казанской губернии было значительное преобладание чувашского населения над татарским⁵⁹, но уже с начала XIX в. в левобережной по Волге части губернии наблюдался быстрый процесс мусульманизации чувашских общин⁶⁰. Надо думать, это связано с

повышением императрицей Екатериной II правового статуса культурной автономности мусульманского населения по сравнению с языческим⁶¹. Это обстоятельство, полагаем, является одной из основных причин значительного углубления этноправовой диспропорции между татарским и чувашским населением. Не пускаясь в дальнейшие рассуждения, отметим следующее: чувашская община как первичная социальная ячейка и «охранитель» чувашской культуры на протяжении столетий выработала в виде культурной и экономической самоизоляции защитный механизм от культурного воздействия иных этносов. Для экономической, социальной и политической жизни чувашского общества это играло негативную роль, но тем не менее стало неотъемлемым фактором сохранения своих традиций и законов в духовной сфере. Во многом по этому же пути пошли и другие языческие народы региона – марийцы и удмурты.

Особенностью правления казанских феодалов на чувашском правобережье Волги некоторые исследователи считают то, что они в большинстве случаев жили в Казани⁶². В связи с этим влияние татарского языка, обычаев и ислама на Горной стороне было слабым. Согласимся с этим и добавим, что минимальным было и влияние на социальную и экономическую сферу жизни чувашей. Так, нет никаких свидетельств о том, что они давали указания чувашским общинам, как они должны быть внутренне устроены и какими земельными культурами, например, они обязаны заниматься. Их интересовало только своевременное исполнение феодальных повинностей, а не регламентация внутренней жизни чувашских общин. Это значит, что чувашские общины имели немало условий в социальной и экономической жизни для того, чтобы сохранять, воспроизводить и дальше развивать традиционную чувашскую культуру. Некоторая часть сохранившейся чувашской, марийской и удмуртской привилегированной знати входила в состав признанной знати ханства⁶³. Так что можно утверждать, что были и некоторые политические компоненты, которые помогали чувашским общинам заниматься культурно-охранительной деятельностью.

В исторической, обществоведческой, социологической и этнографической науке не принято характеризовать положение политически зависимых народов термином «автономия» на том основании, что нет единого национального центра, который бы занимался регламентацией жизнедеятельности всего этноса вне зависимости от его места проживания. Действительно, такого цен-

тра не было. Но если бы он существовал, тогда это уже были бы признаки «политической автономии», так как признание со стороны правящей элиты культурного центра фактически повлекло бы и легализацию собственной национальной политики. Надо признать, что любое феодальное правительство, будь то ханское или царское, в случае существования или возникновения такого центра, воспринимавшегося как посягательство на власть правителя, предприняло бы максимум усилий для его уничтожения и репрессий в отношении его лидеров.

Сохранение чувашской культурной автономии в составе Казанского ханства основывалось на взаимосвязи первичных автономных ячеек «чувашских общин» и представительских функций чувашской феодальной знати. Если бы и происходил процесс создания чувашского культурного центра, то на уровне своей национальной знати. Возможно, он и существовал, так как решение о присоединении Горной стороны к России все же коллективное решение, а не частное мнение отдельных чувашских феодалов⁶⁴. К тому же зафиксирован случай, когда к такому же решению в то же время пришли и чувашаи Арской стороны, т.е. северо-восточной части Казанского ханства⁶⁵. Это может говорить о том, что в решении чувашей о присоединении к России была некоторая скоординированность действий в различных уголках ханства, следовательно, данный процесс носил не стихийный и не случайный характер.

Как бы то ни было, формирование чувашского центра из представителей чувашской знати в то время и впоследствии не состоялось. Скорее всего, потому, что те, кто не принял ислам при татарах, отошли от язычества и приняли православие при русской власти, то есть, исходя из сословных соображений, не «отатарились», а «русифицировались». Тем самым была разорвана взаимосвязь между феодальной знатью из чувашей и чувашскими общинами, наметилась разность их приоритетных векторов развития: первые выбрали путь на интеграцию в русское и мусульманское дворянство; вторые – дальнейшую культурную и экономическую самоизоляцию во имя сохранения своей традиционной религии и культуры. Крестьянские общины, несмотря на этническую и культурную общность, в силу своей ограниченной экономической и социальной природы, без посторонней помощи не способны к долговременной консолидации и избранию какой-либо общины в качестве основной и центральной. По этой причине чувашские

общины были значительно автономны по отношению не только к другим этносам и культурам, но и друг к другу. Уже в составе Российского государства во второй половине XVI в.⁶⁶ общины в качестве национально-представительного звена пытались сформировать такой социальный институт, как «коштанство», но под тлетворным влиянием части российского чиновничьего аппарата оно приняло скорее негативную, чем позитивную форму представительства этнокультурных интересов чувашских общин⁶⁷.

После мирного присоединения чувашского и горномарийского населения правобережной части Казанского ханства (Горной стороны) к русскому государству в середине XVI в. часть феодальной элиты, которая поддержала русскую армию в войне с Казанью, сохранила свои звания и привилегии. Более того, даже те отдельные чувашские лидеры, кто не обладал таким привилегированным титулом (тархан, сотник, пятидесятник и др.), царем Иваном Грозным за особые заслуги были пожалованы⁶⁸. Привилегия заключалась в том, что данный титул передавался по наследству, предполагал некоторое земельное поместье, за которое царской казне не платился ясак, но необходимо было исполнять воинскую службу⁶⁹. После присоединения чувашей к России правовой статус, сопоставимый с тарханом, получили и более мелкие князьки, в частности, сотные, которые в конце XVI в. принимали значительное участие в управленческой структуре на волостном и уездном уровнях⁷⁰.

В особых условиях в первое время в составе России находились и чувашские общины. То, что с середины XVI в. вплоть до середины XIX в. подавляющая часть территории с проживанием чувашей была сохранена с ясачным, а впоследствии – с государственным статусом, исследователь средневековой Чувашии В.Д. Димитриев считает позитивным фактом⁷¹. Действительно, в случае попадания чувашских общин в руки помещиков и монастырей довольно скоро разрушились бы сложившиеся веками традиции общинности и соответственно культурной автономии.

Царский (ясачный) статус давал немалые юридические преимущества. Так, например, чувашские общины в конце XVI в. обладали формальным правом в случае злоупотреблений со стороны государственных служащих (воевод и наместников) напрямую, «через их головы», жаловаться царю, который обещался защищать их права⁷². На этот факт хотелось бы обратить особое внимание, так как то, что было характерно для XVI в. было вполне

актуально и в начале XX в. Например, в конце 1919 г., когда формировался проект Чувашской трудовой коммуны в составе Татаро-Башкирской республики, предусматривался и особый национальный статус чувашей с двойным подчинением – республиканской власти и правительству РСФСР. Так, предполагалось, что чувашские коммуны (общины) в мусульманской автономии во многих сферах подчинялись бы руководству республики и исполняли его основные указания, но в случае злоупотребления и пренебрежения национальными интересами чувашей, у них была бы возможность «через их головы» пожаловаться Центральному правительству РСФСР через посредство Чувашского отдела при Наркомнаце (структурном подразделении Совнаркома РСФСР) и представителя чувашей во ВЦИК. Получался правовой казус – с одной стороны, подчиняемся региональной власти, но в случае чего имеем право обжалования в Москве. В 1919–1920 гг. – председателю Совнаркома РСФСР В.И. Ленину, а в XVI в. – русским царям.

В таком подчинении виделось взаимопонимание чувашских лидеров и новой русской власти в XVI веке. О гармоничном взаимодействии, в частности, говорит тот факт, что когда в Среднем Поволжье во второй половине XVI в. на несколько десятилетий заполохало антимосковское восстание, названное «черемисской войной», чувашаи не поддержали его. Напротив, когда один из лидеров восстания – сотник из луговых марийцев Мамич-Бердей в 1556 г. с двухтысячным войском перешел с левобережной (луговой) части Волги на правобережную (горную), чтобы склонить на свою сторону «горных людей», то именно чувашские ополченцы во главе с сотником Алтышем захватили его в плен и привезли в Москву. А в следующем году чувашское ополчение вместе с русскими войсками разгромили еще одного «освободителя» – Ахметека с его войском. Чувашские исторические предания сохранили сведения о помощи русским в борьбе и с марийскими, и с татарскими мятежами того времени⁷³.

Однако, несмотря на то, что с середины XVI в. чувашский народ нашел взаимовыгодную форму сотрудничества с Российским государством, он все же не смог защититься от измождения части российского бюрократического аппарата и духовенства, целью которых было обогащение за счет подведомственного им чувашского населения. В немалой степени решающее значение сыграл тот факт, что чувашская феодальная прослойка в XVI-XVII вв. в силу

объективных обстоятельств экономически ослабла и уже в конце XVII в. ее политическая роль была незначительной⁷⁴.

К началу XVIII в. процесс «растворения» феодальной прослойки из чувашей определяет конец тех некоторых элементов политической автономии, которые еще существовали до этого времени. Точку в ликвидации привилегий чувашской феодальной знати, которую В.П. Иванов исчисляет в 300 человек тарханов и сотников⁷⁵, поставил указ Петра I от 27 ноября 1713 г., который гласил, что если они вместе с мусульманскими феодалами не примут в ближайшее время православие, то лишатся своих привилегий, то есть права иметь поместья – не облагаемые ясаком земельные участки⁷⁶. Те, кто принял православие, очень скоро стали позиционировать себя как русские, а кто не принял – в своем правовом положении по дальнейшим реформам 1718–1723 гг. сравнялись с обычными чувашскими государственными крестьянами⁷⁷. Тем самым из сложившейся системы взаимоотношений «чувашского мира» и царского правительства была искусственно изъята национально-представительная функция привилегированной знати из чувашей и окончательно утрачены политические элементы автономии. Чувашские общины остались один на один в бесперспективном противостоянии региональному православному духовенству и российскому чиновничьему аппарату.

XVIII-XIX вв., пожалуй, самые драматичные в истории чувашского народа и во многом объясняющие сохранение и поныне в национальном менталитете элементов «национального нигилизма». В.Д. Дмитриев считает это следствием утраты еще в XIII в. прежней болгарской государственности, ликвидации собственной элиты и пребывания под национальным гнетом⁷⁸. Можем добавить еще одну причину: в период с начала XVIII в. до начала XX в. так и не сложился какой-либо значимый политический элемент в региональных политических верхах чувашского национального представительства, а если он и складывался, то сразу же подвергался жесточайшему преследованию и репрессиям. На наш взгляд, по этой же причине чувашские общины горячо отозвались на призывы «истинного царя» Петра III (т. е. Емельяна Пугачева) в 1773–1775 гг., на которого они возлагали надежды на восстановление попорченной справедливости и национального «статус кво».

В контексте вышеизложенного совершенно по-иному можно рассмотреть содержание события 1842 г., вошедшего в историю

как Акрамовская война, а главное – выявить его мотивы. Почему это важно? Дело в том, что это уникальное явление за всю историю нахождения чувашей в составе Российского государства, когда длительное время на борьбу с царскими отрядами выходило до 5-6 тысяч вооруженных чувашей и марийцев. Эти силы рассеялись только после вооруженной победы регулярных войск и массовых арестов организаторов восстания⁷⁹. Подобные действия очень нехарактерны для чувашей. Напомним, что такой концентрации восставших чувашей в одном сражении не было ни до этого, ни после этого. Даже в «буйные времена» пугачевского восстания, при организаторской и вооруженной поддержке казаков, в конкретных сражениях с царскими войсками участвовало по несколько сотен восставших чувашских крестьян. Самый большой отряд чувашских крестьян в 2 тысячи человек был собран в конце июля 1774 г. возле д. Моргаушка Цивильского уезда против батальона царских войск⁸⁰. Надо учесть, что есть серьезные различия между крестьянами и казачеством, которому в считанные дни собрать многотысячные отряды не представлялось большого труда. Не привыкшего к воинскому делу землепашцу нужны очень серьезные мотивы для того, чтобы сподвигнуть на сбор отряда в 5-6 тысяч из десятков или даже сотен деревень, проявить при этом крайнюю жесточенность и решимость погибнуть.

Историки объясняют это следующими причинами: 1) неоправданные насильственные действия региональных властей в ходе реализации «киселевской» аграрной реформы; 2) слухи о том, что с введением общественных запасек государственных крестьян переведут в удельное ведомство⁸¹. Эти факторы, безусловно, были значительны, но не настолько, чтобы организовать самое крупное и кровопролитное восстание в России в ходе так называемых «картофельных бунтов» 40-х гг. XIX столетия. Полагаем, что на это не основной мотив восстания, а только фон и, возможно, контекст чего-то другого. На наш взгляд, это была отчаянная попытка чувашских общин в ходе очередных грабительских реформ восстановить утраченное этническое право на самоуправление в социально-экономической и, в том числе, политической сферах жизни.

У нас нет достаточных письменных источников, объясняющих, как это восстание воспринималось среди чувашей. Однако тщательный анализ архивных материалов оставшихся от чиновников и руководителей воинских команд⁸², позволяет выявить самое

большое место, на которые они грубо и безжалостно отреагировали. Это были «подозрительные бумаги» чуваша Василия Григорьева из д. Тептяево Козмодемьянского уезда, бывшего унтер-офицера и ветерана Отечественной войны 1812 г. Он имел некоторые связи в Санкт-Петербурге и собирался доставить бумаги на имя российского императора. Именно с этих бумаг вялотекущее неповиновение моментально переросло в массовое восстание. 14 мая 1842 г. прошение у В. Григорьева было изъято, но задержать его не удалось⁸³. После этого царским войскам пришлось иметь дело с агрессивно настроенными и многотысячными отрядами восставших. То, что быстро были собраны отряды крестьян, говорит о том, что к выступлению готовились заблаговременно. Мы считаем, что именно эти прошения, изложенные в бумагах В. Григорьева, сыграли решающую роль в том, что восстание чувашских и марийских крестьян переросло в настоящую войну.

У нас нет достоверных сведений о том, что было в тех «подозрительных бумагах». Но об их содержании можно сделать вывод из слов самих восставших в ходе препирательств с губернскими чиновниками и офицерами. Так, 9 мая 1842 г., накануне вооруженных столкновений, Ядринский уездный исправник Головкинский в письме казанскому губернатору Шипову писал о причинах, по которым в чувашские уезды необходимо выслать военную команду. В частности, он пишет следующее: «Доходят слухи, что чувашаи желают лишь иметь в виду лицо, которое бы ими руководило и под предлогом его (как во времена Пугачева) можно было бы буйствовать»⁸⁴. Вторую часть донесения, про Пугачева и буйство, можно отнести к оправданию карательной экспедиции. Чрезвычайно важным представляется сообщение о том, что чувашаи хотят, чтобы ими руководило только одно лицо. Какое это лицо? А такое, которое смогло бы защищать социальные, культурные и экономические права чувашского населения политическим путем. Уверены, что эта мысль была основным содержанием прошения В. Григорьева и именно этого прошения так боялись губернские чиновники.

Мы не склоны преувеличивать значение Василия Григорьева и полагать, что он хотел стать руководителем чувашей. Этим человеком мог быть и другой, например, другой ветеран войн и односельчанин Степан Палатай, который лично организовывал и руководил восстанием. Мог быть и кто-то другой, чье имя не нашло отражения в чиновничьих отчетах, – прошение Григорьева

все-таки не сохранилось. Скорее всего, его уничтожили испуганные чиновники тогда же, иначе содержание было бы известно из документов. Это тема отдельного подробного исследования.

Подведем некоторые итоги по политическим предпосылкам формирования идеологии культурной и экстерриториальной автономии чувашей до XX в.

В период нахождения чувашского народа в составе Казанского ханства и Московского царства, вплоть до становления в России имперских принципов в начале XVIII в., связанных с реформами Петра I, в чувашском обществе была определенная феодальная прослойка, которая могла претендовать на политическую роль и защищать культурно-национальные интересы чувашей. Она не стремилась к лидерству в Волжско-Уральском регионе, так как осознавала свою слабость в мире, где решающее значение имеет размер воинской силы. В силу своего геополитического положения чувашаи оказались на стыке противоборства мусульманства и православия, в этой связи феодальная элита из чувашей была вынуждена выбирать какую-либо сторону, забыв свои языческие традиции. Те, кто предпочел оставаться в вере отцов, теряли свой феодальный статус, перейдя на положение обычного ясачного, а затем и государственного крестьянина. Практически единственный путь защиты традиционной религии и культуры они уже видели в защите не политических, а исключительно культурных интересов чувашских общин.

Если проводить параллели с началом XX в., то в это время вопрос о создании политической власти большинством национальных лидеров чувашей считался преждевременным по весьма важной причине. В период средневековья, где преобладало право сильного, политические амбиции могли привести к физическому уничтожению оппозиционного населения. В начале XX в. под влиянием европейских традиций все большее признание получило такое понятие, как право нации. Чувашские лидеры начала XX в. вопрос понимали следующим образом: чтобы добиться права на самоопределение, необходимо доказать культурно-национальную состоятельность с целью признания чувашей в мировом сообществе достойной и равноправной нацией. Для этого необходимо развивать в первую очередь культурно-просветительскую сферу, а по достижении этих задач поставить вопрос и о политической власти.

Экономические предпосылки стремления к созданию в начале XX в. централизованной культурной и экстерриториальной автономии не менее важны, чем все остальные. Эта тема была весьма болезненна в советской историографии, так как тезис об исключительном малоземелье чувашского крестьянства Казанской губернии в начале XX в. считался проявлением националистической сути программы чувашских эсеров⁸⁵, и на этом исследователи в то время предпочитали не акцентировать внимание. Однако в советское и настоящее время выходили исследования, рассматривающие этот вопрос. Подведем некоторые итоги, которые сложились к началу XX в.

Аграрные реформы 1861 г. и столыпинская реформа 1906 г. вовсе не решили земельного вопроса для чувашского населения Казанской губернии, а напротив, усугубили его. Так, в середине XIX в. общий надел пашни, лесов и лугов государственных крестьян Казанской губернии составляли 8,5 десятины на одну «казенную» душу, т.е. одного мужчину, что в среднем соответствовало общероссийскому. К началу XX в. он сократился до 4,6 десятины⁸⁶, а в четырех чувашских уездах – даже до 2,5-3,3 десятины⁸⁷. И это происходило на фоне того, что средний надел в Европейской России составлял в 1907 г. 8 десятин⁸⁸. Одна из основных причин малоэффективности указанных реформ заключалась в том, что на территории чувашских уездов правобережной части Казанской губернии, отсутствовали крупные помещичьи земли. Поэтому просто нечего было использовать в качестве «колониционных» земель, т.е. некуда было расширяться. Премьер-министр России П.А. Столыпин предложил разрешение данного вопроса – переселение в Сибирь и Среднюю Азию, и многие чувашские семьи уехали. Однако немало их вернулось, так как не всегда на новой территории им удавалось прижиться⁸⁹. Одной из важных причин дискомфорта чувашских крестьян являлось игнорирование новой властью национальных особенностей и традиций культурной автономии чувашей, а также отсутствие каких-либо учреждений, которые смогли бы защищать их национальные интересы.

Важный объективный фактор требования экстерриториальной автономии и решительный отказ от территориальной предопределен экономической сферой. Простая логика – было бы безрассудно добиваться территориальной автономии на территории чувашских уездов правобережной части Казанской губернии с их хроническими проблемами перенаселения и мало-

пригодности для сельского хозяйства значительной части этого пространства (овраги, леса, глинистая почва и проч.). В связи с вышеизложенными обстоятельствами формирование единого и центрального национально-представительского центра чувашей, который бы защищал национальные интересы всех переселенцев, будь то Сибирь, Туркестан или другое место, имело чрезвычайно важное значение. Особенно этому много уделяли внимания на общечувашских съездах 1917–1918 гг.

В рамках исследования *культурных предпосылок* остановимся не на анализе чувашской культуры в целом (этот вопрос довольно широко исследован), а на попытках отдельных чувашских лидеров до XX в. добиться признания основ культурной автономии чувашей у царского правительства, а также начало их культурно-национального объединения.

Из-за отсутствия достаточной источниковой базы и соответствующих исторических исследований мы не можем дать оценку попыткам культурной и национальной консолидации чувашей в период нахождения в составе Казанского ханства. Хотя эти попытки вполне могли быть, как например, в указанном выше случае добровольного вхождения в состав Российского государства в середине XVI в. Исторической литературе не известны подобные прецеденты в XVII в. По стечению ряда обстоятельств такой случай был зафиксирован в документах второй четверти XVIII в., и связан он с национальным лидером из чувашей того периода Охадером Томеевым. Деятельность видной и неординарной личности довольно неплохо изучена, но, как правило, только с общественно-политической точки зрения⁹⁰, либо с точки зрения сопротивления насильственной христианизации⁹¹. Культурно-национальному аспекту его инициативы, на наш взгляд, уделено мало внимания.

Наиболее полная и широкая оценка деятельности О. Томеева дана В.Д. Димитриевым. Так, он указывает, что чуваша Чебоксарского уезда в январе 1744 г. требовали установления взамен воеводского особого, автономного управления из трех лиц, в том числе и чуваша Охадера Томеева. Также В.Д. Димитриев объясняет и то, в чем заключалась автономность этого проекта, – сбор государственных податей, защита от произвола местного чиновничьего аппарата, использование чувашского языка для христианизации и управления чувашским населением⁹². Результаты его исследования убедительно показывают стремление чувашей к

самоуправлению в социальной, экономической, и в некоторой степени, политической сферах. Сам исследователь данное прошение считает феноменальным для того времени и рассматривает как показатель довольно развитого национального самосознания⁹³. Однако, на наш взгляд, осталось не до конца раскрытым новаторство О. Томеева в духовной сфере с целью сохранения культурной самобытности чувашей ценой утраты языческих традиций.

Проанализируем текст обращения съезда представителей 88 чувашских общин Чебоксарского уезда (его по сути можно считать уездным национальным съездом) на имя императрицы Елизаветы Петровны⁹⁴ и сделаем дополнительные выводы:

- во-первых, в исторической литературе не совсем точно отображен этнический состав предполагаемой коллегии, которую предлагал О. Томеев; не просто двое русских и один чуваш, а, согласно тексту челобитной, видно, что чуваш Охадер Томеев должен был стать центральной фигурой. Русские, Григорий Вихарев и Илья Бельский, должны были исполнять вспомогательную функцию, являясь посредниками О. Томеева для диалога с Казанью и Москвой, т.е. общенационального чувашского лидера с царской и региональной властью;

- во-вторых, можно сделать выводы о том, что планы О.Томеева выходили за рамки одного Чебоксарского уезда, так как указанные «как мужецка, так и женска пола иноверцы, которых будет найдется не меньше пятидесяти тысяч душ» превышали количество чувашей этого уезда⁹⁵. В то время в уезде числилось 19762 человек мужского пола⁹⁶. Туда входили русские, марийцы, татары, а также уже крещенные чувашаи. Учитывая, что число мужского населения в то время было больше, чем женского, то можно определить приблизительную разницу между числом названным О. Томеевым, и числом некрещенных чувашей Чебоксарского уезда. По приблизительным расчетам получается, что не менее 10-15 тысяч некрещенных чувашей. Вполне правомерно было бы предположить, что О. Томеев, пройдя первичный этап легализации своего проекта в рамках одного уезда, в дальнейшем поставил бы вопрос о духовном руководстве чувашами и в других уездах;

- в-третьих, в прошении можно отметить намеки на то, что фактически речь шла о создании чувашского этнокультурного центра, который бы восполнил сложившийся национально-представительный пробел, появившийся после того, как

чувашская феодальная знать утратила свое былое значение по экономическим и политическим причинам.

Поражение «проекта Томеева» стало очередным трагическим событием в истории чувашского народа, в результате появившаяся традиция «национального нигилизма» получила дальнейшую подпитку. Одним из последствий такой политики, особенно после признания Екатериной II в манифесте 1783 г. права создания аналогичного центра мусульман в Оренбурге и Симферополе⁹⁷, стало усиление процесса мусульманизации части чувашей и других язычников Волжско-Уральского региона в конце XVIII – начале XIX вв.

Несмотря на то, что царское правительство не поддержало этих идей и, напротив, развернуло целый ряд репрессий⁹⁸, идея христианизации посредством использования родного языка сыграла значительную роль в создании просветительской системы Н.И. Ильминского во второй половине XIX в. Сама идея О. Томеева была вполне рациональной и позитивной не только для чувашей, но и стала востребованной для региональных деятелей, придерживавшихся позиции русификации чувашей и других народов. Много элементов томеевского проекта отмечается и в деятельности И.Я. Яковлева.

Сложно сказать, знал ли И.Я. Яковлев о подвижнической деятельности О.Томеева. Во всяком случае, очевидна культурно-национальная преемственность – использование православия для консолидации чувашей и попытка сделать их равноправными по отношению к православному и мусульманскому населению Волжско-Уральского региона. Не будем подробно останавливаться на анализе проекта Яковлева, этот вопрос достаточно подробно проанализирован, имеется обширная на этот счет историческая и мемуарная литература, которая может стать предметом самостоятельного исследования. Подробнее о деятельности И.Я. Яковлева мы еще поговорим в следующем разделе, сейчас отметим основную суть его проекта – создание на базе Симбирской чувашской школы центрального и единственного национально-культурного центра чувашского народа на территории всего Волжско-Уральского региона. Как он сам писал, Симбирская чувашская школа должна «стать центром, из которого, как лучи от солнца, расходились бы по всем сельским местностям, где живут чуваша, благоденствия русско-христианской культуры»⁹⁹.

Считаем, что проект Яковлева носил двойственный характер. С одной стороны, он и его миссионерские последователи искренне верили в равноправную интеграцию чувашей в православный мир,

что в будущем предполагало их денационализацию. Но путь к равенству лежал через «чувашезацию» для чувашей основ русско-христианской культуры. А это уже серьезный фактор для консолидации чувашской нации. Выделим еще один важный специфический аспект яковлевского проекта, который отличает его от его же некоторых учеников: не к объединению чувашей он призывал, а к тому, чтобы они пошли за ним, как за национальной миссией. В этом, по-видимому, основная причина негодования И.Я.Яковлева, когда некоторые его ученики объединялись между собой и проявляли с ним несогласие. То, что он после 1918 г. стал к ним лояльней относиться, связываем с возрастом и в некоторой степени признанием позитивных для чувашей результатов их деятельности.

Тем не менее, И.Я. Яковлев в конце XIX – начале XX в. воспитал достаточно многочисленную прослойку чувашской интеллигенции, которая впоследствии стала претендовать на национально-представительные и политические функции по защите интересов собственной нации. Используя административный ресурс должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, куда входили губернии, на территории которых проживал основной массив чувашского населения, он совершил прорыв, благодаря чему в этот период сформировалось чувашское национальное движение.

Несколько слов скажем о культурных предпосылках, сложившихся непосредственно в самом чувашском народе. Формально признав основы христианства, но по сути продолжая жить по своим традиционным религиозным и культурным традициям, чувашские общины, даже несмотря на усилившийся в середине XVIII в. процесс массовой христианизации, с целью сохранения своей традиционной культуры пошли по прежнему пути культурной и экономической самоизоляции. Именно такая форма защиты собственной культуры на протяжении столетий могла воспитывать подрастающие поколения в чувашских традиционных правовых нормах (обычное право), миропонимании, обрядах с использованием, в первую очередь, чувашского языка. Для этого не надо было создавать специальные учебные заведения – все необходимые знания по чувашской культуре подростки получали непосредственно в жизни в чувашской общине. Подробнее на эту тему отсылаем к трудам Г.Н. Волкова – основоположника такой науки, как «этнопедагогика»¹⁰⁰.

* * *

Подведем итоги по параграфу. В ходе проведенного исследования

мы приходим к выводу о том, что предпосылки появления в начале XX в. программы культурной и экстерриториальной автономии имеют глубокие корни во всех сферах жизни чувашей на протяжении нескольких столетий.

В экономической сфере это связано с хроническим малоземельем крестьян в чувашских уездах правобережной части Казанской губернии. Для диаспорных групп чувашей, проживающих в других губерниях, экстерриториальная консолидация чувашских общин по национально-культурному принципу была необходима для того, чтобы был создан единый всероссийский национально-представительный орган чувашей и чтобы этот орган отстаивал национальные интересы, а также оказывал экономическое содействие.

В социальной сфере приверженность культурной и экстерриториальной автономии была обусловлена стремлением чувашских крестьянских общин к консолидации для того, чтобы эффективней можно было защищать свои самобытные культурные традиции и противостоять региональной бюрократической системе и духовенству.

Отсутствие на протяжении ряда столетий какой-либо значимой социальной прослойки, которая может выполнять политические функции, повлияло на формирование предпосылок в политической сфере. На повестку дня был поставлен вопрос о первоначальной национализации народного образования, о достижении уровня образованной и экономически сильной нации, а уж потом предполагалось выдвигать политические требования.

Духовная сфера изначально подразумевает стремление к культурному самоуправлению. До XX в. предпринимались отдельные попытки культурной консолидации чувашей (проекты О. Томеева и И.Я. Яковлаева), но они оказались безуспешными. В начале XX в. требовалось создание программы культурной и экстерриториальной автономии чувашей, структура которой отвечала бы потребностям демократичного и политизированного начала XX в.

2.3. Идеологическая платформа чувашского национального движения в период Первой русской революции 1905-1907 годах

К началу XX в. чувашские общины с трудом сохраняли свои традиционные культурные устои. Если до этого угрозой представляла экспансия православия, иногда принимавшая насильственные формы, то теперь угроза сосредоточилась в социально-экономической сфере. Царское правительство в конце XIX-начале XX вв. стало проводить политику расслоения и разрушения общин, что, во-первых, нарушало не-

обходимые условия для культурной автономии, а, во-вторых, грозило полной русификацией. К началу XX столетия созрела необходимость кардинального пересмотра общей программы действий, появился новый и целостный проект традиционной культурной и экстерриториальной автономии, который мы выделяем как «проект Алюнова».

Данный проект, как никакой другой, является результатом деятельности многих чувашских работников – Т.Н. Николева-Хури, С.Н. Николаева, Д.П. Петрова-Юмана, Н.В. Никольского, И.В. Васильева и других. Каждый вложил свою весомую часть в общий проект. Г.Ф. Алюнову прерогатива отдана на том основании, что именно он стоял у истоков проекта и до самого конца осенью 1918 г. оставался деятельным его апологетом.

Для раскрытия проблемы необходимо выявить предпосылки появления «проекта Алюнова» и его отличие от «проекта Яковлева»; рассмотреть основные аспекты формирования данного проекта; обозначить два основных направления (революционное и эволюционное) в чувашском национальном движении, выявить отличное и общее между ними; изучить факторы, которые способствовали выходу из культурной самоизоляции чувашского национального движения и его приобщению к общероссийскому движению; подробнее остановиться на «Кружке деятелей по просвещению чуваш» 1906 г., так как это была первая чувашская организация, стремящаяся к общенациональному и экстерриториальному статусу; подвести итоги формированию проекта чувашской культурной автономии экстерриториального характера в начале XX в. и определить его значение для последующего периода с 1917 г.

Не абсолютизируя национальный аспект, можно утверждать, что политика царского правительства по расслоению и разрушению сельских общин вызвала, говоря современным языком, социальный взрыв. Только за два года в период первой русской революции на территории современной Чувашии произошло порядка 320 крестьянских выступлений, требования которых носили не только экономический и политический, но и национальный характер¹⁰¹. В советской историографии не было принято упоминать о национальном компоненте требований чувашских крестьян. Напротив, историки всячески стремились вычистить упоминания о них, делая акцент на политических, экономических и социальных требованиях¹⁰². Но по опубликованным документам того периода можно сделать и другие выводы. Так, в частности, опубликован

«приговор» многих чувашских общин Чебоксарского уезда конца 1905 г., где наряду с другими требованиями имеются и такие: «по-нашему, очень несправедливо и то, что мы, чувашаи, не будучи крепостными крестьянами, были обложены выкупными платежами, тогда как этого не должно было быть. Так жить больше невозможно»¹⁰³. Речь идет об аграрной реформе 1861 г., и тут сквозит мысль, что чувашаи до этого были на особом, государственном, положении и земли, на которых находились чувашские общины, еще царем Иваном Грозным были оставлены им в пользование при верховном подчинении исключительно царю¹⁰⁴. Однако чувашей, как и других государственных крестьян страны, заставили платить выкупные платежи наравне с крепостными, которые выкупали в собственное пользование земли, ранее принадлежавшие не им, а помещику. Это со стороны государства прямое нарушение ранее принятых обязательств, произошло оно только по одной причине – «особые» социальные права чувашских общин, которые тесно переплелись с национальными особенностями, на государственном уровне просто некому было защищать.

Конечно, можно попытаться объяснить данную фразу постановлений сельских общин тем, что выкупные платежи в 1905 г. еще не закончились, они просто просили их прекратить. Однако нельзя отрицать и того, что четко прослеживается мысль о пересмотре прежних «уровнительных» решений сорокалетней давности и сохранении чувашей на особом, национальном, положении с особым социальным статусом. Чтобы сдвинуть вопрос с «мертвой точки», нужно было, чтобы кто-то это сделал. Сами общины, в связи со своей ограниченностью в социально-политической сфере, этого сделать не могли, тут крайне необходимо было национально-представительное звено, хотя бы на региональном уровне. Можно с уверенностью констатировать, что в начале XX в., с его уклоном к радикализации и политизации, «проект Яковлева», который дал в конце XIX в. значительные результаты, был не перспективен, а в некоторых аспектах даже регрессивен. На национальную арену начинают выходить молодые ученики И.Я. Яковлева, которые пошли значительно дальше своего учителя. Но прежде чем приступить к изложению их сформировавшейся идеологии культурной автономии экстерриториального характера, необходимо обозначить несколько причин, по которым, мы считаем, что «проект Яковлева» на данный момент не отвечал требованиям времени.

«Проект Яковлева» характеризовался только «культурной» составляющей, был более успешен и долговременен, но и он потерпел поражение. И причиной тому были не только «старания» попечителя Казанского учебного округа С.Ф. Спешкова и епископа Никандра, которые «добились» упразднения должности инспектора чувашских школ¹⁰⁵, но и то, что этот проект в условиях нового «техногенного» XX в. не отвечал современным требованиям. Обострившаяся в стране общественно-политическая обстановка вынуждала к тому, чтобы новый чувашский проект был более ориентирован на социальные и экономические нужды чувашских крестьян, более политизирован и даже революционизирован. Этим условиям вполне отвечал «проект Алюнова».

Отличие и преемственность проектов Яковлева и Алюнова заключалась в следующем:

- «проект Яковлева», как уже указывалось, носил только культурный характер. «Проект Алюнова» сохранял эту тенденцию, но он также значительное внимание уделял закреплению необходимых условий с целью сохранения чувашской национальной идентичности в политической, экономической и социальной сферах жизни чувашских общин;

- чувашская, революционно настроенная интеллигенция, была воспитана в немалой степени под влиянием передовых и современных европейских социалистических и либеральных учений. Среди многих хотелось бы особо выделить влияние учения английского философа и социолога Герберта Спенсера (1820–1903), которое было несовместимо с миссионерским и библейским подходом И.Я. Яковлева;

- по мнению приверженцев «проекта Алюнова», чувашский национально-представительный орган должен быть построен на принципах демократического централизма и на равных признавать права представителей всех чувашских регионов. «Проект Яковлева» был основан на личной авторитарности и стремлении сделать Симбирскую чувашскую школу единственным центральным и культурным центром всего чувашского народа;

- идея экстерриториальной и культурной автономии чувашей красной нитью проходит не только через «проект Алюнова», она прослеживается как в предыдущих проектах О. Томеева и И.Я. Яковлева, так и в последующих – А.Д. Краснова и Д.С. Эльменя. Однако именно в «проекте Алюнова» данная идея представлена наиболее полно.

Вопрос о роли и влиянии учения Г. Спенсера на умонстрое-

ния чувашской молодежи начала XX в. еще ни разу ни становился предметом специального исторического исследования, хотя, на наш взгляд, этот вопрос очень важен для понимания сути чувашского национального движения того периода. Его изучение весьма затруднено, так как сохранился очень скудный материал в воспоминаниях, публикациях и архивных документах самих активных деятелей того времени (Т.Н. Николаев-Хури, Г.Ф. Алюнов, С.Н. Николаев, И.В. Васильев, Г.Т. Титов и др.), которые не смогли вписаться в новую советскую систему. Их соратники, нашедшие свое место при новой власти, после 1920 г. предпочитали больше писать о влиянии на них социал-демократической литературы, чем либерального философа Г. Спенсера, тем не менее, кое-что удалось выявить. Эти скудные сведения, на наш взгляд, имеют большое значение для понимания методов и средств чувашских лидеров того времени. Так, интересные сведения содержатся в публикации 1924 г., автор которой – активный участник национального движения периода 1917 г., П.З. Львов. Он, не без иронии, пишет, что один из центральных лидеров того времени, будущий чувашский учредилец И.В. Васильев, «изучивший жизнь по толстым книгам философа Спенсера... говорил, что чувашу, прежде чем дать ему революцию, надо дать почитать Спенсера»¹⁰⁶.

Из недавно поступивших в Чувашию из Праги (Чехия) воспоминаний видного чувашского эсера С.Н. Николаева можно узнать, что на его мировоззрение, а также на мировоззрение других представителей чувашской молодежи в годы учебы в Симбирской духовной семинарии, не без участия Г.Ф. Алюнова, большое влияние оказали социал-дарвинистические книги Г. Спенсера¹⁰⁷. А известный чувашский профессор Н.В. Никольский в своих исследованиях прямо апеллировал к мнению и тезисам этого философа¹⁰⁸. Вероятно, можно найти сведения об этом и в других источниках, но уже на основании выявленного нами можно сделать выводы об определенном влиянии учения Г. Спенсера на умонастроения передовых деятелей того времени. Фундамент учения зиждился на тезисе, что каждое общество (в том числе и нация) представляет собой живой эволюционирующий организм, проходящий все стадии биологического развития. Выживает сильнейший и тот, кто в сложных ситуациях на «вызовы» сможет дать соответствующий ситуации «ответ». Г. Спенсер, как один из идеологов позитивизма, считал, что только приспособившиеся и адаптированные способны достигать более

высокого уровня исторического развития. А для того чтобы быть конкурентоспособным в «естественном отборе», необходимо обладать соответствующим уровнем знаний в экономической, политической, социальной и духовной сферах¹⁰⁹.

На наш взгляд, именно этим объясняется настойчивое стремление сторонников «проекта Алюнова» считать первостепенным образование чувашей на чувашском языке в низшем, среднем и высшем звене по самым различным специальностям, т. е. чувашаи должны стать конкурентоспособными и добиться достойного места в мировом сообществе равноправных наций. Тезис «сначала всеобщее образование на чувашском языке, а уж потом политическая борьба» стал основным императивом чувашского движения досоветского времени. Его отличие от яковлевского подхода – не замыкаться только на духовной сфере. Данное мнение хорошо иллюстрирует речь И.В. Васильева на Общечувашском рабоче-крестьянском съезде в июне 1918 г., где он оппонировал просоветски настроенным делегатам, доказывая первоочередную необходимость создания собственной сети кооперативов: «Никакая работа сверху не насаждается: большая шапка на маленькой голове не держится, всякий порыв ветра сбивает ее»¹¹⁰. Это высказывание образно иллюстрирует стремления сторонников «проекта Алюнова»: нация должна дорасти до конкурентоспособности, а не доверяться какой-нибудь нечувашской организации или партии. В выступлении И.В. Васильева речь шла о партии РКП(б) и о создании чувашской автономии на «советской платформе». Здесь сквозит мысль о том, что не стоит большевикам доверять. Сначала нужно всесторонне развиваться или, по крайней мере, создать условия в социальной и экономической сферах, а уж потом договариваться с властью.

Другим императивом чувашского движения стала идея экстерриториальности и демократического централизма. Вспомним, что И.Я. Яковлев желал сделать из Симбирской чувашской школы культурно-просветительский центр всех чувашей¹¹¹, проявляя при этом авторитарные методы в отношении других регионов, например, «казанских» чувашей¹¹². Сейчас трудно сказать, претендовал ли О. Томеев на объединение всех чувашей, но он также начал свою деятельность в рамках территории только Чебоксарского уезда¹¹³.

Важно выяснить причины такой приверженности к экстерриториальности, так как вплоть до середины 1920-х гг. у чувашских организаций это станет своего рода «навязчивой идеей». Именно она поставила крест на «компромиссных» соглашениях с Централь-

ным правительством РСФСР о создании Чувашской Республики уже в 1918 и в 1920 гг. На это, на наш взгляд, имелось два основания. Первое, вполне естественное и очевидное, национальное единство, основанное не на территориальном, а культурном единстве, делает нацию более представительной и крепкой. Система взаимопомощи «ниме», столь характерная в чувашской общине, распространялась бы на весь народ независимо от места его проживания. Вторая причина более прагматична. Дело в том, что для коренной чувашской территории в западных уездах Казанской губернии была характерна значительная перенаселенность и хроническое малоземелье. Для чувашской диаспоры Уфимской, Самарской, Саратовской, Оренбургской и других губерний такая проблема была не столь характерна. При условии признания у чувашей права полноценной культурной автономии они стали бы незаменимыми по решению переселенческого вопроса. Чувашская диаспора могла бы взять на себя обязанности, как объективное обследование мест для переселения, согласование сложных проблем с региональным руководством, организация и строительство чувашских учебных заведений всех уровней, то есть все для того, чтобы переселенцы не испытывали культурных и экономических стеснений.

Из этих обстоятельств вытекает еще одно неперемutable условие, на котором настаивали практически все чувашские организации XX в. как досоветского, так и советского периода – унитарное устройство всей России или, по крайней мере, ее Волжско-Уральской части. Если разделить страну на независимые друг от друга части, то как потом собирать чувашей различных регионов в единое целое и решать переселенческий вопрос в национально приемлемом русле?

Итак, в общих чертах чувашская автономия, по мнению лидеров чувашского национального движения, должна иметь культурно-национальный, экстерриториальный и демократический характер. В этих требованиях особых разногласий между национальными деятелями не было. «Точка разрыва» обозначилась в другом месте: какими средствами можно решить поставленные задачи, в разное время предлагались разные способы.

После отстранения в 1903 г. И.Я. Яковлева от должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа выявилось два основных направления в решении вопроса о создании чувашской культурной автономии:

1) значительная часть деятелей предпочли занять «пассивную» и выжидательную позицию. На это были свои основания.

Во-первых, они опасались дальнейших репрессивных мер со стороны регионального руководства, и излишняя активность могла бы только усугубить положение. Вторая причина в том, что все было не так уж и плохо. Симбирская чувашская учительская школа продолжала свою работу, ежегодно выпуская из своих стен новых, национально-ориентированных учителей из чувашей. Те, в свою очередь, разъезжались по регионам проживания чувашского народа и становились там учителями в чувашских школах. Как известно, даже один «толковый» учитель может подготовить как «по учебе», так и «по политике» значительную часть населения, которая научится защищать свои национальные и политические права. А это, по сути, продолжение «проекта Яковлева», он запустил «механизм», в течение десятилетий поддерживал его исправность, а уж ученики должны были продолжить начатое им «чувашское дело». Утрата национально-представительной функции должности инспектора чувашских школ – тоже не большая беда. Россия стояла на пороге перемен, главное – подготовить собственную интеллигенцию и проводить работу с чувашским крестьянством, а остальное время покажет;

2) в начале XX в. появляется новая генерация чувашской интеллигенции, и при этом довольно многочисленная. По оценкам священника Д.Ф. Филимонова, видного деятеля старого «охранительного» направления, в 1906 г. было порядка 500-600 человек молодой чувашской интеллигенции. Правда, Д.Ф. Филимонов считал, что этого чрезвычайно мало для того, чтобы «выставить маленькую нацию (малоразвитую) на арену политической борьбы во имя социализма»¹¹⁴. Сравним: три русские революции организовали ничтожно малое количество российских революционеров, и в итоге они победили. Интересно то, какую Д.Ф. Филимонов видит альтернативу: собственное движение необходимо организовать тогда, когда вся чувашская народная масса «или, по крайней мере, значительное большинство будет подготовлено». И тут же добавляет: «пусть русские социалисты, как люди передовые, дерутся между собой, вмешивать же чуваш в эту борьбу и делать их пушечным мясом нет никакой нужды»¹¹⁵. Стоит заметить, что это мнение Д.Ф. Филимонов выразил в письме Н.В. Никольскому в конце 1906 г., когда эти «горячие головы» уже организовали в чувашских уездах Казанской и Симбирской губерний множество выступлений чувашского крестьянства.

Не будем описывать ход национальной борьбы в период 1905–1907 гг., так как по этому поводу имеются исследования,

но считаем, что, к сожалению, целостной работы, раскрывающей взаимодействие чувашской интеллигенции с чувашским крестьянством и с революционными деятелями других наций, до сих пор нет. Отметим некоторые моменты, по которым недавно появились новые сведения, что позволит обновить выводы. Прежде всего, речь идет об упомянутых выше воспоминаниях С.Н. Николаева, из которых отмечу только два момента, касающиеся активного чувашского эсера Т.Н. Николаева-Хури.

Первый показывает степень и глубину противоречий между новой формирующейся идеологией и «проектом Яковлева». Из воспоминаний С.Н. Николаева стал известен такой факт: в начале 1907 г. Т.Н. Николаев-Хури, пользующийся большим авторитетом среди революционеров на общероссийском уровне, вслед за организацией и проведением покушения на убийство казанского вице-губернатора Д.Д. Кобеко в сентябре 1906 г. поставил перед соратниками «неожиданный» вопрос – о необходимости убийства И.Я. Яковлева. По словам С.Н. Николаева, он аргументировал свое решение участием И.Я. Яковлева в государственных репрессиях против революционно настроенных учеников Симбирской чувашской учительской школы. Но актив чувашских эсеров отговорил Хури от задуманного под угрозой того, что и они прекратят в таком случае политическую деятельность¹¹⁶. Данный факт, на наш взгляд, показывает не только личную неприязнь Хури к великому просветителю, но и то, что в период Первой русской революции 1905–1907 гг. И.Я. Яковлев воспринимался как фактор, тормозящий революционизацию и политизацию чувашского национального движения.

Второй факт подробнее раскрывает мотивы решения Хури. С.Н. Николаев также сообщает, что Хури в ходе участия в работе съезда эсеровской партии в Гельсингфорсе в 1907 г. поставил вопрос о необходимости помощи в финансировании данной партии чувашского движения и, в частности, издание газеты «Хыпар». Вслед за ним выступили оппоненты, которые заявили, что в «Хыпаре» нет ничего социалистического и революционного, поэтому нет необходимости финансирования. Тем не менее, съезд выделил незначительную сумму в тысячу рублей¹¹⁷, видимо, в память о террористических заслугах самого Т.Н. Николаева-Хури, а не из симпатий к чувашскому движению.

В этой связи надо поднять весьма сложный и насущный вопрос чувашского национального движения – финансовый. Для

большой культурно-просветительской миссии, которую на свои плечи взвалила чувашская интеллигенция, нужны были большие средства. И львиная доля этого требовалась для издания массовой литературы и периодических газет на чувашском языке. На свою национальную буржуазию, вопреки марксистско-ленинской теории, они рассчитывать не могли в связи с ее малочисленностью и индифферентным отношением к национальным интересам. Напомним, что купец Ефремов отказался помогать изданию газеты «Хыпар», а купец Селиванов принял в этом только незначительное участие¹¹⁸. Можно привести и тот факт, что, по словам С.Н. Николаева, в конце 1906 г. или начале 1907 г. «в связи с оскудением нашей кассы, меня командировали в Ядрин к одному богачу, якобы благоволившему делу просвещения чуваш (*возможно, речь идет об одном из братьев Таланцевых – С.Щ.*). Щедроты этого «благотворителя» не поднялись выше ста рублей, врученных мне. Некоторое время нас выручила тысяча рублей от ЦК партии эсеров»¹¹⁹. Эти свидетельства наглядно показывают, с одной стороны, финансовую скудость, а с другой – целеустремленность этих деятелей. Основная финансовая нагрузка ложилась на плечи самой, и без того бедной, интеллигенции и на пожертвования крестьянства.

В данном контексте можно выдвинуть еще один мотив Хури за устранение И.Я. Яковлева. Возможно, для того, чтобы заработать перед партией эсеров большие политические и революционные дивиденды, чтобы получить некоторую финансовую или иную помощь от общероссийских политических партий, а в случае победы социализма – рассчитывать на равноправие при делении государственного бюджета.

Важным фактором приобщения к общероссийскому движению был и интерес чувашских лидеров к модной в начале XX в. австромарксистской программе Отто Бауэра и Карла Реннера в решении национального вопроса как культурно-национальной (персональной) автономии. То, что чувашские деятели придерживались этой теории, было, по-видимому, следствием стремления не выделяться на общероссийском фоне, проявляя солидарность со многими социалистическими и либеральными партиями того времени.

Прежде чем закончить рассмотрение периода первой русской революции, стоит сказать о первой общенациональной организации, незаслуженно обойденной в историографии должным вниманием. Речь идет о «Кружке деятелей по образованию чуваш», созданном 1-2 августа 1906 г. на нелегальном съезде, проходив-

шем в 12 верстах от Симбирска¹²⁰. В современной исторической литературе преобладает мнение о том, что это исключительно культурно-просветительская организация, которую революционно настроенные интеллигенты безуспешно пытались превратить в политическую¹²¹. Считаем, что подобное понимание не раскрывает в полной мере сущность данной организации и заложенный в ней стратегический потенциал. На наш взгляд, основная задача собравшихся 50 представителей чувашской интеллигенции Казанской, Симбирской, Уфимской и Самарской губерний – создание первичного национально-представительного органа всех чувашей экстерриториального характера. Почему эта цель не была отображена в уставе? Да потому, что это была «подпольная» организация, стремившаяся к дальнейшей легализации. Если в уставе сразу закрепить стремление выполнять некоторые функции государственной власти в отношении миллионного чувашского населения, это было бы большей крамолой, чем даже теракты Т.Н. Николаева-Хури.

Созданная структура «Кружка»¹²² была настолько универсальной, что наряду с культурно-просветительскими в нем запросто могли бы появиться административный, аграрный, кооперативный, переселенческий и прочие отделы. К тому же название организации было не окончательное. В частности, Г.Ф. Алюнов в своих публикациях предпочитал называть не «Кружок», а «Союз»¹²³, что подчеркивало его стремление к преодолению традиционной чувашской обособленности и готовность сотрудничать с организациями других народов. Мажоритарная избирательная система выборов делегатов от чувашских регионов, согласно уставу, касалась не только учителей и интеллигенции, но и более широких слоев населения, так как согласно &2 устава «членами кружка могут быть все сочувствующие указанным целям лица, без различия вероисповедания, национальности и пола»¹²⁴. А основная цель, напомним, была сформулирована следующим образом: «Кружок имеет целью поднятие умственного и экономического состояния чуваш, в частности развитие их политического самосознания»¹²⁵. Стоит обратить внимание на иерархию и приоритеты: сначала «умственного», т.е. культурного и образовательного, а уже потом – более эффективное решение «экономических» задач. То есть когда станем более образованными в европейском смысле слова и экономически развитыми, тогда стоит подумать и о «политической» автономии, т.е. по понятиям того времени, проводить собственную независимую политику на терри-

тории Волжско-Уральского региона. Пока об этом говорить рано, но надо готовиться и повышать «политическое самосознание».

Казалось бы, нет в уставе стратегических идей, чувашаи просто под копирку воспроизвели устав Всероссийского союза учителей, утвержденный незадолго до этого в июне 1906 г.¹²⁶ Но с этим нельзя согласиться. Как раз Всероссийский союз учителей носил исключительно профсоюзный характер, что хорошо видно из основной цели «Союза»¹²⁷, с периодически возникавшими политическими задачами. «Кружок» же связан не с профсоюзной деятельностью (т.е. взаимопомощи среди «деятелей по образованию чуваш»), а с консолидацией в целях организации образования всего чувашского народа на средства самих же деятелей. Фактически они автономно и самостоятельно занялись национальным строительством.

Почему же самими участниками съезда принято говорить, что этот «Кружок» имел большую связь с Всероссийским союзом учителей и, в частности, стремился стать его национальной автономной организацией. На наш взгляд, этому имеется две причины. Первая, объективная, – это отвечало общему курсу «проекта Яковлева» и позволяло закамуфлировать национальные задачи, не принимаемые царизмом, под культурно-просветительские. И, конечно, серьезный аргумент за сотрудничество – финансовая помощь со стороны «Союза». Вторая причина более субъективна. Отношение к «Кружку» как к учительской организации в историографии сформировалось под влиянием участника того съезда – Д.П. Петрова-Юмана, который писал воспоминания будучи «перекованным» в правоверного коммуниста¹²⁸. Значительное влияние Юмана на историографию мы отмечали ранее. В то же время сохранились воспоминания и другого участника, который писал без поправки на коммунистическую идеологию. С.Н. Николаев в своей книге ничего не говорит об учительском преобладании, подчеркивая, что тогда была образована «чувашская организация партии социалистов-революционеров». Причем, в отличие от Юмана, называет полный список 5 членов Центрального Комитета «Кружка» - все «правоверные» эсеры и сторонники Т.Н. Николаева-Хури¹²⁹. По всей видимости, в ходе создания первичного чувашского национально-представительного органа на съезде было большинство учителей, но инициативу перехватили революционно настроенные участники съезда.

В данном случае целесообразней говорить о единстве сторонников И.Я. Яковлева (учительство) и разночинных сторон-

ников Т.Н. Николаева-Хури. Но единства не получилось из-за «осторожности» первых и «горячности» вторых. Напомним, что уже через месяц после съезда, 25 сентября 1906 г., Хури бросил бомбу в вице-губернатора, тем самым поставив крест на прежнем единстве. Нарушение этого единства отразилось и в дальнейшем, в частности, в 1917–1920 гг., когда в чувашском национальном движении стали формироваться два основных центра – Симбирский, с «учительским» и эволюционным уклоном, и Казанский, с политическими и революционными традициями.

В контексте предшествующих бурных событий мнение Д.Ф. Филимонова в отношении молодой «горячей» чувашской интеллигенции не кажется таким осуждающим. Напомним, что уже прошел подпольный съезд, совершены громкие теракты, по Чувашии при участии интеллигенции прошло множество крестьянских выступлений, в некоторых случаях закончившихся кровопролитием. Фактически он всего лишь «пожурил», чтобы «горячие головы» решали вопросы не экстремистски, а эволюционно. Причем с главной целью чувашских эсеров у него наблюдается полное единодушие. Если вчитаться в письмо Д.Ф. Филимонова, станет понятно, что он только предупредил, что «увлечение «кружка» чувашской молодежи приведет наших сородичей не по пути прогресса, а к гибели, что происходит теперь у латышей... Нам необходимо устроить всеобщий (а не заговорщический как в ситуации с «Кружком деятелей по просвещению чуваш» – С.Щ.) чувашский съезд для объединения всех чувашских интеллигентов... Мы прежде всего должны стараться о повышении «приниженного самосознания» чуваш и во что бы то ни стало освободить дух из плена»¹³⁰.

Однако это предупреждение запоздало. Еще в конце октября 1906 г. начались аресты чувашских активистов. Сам Хури длительное время находился в розыске, его сподвижники С.И. Игнатьев, Г.Ф. Алюнов и другие были арестованы и отправлены на каторгу. Репрессии коснулись не только зачинщиков. Царские власти в превентивных мерах, дабы пресечь национальный сепаратизм, начали устраивать гонения даже на тех, кто мог быть потенциально опасен, отстраняя от должности. Так, например, за попытку создания уездной чувашской учительской организации в конце 1906 г. были отстранены от учительских должностей чувашские учителя Буинского уезда, среди которых были проявившие себя впоследствии Д.П. Петров-Юман, Г.Т. Титов и А.Г. Гаврилова¹³¹. Подобные дей-

ствия правительства наносили значительный урон «чувашскому делу», особенно большое негодование вызвала политика, согласно которой Министерство народного просвещения стало направлять чувашских учителей не в чувашские школы, а школы иных национальностей, а в чувашских школах стали насаждать учителей русского происхождения¹³². Эта мера царизма была очень эффективна, так как чувашские школы с чувашскими учителями, это было, пожалуй, единственное достижение «проекта Яковлева», которое таяло прямо на глазах.

* * *

Подведем итоги второй главы. В начале XX в. была сделана первая попытка создания общенационального органа экстерриториального характера в виде «Кружка по просвещению чуваш». Неудача его создания и «свертывания» революционных требований чувашского национального движения была обусловлена двумя основными причинами:

а) в первую очередь, это связано с репрессивной политикой царского правительства. Однако, анализируя итоги революционного «всплеска» чувашского национального движения периода 1905–1907 гг., отметим следующее. С одной стороны, реакционная политика царизма «откинула» назад преобразовательский настрой основной массы чувашской интеллигенции и усилила существовавший веками «национальный нигилизм», т.е. недоверие к силам собственной нации. Но, благодаря этому, чувашское национальное движение, выйдя из характерного для чувашей национального обособления, пожалуй, впервые попало в поле зрения общероссийского социалистического движения. Впоследствии, в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. это дало значительные дивиденды, благодаря чему чувашская позиция была услышана и признана на общегосударственном уровне. Именно в этом был залог того, что даже партия большевиков в период своей диктатуры в 1918 г. высоко характеризовала степень прогрессивности чувашского революционного движения, ставя его на один уровень с украинским, белорусским и волжско-татарским.¹³³ И в этом большая заслуга революционных деятелей именно 1905–1907 гг.;

б) вторая причина неудач национальных преобразований 1903–1907 гг. связана с внутренней несогласованностью консервативных и революционных деятелей. Основная масса чувашских деятелей пошла за этим призывом и «остудила» градус революционности,

сосредоточившись на продолжении «проекта Яковлева», т.е. отказ от социально-политической борьбы в интересах культурно-национальной работы.

Анализируя период 1907 г. – начало 1917 гг. стоит отметить, что репрессии царизма были столь эффективны, что у большинства чувашской интеллигенции преобладали пессимистические настроения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130-142.
2. Фридрихамский мирный договор // БСЭ (Большая советская энциклопедия). Т. 28. С. 95.
3. Финляндия // БСЭ. Т. 27. С. 449.
4. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 138-139.
5. Бобриков Николай Иванович // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf/2734>
6. Валескалн П.И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Рига, 1967. С. 86-103.
7. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 137.
8. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории 1996 №11-12. С. 41
9. Яковлев И.Я. Мои воспоминания. М., 1997. С. 105-109.
10. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинение 2-е изд Т.6. М., 1957. С. 175-186.
11. Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. М., 2008. С. 43-48.
12. Зиновьева Л.Г. Развитие политической мысли в России (в IX-XIX вв.) Текст лекций по спецкурсу. Чебоксары, 2001. С. 107.
13. Национально-демократическая партия Польши // БСЭ. Т. 17. Л. 393.
14. Кирилло-Мефодиевское братство // БСЭ. Т. 12. Л. 182.
15. Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 гг. СПб., 1904. С.302-304.
16. Яковлев И.Я. Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. Чебоксары, 1959. С. 120-126.
17. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 136
18. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории 1996 №11-12. С. 41.
19. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 133.
20. Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001.
21. Грузинская православная церковь // БСЭ. Т.7. Л.360.; Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.А. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси, 1993 // Библиотека FictionBook.ru [Электронный ресурс] URL: http://fictionbook.ru/author/vachnadzemerab/istoriya_gruzii_s_drevneyishih_vremen_do/read_online.

html?page=19#part_3872

22. Месаме даси // БСЭ. Т. 16. Л. 101.
23. Туркманчайский мирный договор // БСЭ. Т. 26. Л. 341.
24. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 135.
25. Дашнакцүтюн // БСЭ. Т. 7. Л. 564; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 138.
26. Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007. // Издательский дом «Медина» [Электронный ресурс] URL: http://www.idmedina.ru/books/regions/?1627#_ftn22
27. Ленин В.И. О манифесте «Союза армянских социал-демократов» (1903) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.7. М., 1967. С. 103-106.
28. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 138.
29. Дикий А.И. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск. 1994. С. 35.
30. Территориализм // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://www.eleven.co.il/article/14095>
31. Сионизм // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://www.eleven.co.il/article/13819>
32. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 139
33. Яковлев Ю.В. М.П. Петров-Тинехпи как иезуит // Чувашский национальный музей. Люди. События. Факты. Чебоксары, 2002. С.50.
34. Котляров Д.А. Досоветская историография о присоединении Поволжья к России // Исследования по русской истории. Сборник статей. Ижевск, 2001. С. 166-183.
35. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999. С.8.
36. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131,132.
37. Медресе Казани XIX- начала XX вв. Сборник документов и материалов. Казань, 2007. С. 4-9.
38. Хабутдинов А.Ю. Мусульмане-татары и выборы во Всероссийский парламент / Ислам в современном мире: внутрисударственный и международно-политические аспекты. 2006. №3. // Духовное управление мусульман Нижегородской области [Электронный ресурс] URL: <http://www.islamnn.ru/modules.php?name=New&file=article&sid=1080>
39. Хабутдинов А.Ю., Сенюткина О.Н. Всероссийские мусульманские съезды / Ислам на Нижегородчине. Н.Новгород, 2007. // Мусульмане Петербурга [Электронный ресурс] URL: <http://www.muslim-spb.ru/index.php?page=istoriya-obschaya-istoriya>
40. Юлдашбаев Б.Х. Введение // Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.1. Уфа. 2002. С.28; Сануков К.Н. Введение // Из истории образования Марийской Автономной области. Сборник документов. Йошкар-Ола, 2000. С. 5.
41. Николаев Г.А. Сельская община // Чуваши: история и культура. Т. 2 Чебоксары, 2009. С. 27, 38.
42. Там же. С. 40-41.
43. Там же. С. 28.
44. Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И. Д. Кузне-

- цов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. С.71.
45. Иванов А.А. Сложные земельные общины в национальной деревне Поволжья и Приуралья (конец XIX – первая треть XX века) // Вопросы истории. 2004. №1. С. 150.
46. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары. 1986. С. 290.
47. Там же. С. 273-274.
48. Николаев Г.А. Сельская община // Чуваша: история и культура. Т. 2. Чебоксары, 2009. С. 29-31.
49. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары. 1986. С. 290.
50. Николаев Г.А. Сельская община // Чуваша: история и культура. Т. 2. Чебоксары, 2009. С. 28.
51. Немцева Т.В. Чувашия в эпоху российских революций в начале XX в. Чувашия в 1920-1930 гг. XX в. // Лекции по истории и культуре чувашского края: Учебное пособие. М. 2007. С. 223
52. Любимов В.Н. Чувашия в годы столыпинской аграрной политики. Чебоксары, 1949.
53. Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 31.
54. Иванов В.П. Этническая история // Чуваша: история и культура. Т.1. Чебоксары. 2009. С.59.
55. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань. С. 122.
56. Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001.С. 32.
57. Иванов В.П. Этническая история // Чуваша: история и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 73.
58. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 2003. С. 66.
59. Иванов В.П. Этническая история // Чуваша: история и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 92.
60. Иванов В.П. Исламизация чувашей // Чувашская энциклопедия. Т.2. Чебоксары, 2008. С. 154.
61. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 132.
62. Иванов В.П. Этническая история // Чуваша: история и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 65-66.
63. Там же. С. 65.
64. Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 62-67.
65. Иванов В.П. Этническая история // Чуваша: история и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 75.
66. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С.52.
67. Кузнецов И.Д. О куштаных и куштанстве // Социалистическое строительство ЧАССР. 1934. №2(6). С. 19-32; Димитриев В.Д. Коштаных // Чувашская энциклопедия. Т.2. Чебоксары, 2008. С. 338-339.
68. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 343-345.
69. Там же. С. 343,344,347.
70. Там же С. 71, 345.

71. Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 104.
72. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 71.
73. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 342.
74. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 342.
75. Иванов В.П. Этносоциальная история чувашей во второй половине XVI – начале XX вв. // Чуваши. История и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 94.
76. Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С. 4; Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству // Генеалогия и архивы. URL: http://ufagen.ru/node/5557#_ftn8
77. Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 104.
78. Там же. С. 111.
79. Погодин Е.П. Восстание чувашских и марийских крестьян в 1842 г. // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары. 2006. С.361
80. Дмитриев В.Д. Крестьянское восстание под предводительством Е.П. Пугачева // Чувашская энциклопедия. Т.2. 2008. С.361-362.
81. Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч.2. Чебоксары. 1969. С.5-12; Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. Чебоксары. 1993. С.369-370; Страницы истории Чувашии: Учебное пособие / Составитель Л.А. Ефимов. Чебоксары: ЧГУИУ, 2001. С.113-115; Погодин Е.П. Восстание чувашских и марийских крестьян в 1842 г. // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары. 2006. С.361; Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. Сборник архивных документов. Чебоксары. 1942. С.4,5; Ерагин Е.Е. Акрамовское восстание 1842 года. Чебоксары. 2012. С.3-6; Шестаков В.П. Картофельный бунт в 1843 г. // Сайт с. Усть-Миасс Каргапольского района Курганской области <http://ust-miass.ru/xix-vek/kartofelniy-bunt.html> и др.
82. Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. Сборник документов и материалов. Чебоксары. 1943.
83. Там же С.96,97
84. Там же С.79
85. Кузнецов И.Д. Против националистической концепции чувашской истории // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 309-333.
86. Смыков Ю.И. Крестьянское движение в Казанской губернии в 1878-1879 годах. Казань, 1959. С.7.
87. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Выпуск 13. Казань, 1909. С. 84.
88. Николаев П.Н. Чувашия в конце XIX и начале XX веков (1895-1904) // Материалы по истории Чувашской АССР. Выпуск 2. Чебоксары, 1956. С. 95.
89. Любимов В.Н. Чувашия в годы столыпинской аграрной политики. Чебоксары, 1948. С. 42-44.
90. Дмитриев В.Д. Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй половины XVIII в. // Исследования по дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1991. С.18-30; Шугаев Г. Непокорный Охадер-Томеев. - Советская Чувашия. 1989, 16 декабря.

91. Иванов В.П. Этносоциальная история чувашей во второй половине XVI – начале XX вв. // Чуваши. История и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 98,99.
92. Димитриев В.Д. Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй половины XVIII в. // Исследования по дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 27-28.
93. Там же. С. 27.
94. Там же. С. 26-27.
95. Там же. С. 26
96. Там же.
97. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 132.
98. Димитриев В.Д. Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй половины XVIII в. // Исследования по дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 28-29.
99. Письмо В.И.Ленину. 1919, 12 ноября // И.Я.Яковлев. Письма. Чебоксары, 1985. С. 26.
100. Волков Г.Н. Этнопедагогика. М., 1999.
101. Гусаров Ю.В., Симулин Л.М. Первая русская революция // Чувашская энциклопедия. Т.3. Чебоксары, 2009. С. 387
102. Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905-1907 гг. Чебоксары, 1956.
103. Кузнецов И.Д. Предыстория Советской Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 49-50; Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905-1907 гг. Документы и материалы. Чебоксары, 1956. С.120.
104. Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 104.
105. Яковлев И.Я. Симбирская чувашская школа и ее роль в просвещении чуваш. Чебоксары, 1959. С. 122-126.
106. Львов П.З. Чувашский Октябрь // Канаш. 1924. 22 февраля; ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 2811. Л. 185,186.
107. НСБ ГИА ЧР. Рукопись воспоминаний С.Н. Николаева. С. 182,184;
108. Никольский Н.В. Основы инородческого просвещения. Казань, 1919. С. 5-7.
109. История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М.,1979. С. 40-52.
110. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 95.
111. Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 26.
112. Яковлев И.Я. Моя жизнь. М., 2001. С. 571; Александров Г.А. О конфликте просветителя и издателя. Советская Чувашия, 1999, 1 декабря; Федоров М. Как поспорил И.Я.Яковлев с Н.В.Никольским. Советская Чувашия, 1999, 8 октября; Леонтьев А.П. Провозвестник чувашской печати. К 100-летию первой национальной газеты // Лик Чувашии. 2005. №4. С. 86-154 и 2006. №1. С. 66-155.
113. Димитриев В.Д. Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй половины XVIII в. // Исследования по дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 26,27.
114. Иванов В.П. Этносоциальная история чувашей во второй половине XVI – начале XX вв. // Чуваши. История и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 118.
115. Там же.
116. НСБ ГИА ЧР. Рукопись воспоминаний С.Н. Николаева. С. 250,251.
117. Там же. С. 248,249.

118. Леонтьев А.П. Провозвестник чувашской печати. К 100-летию первой национальной газеты // Лик Чувашии. 2005. № 4. С. 86-154.
119. НСБ ГИА ЧР. Рукопись воспоминаний С.Н. Николаева. С. 249.
120. Петров Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921 С. 20.
121. Александров Г.А. Чувашская интеллигенция в годы первой русской революции // Вопросы истории. 2009. №1. С. 142-147; Изоркин А.В. Союз чувашских учителей и деятелей просвещения // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 384-385; Кузнецов И. Д., Буцедицкий В.С. Съезд деятелей по образованию чувашей (К 70-летию со времени созыва) // Труды. Выпуск 68. Чебоксары. 1976, С. 126-129; Макаревский В.В. Политическая и социальная деятельность чувашской организации партии социалистов-революционеров (1904-1918). Чебоксары, 2008; Немцева Т.В. Чувашия в эпоху российских революций в начале XX в. Чувашия в 1920-1930 гг. XX в. // Лекции по истории и культуре чувашского края: Учебное пособие. М. 2007. С. 220-235; Иванов В.П. Этносоциальная история чувашей во второй половине XVI – начале XX вв. // Чуваши. История и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 115.
122. ГИА ЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 401. Л. 2-5.
123. Волжский вестник. 1906 г. 5 августа.
124. ГИА ЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 401. Л. 3,3об.
125. ГИА ЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 401. Л. 3,3об.
126. История профсоюзного движения. // Тольяттинский государственный университет [Электронный ресурс] URL: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=176&m=11464>
127. Там же.
128. Петров Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921. С.20; Его же. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М., 1926. С. 56,57.
129. НСБ ГИА ЧР. Рукопись воспоминаний С.Н. Николаева. С. 207-208.
130. Иванов В.П. Этносоциальная история чувашей во второй половине XVI – начале XX вв. // Чуваши. История и культура. Т.1. Чебоксары, 2009. С. 118.
131. Леонтьев А.П. Провозвестник чувашской печати. К 100-летию первой национальной газеты // Лик Чувашии. 2005. № 4. С. 134.
132. Там же.
133. Ахазов Т.А. Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашской АССР // Труды ЧНИИ. Выпуск 73, Чебоксары, 1977. С. 10-11.

ГЛАВА III. Попытки реализации проектов чувашской автономии в 1917–1920 годах

Период 1917–1920 гг. в исследовании становления автономии и государственности чувашского народа имеет принципиальное значение. Именно в этот период лидеры чувашского народа впервые получили официальное право создавать собственные общественно-политические организации, что сделало возможным достижение национального равноправия. В демократический период 1917 г. они добились удивительно высоких результатов и эффективности национальных преобразований. В 1918 г. вели уверенный диалог, отстаивая национальные интересы перед региональным и общероссийским руководством. В 1919 г., преодолевая идеологические трудности и лишения связанные с экономической разрухой в стране, сохраняли твердость и принципиальное стремление к реализации программы культурной и экстерриториальной автономии. В 1920 г. проявили дипломатичность и настойчивость, в результате чего в этот период было признано право чувашского народа на собственную автономию и государственность.

В данной главе поставлены следующие задачи: раскрыть основные положения программы культурной и экстерриториальной автономии чувашского народа, начиная с Февральской революции 1917 г. и до первых реальных шагов «диктатуры пролетариата», выразившихся в принудительном роспуске в январе 1918 г. Всероссийского учредительного собрания; изучить перипетии борьбы чувашских лидеров, вставших на платформу признания советской власти, с региональным и общероссийским руководством за реализацию в 1918-1919 гг. проектов культурной и экстерриториальной автономии; рассмотреть «проект Чувашской трудовой коммуны», который, по нашему мнению, носил не национально-территориальный, а экстерриториальный характер и который являлся самобытным проектом, не имеющим отношения ни к немецкой автономии в Поволжье, ни к Карельской трудовой коммуне; выявить причины, по которым чувашские руководители были вынуждены согласиться с такой формой решения национального вопроса, как Чувашская автономная область.

3.1. Программа культурной и экстерриториальной автономии в национальном самоопределении чувашского народа в 1917 – начале 1918 годов

Чувашское национальное движение в период двух русских революций 1917 г., в отличие от периода 1905–1907 гг., изучено намного лучше. Есть исследования, особенно в современный период, о связи чувашских деятелей с чувашским крестьянством и национальными лидерами иных наций¹. Однако, по нашему мнению, в вышеуказанных исследованиях оставлен без должного внимания вопрос, связанный со становлением программы культурной и экстерриториальной автономии чувашей. Эту проблему мы будем рассматривать начиная с демократических преобразований Февральской революции 1917 г. и до января 1918 г., когда в стране окончательно закрепилась советская власть большевиков и левых эсеров.

В данном разделе предполагается дать ответы на следующие вопросы: о экстерриториальных представлениях чувашских деятелей в будущей унитарной России весной-летом 1917 г.; об экстерриториальных притязаниях в аграрном вопросе; о причинах, побудивших чувашских лидеров поддержать мусульманских лидеров в вопросе создания Волжско-Уральского штата парламентского типа осенью-зимой 1917 г.; о факторах, повлиявших на разрыв отношений с татарскими лидерами в вопросе создания Волжско-Уральского штата в январе-феврале 1918 г.

Формулировка отношения деятелей чувашского национального движения к вопросу будущего государственного устройства демократической России вошла в хрестоматию и была выражена в четкой форме в мае и июне 1917 г.² Ее основная суть заключалась в следующем: для решения национального вопроса в стране необходимо представить «широкую политическую», т. е. территориальную автономию «окраинам» страны, имевшим свое обособленное историческое прошлое (Финляндия, Польша, Украина и др.). Для всех остальных народностей, названных в постановлении «мелкими», подразумевалась «широкая культурная», фактически экстерриториальная, автономия. Впервые такая резолюция принята была на первом съезде представителей мелких народностей Поволжья в мае 1917 г. в Казани³ и продублирована на первом Общечувашском съезде в июне 1917 г. в Симбирске⁴. На основе данного документа в советской и современной историографии преобладает мнение о том, что тем самым чувашские делегаты съездов

показали неготовность выдвинуть требования национально-территориальной автономии, которая традиционно считается более прогрессивной. Не можем с этим согласиться и полагаем, что этнические лидеры чувашей тем самым выразили мнение о необходимости реализации программы культурной и экстерриториальной автономии, о которой мы говорили в предыдущей главе. Аргументируем такую точку зрения.

Мнение о «неготовности» чувашей к политической автономии появилось под влиянием публикации именно этих резолюций. Но не все так просто. Если изучить сохранившиеся протоколы совместных заседаний чувашей, марийцев, удмуртов и др., то явно прочитывается подтекст. Когда Г.Ф. Алюнов впервые озвучил резолюцию 19 мая 1917 г. на общем заседании съезда мелких народностей Поволжья (названная там же «формулой Алюнова»⁵), он хотел донести, на наш взгляд, иную мысль. Этой «риторической» формулировкой он желал предостеречь некоторых башкирских, татарских, марийских, удмуртских и мордовских деятелей от национально-территориальных притязаний. Там, где он говорил о низком культурном и политическом уровне «большинства населения Российской Державы» и невозможности их «к сожалению, считать подготовленным к немедленному введению в России федеративной республики»⁶, он имел в виду не только чувашей, но и другие «внутренние» народы региона. Анализируя протоколы съезда, можно увидеть, что все участники чуваша являлись последовательными сторонниками культурной автономии унитарной России без какого-либо федерализма. За день до этого, 18 мая 1917 г., чувашские делегаты, пользуясь своим подавляющим большинством на съезде, пытались провести короткую, но емкую и выгодную для себя формулировку о том, что Россия должна быть «единой (*т.е. унитарной – С.Щ.*) демократической республикой с широким местным самоуправлением». Однако эта затея не удалась⁷. Причиной тому стала резкая отповедь представителя от удмуртов Т.К. Борисова, который настаивал на необходимости «в местах с преобладающим населением чуваш, вотяков, черемис и т.д.» создать национально-территориальные образования⁸. С ним были солидарны и некоторые представители от марийцев⁹.

Следовательно, когда под влиянием удмуртов и марийцев в «формуле Алюнова» появился тезис о том, что при наступлении «соответствующих культурно-политических условий» нет «препятствий к переходу в федеративную республику», это был политический ход для того, чтобы сохранить единство чувашей с

марийцами и удмуртами и оградить съезд от раскола по национальному признаку. В то время во что бы то ни стало необходимо было единство. Вспомним, что Г.Ф. Алюнов получил мандат для работы в столице России на Всероссийском государственном совещании, а затем – в качестве члена Совета Российской Республики, именно от многонационального Союза мелких народностей Поволжья¹⁰, а не от ЧНО. Может возникнуть резонное замечание: марийцам и удмуртам уступили по политическим и конъюнктурным соображениям, тогда почему же чувашаи так легко признали право «окраин, имевшее отдельное и обособленное прошлое», на создание собственной политической автономии? Здесь мы видим следующие основные причины:

- во-первых, речь на съезде шла исключительно о Польше, Финляндии, Украине и Кавказе¹¹, о волжских татарах и башкирах не было сказано ни слова;

- во-вторых, требования об их политической независимости – это традиционное требование практически всех социалистических и революционных организаций страны, и чувашским эсерам не стоило в этом вопросе отступать от общероссийской тенденции;

- в-третьих, в указанных регионах не проживало чувашское население, поэтому пусть западные окраины бывшей Российской империи имеют возможность отделяться;

- и наконец, в-четвертых, И.В. Васильев откровенно признался: «Их необходимо поддержать для того, чтобы они в свое время поддержали нас»¹².

О прагматизме в выработке такой двойственной резолюции свидетельствует и Д.П. Петров-Юман, который подчеркивает, что на следующем съезде в Симбирске в июне все были сторонниками исключительно культурной автономии, а западные «окраины» чувашские делегаты поддержали «по настоянию местной украинской организации»¹³.

Сейчас сложно сказать, повлияла ли чувашская позиция на поволжских мусульман, но можно сделать следующее наблюдение. На первом мусульманском съезде 1–11 мая 1917 г. в Москве была принята резолюция о необходимости для мусульман территориальной автономии. Уже на втором съезде в июле 1917 г. в Казани возобладала точка зрения о необходимости исключительно культурно-национальной автономии¹⁴. На наш взгляд, в то время существовали определенные контакты чувашских и татарских деятелей, в частности, о согласованности своих действий. Так, напри-

мер, известно, что в ходе выборов во Всероссийское учредительное собрание осенью 1917 г. «Полномоченный Общечувашский национальный съезд, чувашские военные комитеты и чувашская организация эсер» (список №1) готов был совместно с «Казанским губернским мусульманским собранием» (список №4) создать единый политический блок¹⁵. Это показатель контактов, тесного сотрудничества и взаимопонимания задолго до этих событий. Полагаем, что позиция чувашских лидеров оказала поддержку части лидеров движения мусульман, которые так же были приверженцами создания мусульманской экстерриториальной автономии.

Пойдем далее по решениям первого Общечувашского съезда в июне 1917 г. и рассмотрим аграрный вопрос. Мы его рассматривали в предыдущей главе в контексте выявления предпосылок становления идеи экстерриториальной автономии чувашей, сложившихся к началу XX в. Теперь это сделаем применительно к 1917 г. Многими исследователями подмечено, что решение первого Общечувашского съезда в июне 1917 г. по аграрному вопросу – идея полной социализации земли, согласно постановлению Всероссийского совета крестьянских депутатов от 25 мая 1917 г., носило эсеровский характер. На первый взгляд, оказались обойденными незначительные культурные требования чувашей, без осознания которых остается непонятной логика дальнейших событий, в частности, сущность Чувашской трудовой коммуны и Чувашской автономной области в 1919 и 1920 гг.

Главная их особенность заключается в том, что чувашские лидеры прекрасно осознавали значимость такой проблемы, как малоземелье, но решать вопросы с переселением на более плодородные и просторные земли не спешили. В резолюции съезда по аграрному вопросу явно прослеживается желание скорейшего переселения чувашских крестьян на новые земли, причем за счет государства, и «переселение должно быть не средством распыления, а средством объединения национальностей великой России на возможно округлых территориях»¹⁶. Однако ни здесь, ни в последующие годы чувашские лидеры не ставили вопрос о практических мерах по немедленному переселению по следующей причине: сначала необходимо выявить «среднюю общегражданскую норму», а уж потом переезжать. Вообще из резолюции следует, что аграрный вопрос необходимо решать в два этапа. Первоначально всеобщая социализация всей земли в России, затем выявление этой нормы, а уж потом переселение согласно этим нормам¹⁷. Чувашскому крестьянству, особенно малоземельных западных уездов Казан-

ской губернии, это было очень выгодно. Если в 1907 г. в целом по стране на крестьян приходилось в среднем 9-12 десятин, то в Чебоксарском уезде норма составляла 2,5 десятины, Цивильском – 2,6, Ядринском – 2,7 и Козьмодемьянском – 3,3 десятины¹⁸. Вывод очевиден: после определения «положенной» нормы малоземельные крестьяне имели право требовать переезда на новые земли.

Для крестьян очень важными становились условия, на которых могло происходить переселение. Одним из них становилось требование, чтобы на новых землях чувашские переселенцы обладали особым правом. Так, «земские единицы с однородным национальным составом населения» должны были объединяться в «национальные земские союзы в целях более успешного выполнения общих у нации культурных задач»¹⁹. О стремлении создать сеть чувашских земств писал Д.П. Петров-Юман в 1921 г.²⁰, но последующие исследователи не развивали его мысль. Тогда Юман умолчал о претензиях на новые земли по всей стране и на создание огромной по размерам экстерриториальной сети чувашских земств. В его работе есть важная оговорка о том, что эти «самоуправляемые» местные чувашские органы ни в коей мере не претендовали на распоряжение земельными недрами, но имели широкие полномочия по удовлетворению собственных нужд, вплоть до «права обложения денежными сборами все находящиеся в пределах самоуправляющейся единицы недвижимые имущества и капиталы, [...] а равно устанавливать особые сборы»²¹. То есть земля должна быть государственной, а самоуправление – культурно-национальным. Вероятно, чувашские волостные и уездные земства принципиально не отличались от более поздних чувашских трудовых коммун 1919 г., а имели большое сходство с первоначальной сутью ЧАО, где земля в области – государственная, а самоуправление – чувашское.

Рассмотрим еще одну интересную параллель проектов 1917 и 1919 гг. В резолюции 1917 г. записано: «Съезд признавая, что общинное хозяйство является почти единственным типом хозяйства в районе расселения чуваш и закон о выделе из общины душевых наделов не получил широкого распространения среди чуваш – полагает, что и в будущем сельское хозяйство среди них будут развиваться в общинных условиях»²². Несмотря на обтекаемую формулировку, здесь фактически указано на то, что в стране действовала тенденция к разрушению общин и что чувашам необходимо обязательно сохранить свои общины, которые являются первичной ячейкой традиций культурной автономии. Данный вы-

вод подтверждает то, что закон о выделе из общины среди чувашей не получил распространения. Кроме того, вспомним причины Атменевского восстания 1914 г. Ответ один – для сохранения традиций чувашской культурной автономии требовалось сохранение общинной структуры.

В контексте данного анализа возникает еще один вопрос, почему чувашские национальные деятели, несмотря на стремление к унитаризму в конце 1917 г., поддержали федералистские устремления некоторой части татарского национального движения? Почему в резолюции Чувашского военно-окружного съезда Казанского военного округа в декабре 1917 г. «вдруг» появилось конкретное требование о том, что «Россия должна быть демократической федеративной республикой»²³, в то время как раньше возникали всевозможные оговорки?

Ответ, на наш взгляд, заключается в том, что чувашские лидеры к тому времени имели взаимовыгодные договоренности с Национальным собранием мусульман внутренней России и Сибири в Уфе: если те добьются создания Волжско-Уральского штата, то обеспечат в данном штате чувашам полноценную культурную автономию экстерриториального характера. Причем сам штат по внутреннему устройству, что немаловажно, должен был представлять из себя унитарное государственное образование. То есть то, с чем тянуло Временное правительство и не желало делать новое Советское правительство, мусульманские лидеры готовы были предоставить прямо сейчас.

Так, согласно принятому собранием 27 ноября 1917 г. постановлению «О внутреннем устройстве Урало-Волжского штата», в его состав предполагалось включить губернии²⁴, на территории которых проживало практически все чувашское население. На этой территории также находились обширные нераспаханные земли, пригодные для переселения. В п.7 постановления утверждалось, что «парламент Волжско-Уральского штата не должен вмешиваться совершенно в национальные дела народов штата, представляя последнее исключительно ведению всероссийских национальных органов нации». Кроме того, в принятом тогда же дополнительном постановлении «О правах наций, языков и религий в Урало-Волжском штате» в п.5 говорилось, что «каждая нация, имеющая органы самоуправления, признается юридическим лицом. Все органы национального самоуправления, как центральные, так и местные, признаются органами публично-правовыми». Наконец, в п.7 подчеркивалось, что «из средств штата, предназначенных на национальные

нужды, все нации пользуются в одинаковой степени – пропорционально своей численности», а в п.19 утверждалось, что в пределах штата «в средних учебных заведениях всех национальностей, кроме родного языка учащегося, должно быть обязательное изучение еще одного из языков: татарского, русского, чувашского и черемисского». П.20 гласил о том, что «для лиц, окончивших высшие учебные заведения штата, обязательно знание двух их языков: татарского, русского, чувашского и черемисского»²⁵.

Таким образом, для чувашского национального движения требование культурно-национальной автономии вполне отвечало национальным потребностям, а сотрудничество с мусульманскими лидерами – требованию момента.

В конце ноября – начале декабря 1917 г. состоялась официальная встреча чувашских и татарских лидеров в Казани в стенах Мусульманского военно-окружного комитета. На нее был приглашен актив ЧНО, священник М.П. Петров-Тинехпи, как неофициальный представитель чувашской православной церкви²⁶, и, возможно, члены Чувашского военно-окружного комитета. По опубликованным материалам в 2002 г. башкирскими историками, мы узнаем о том, как проходила эта встреча. Татарский представитель Г. Шараф выступил с докладом о будущих границах и основах внутреннего устройства предполагаемого штата. При этом указал, что среди мусульман, к сожалению, нет единства, поэтому одновременно разрабатывается два проекта: первый – предпочтительный и второй – на случай противодействия со стороны русского населения. По первому проекту предполагалось сбалансированное и равное соотношение в штате различных национальностей, а именно: тюрко-татар – около 30%, русских – около 30%, чувашей, мари и других инородцев – около 30%. По второму, «запасному», проекту, подробно не разработанному, предполагалось в ущерб присоединению экономически развитых промышленных центров региона, включить наименьшее количество русского населения²⁷.

По внутреннему устройству Г. Шараф тоже обещал выгодные чувашам условия. В любом случае, при провозглашении штата, на местном и региональном уровнях должны существовать два типа учреждений: общие и национальные. Первые, «не относящимся к отдельной нации», – земства, городская управа и т.д. Причем официальным языком местного самоуправления признавался тот народ, у кого в уезде более 25% населения. По Г. Шарафу – «если в

Ядринском уезде 90% чуваш – официальный язык чувашский, в Буинском уезде татары и чуваша по 40% – два официальных языка»²⁸. Для национальных организаций исключалось верховенство какой-либо нации и утверждалось, что «штат будет принадлежать не одной национальности, а вообще всем нациям, живущим в штате»²⁹. Для равноправного участия каждой нации в государственном строительстве предполагалось образование специальной Коллегии по учреждению Волжско-Уральского штата (далее: КУВШ), где впоследствии, кстати, Г. Шараф занял место председателя³⁰.

Это были очень выгодные условия, но не все чувашские лидеры безоговорочно перешли на сторону татар. М.П. Петров-Тинехпи, например, по его же словам, отказался сотрудничать с ними потому, что предполагалось выделение чувашской церкви из РПЦ, а так же из-за нежелания взаимодействовать с исламским духовенством³¹.

Особую позицию заняли и чувашские левые эсеры после того, как на имя их лидера А.Д. Краснова поступило другое, не менее выгодное, предложение, но уже от Казанского губсовдепа, который, опасаясь усиления мусульман, предлагал чувашам практически те же самые уступки, но с позиций советской власти³². На основании этого «предложения» впоследствии возникнет особый проект, названный нами «проект Краснова».

Существенно, что среди мусульманских организаций были сильны разногласия, поэтому наряду с демократическим и многонациональным Волжско-Уральским штатом одновременно прорабатывался «второй проект Шарафа» о чисто мусульманском штате, который известен в истории под названием «штат Идель-Урал». Согласно второму проекту предполагалось вхождение русского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского народов. Этот проект сепаратистки настроенные мусульманские лидеры пытались реализовывать в феврале-марте 1918 года.

Полноценное обсуждение условий вхождения чувашского народа в состав Волжско-Уральского штата происходило на первом Всероссийском чувашском военном съезде в январе 1918 г. В советской историографии не принято было указывать на то, что съезд на заседании 19 января 1918 г. принял практически единогласное решение о вхождении в состав нового административного образования³³. Обычно акцентировалось внимание на отношении съезда к новой советской власти, тем самым уводя вопрос в сторону³⁴. В современной историографии этот вопрос также разобран не в полной мере. В ней основной акцент ставится на том, что на данном съезде появились мнения

о необходимости создания «особого чувашского штата», который в данный момент чувашаи, якобы, не могут образовать по причине культурной и материальной неготовности к созданию собственной национально-территориальной автономии³⁵. Данный вывод базируется на стенограмме доклада И.В. Васильева, где он анализирует три варианта дальнейшего поведения чувашских деятелей в сложившейся обстановке³⁶. Однако этот вывод сделан искусственно.

При внимательном изучении всех протоколов съезда можно заметить, что о необходимости территориальной автономии чувашского народа говорил только один депутат – В.Н.Абрамов-Иревли³⁷. Никто ему поддержки не оказал, его мнение осталось единичным и нетипичным, наоборот, фактически все его отговаривали. Скорее всего, его мнение было вынужденным, поскольку он как представитель от Чистопольского уезда³⁸ просто опасался, что его уезд включат в обособленный от всех и сепаратистский мусульманский «штат Идель-Урал», созданный по «второму проекту Шарафа», где чувашаи Чистопольского уезда останутся в национальном одиночестве. Вполне возможно, что он сам вовсе не был убежденным сторонником чувашской территориальной автономии, а выступал из конъюнктурных соображений. Для подтверждения этой мысли можно сослаться на резолюцию от чувашей Старо-Максимкинской волости Чистопольского уезда, подготовленную под непосредственным руководством Абрамова-Иревли в июне 1917 г., в которой изложены требования исключительно культурного и экстерриториального характера, и ни слова нет о необходимости территориального обособления³⁹. Потому утверждение о том, что на съезде якобы существовало мнение о необходимости создания особого чувашского территориального штата⁴⁰, считаем несколько надуманным. Прозвучавшая на съезде точка зрения относилась непосредственно к проблемам чувашей Чистопольского уезда и не отвечала интересам традиционных чувашских уездов западной части Казанской губернии.

Вернемся к докладу И.В. Васильева, в котором прозвучало следующее утверждение: «Сами организовать свой национально-территориальный штат мы не в силах, нет у нас: а) материальной, б) физической, в) культурной силы и инициативы для создания теперь же своего штата. Нет так же и в массах чувашского населения ясного сознания своего штата». На наш взгляд, здесь некое лукавство, не понятое исследователями впоследствии. Более того, приводя данную цитату И.В. Васильева, некоторые исследо-

ватели произвольно перекраивают ее, отчего теряется истинный ее смысл⁴¹. В частности, исключают такие предпосылки, как отсутствие физической силы, т. е. достаточной чувашской армии, и то, что чувашаи в январе 1918 г. не могут «создать теперь же» свой штат. А эти уточнения весьма значительны. Скорее всего, из доклада И.В. Васильева следует, что «чувашский штат» отдельными участниками съезда предполагался на территории не только нынешней коренной Чувашии, но и Казанской, Симбирской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Оренбургской и других губерний, т.е. на огромной территории Волжско-Уральского региона. В условиях военного превосходства мусульман и отсутствия какой-либо «физической» поддержки со стороны это утопический проект. В том случае, если даже создать федерацию чувашских штатов, как фактически предлагал В.Н. Абрамов-Иревли, то это стало бы бесполезной затеей, которая не могла решить, а наоборот, могла бы усугубить вопрос о чувашском малоземелье, так как территориальные рамки штата создали бы для всех чувашских крестьян, желавших переселения, дополнительные преграды. Отметим и то, что данный тезис есть отражение уже сложившейся риторики о недостаточной развитости чувашей, дабы обосновать исключительно чувашскую культурную автономию экстерриториального характера в огромном Волжско-Уральском регионе, где не должно быть границ.

С учетом всего сказанного можно полагать, что И.В. Васильев имел в виду следующее: если мы сейчас не войдем в штат, то мусульмане создадут такие административно-территориальные границы, которые мы не сможем преодолеть и реализовать свой экстерриториальный тип чувашской автономии.

Каковы же факторы, повлиявшие на рубеже 1917–1918 гг. на разрыв отношений чувашских деятелей с мусульманскими организациями. Выделим из них два наиболее важных. Во-первых, центральное правительство Советской России, обеспокоенное «самостийным» процессом национального самоопределения на основе провозглашенного им же 2 ноября 1917 г. права наций на самоопределение⁴², приняло постановление ВЦИК от 16 января 1918 г., цель которого заключалась в том, чтобы оградить этот процесс от односторонних и сепаратистских решений, как это, например, произошло с Украиной в 1917 г. В постановлении прописывалось, что всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как

контрреволюционное действие⁴³. Иначе говоря, если хотите самоопределения, сначала пройдите все переговорные процедуры с общегосударственной властью, а уж потом будет видно.

Во-вторых, для того чтобы вести переговоры с центральным правительством, нужно иметь более или менее единую позицию среди всех ведущих региональных и национальных организаций Волжско-Уральского региона, чего в действительности не было. Ситуацию осложняло то, что на различных уровнях – губернском, уездном, волостном и сельском, создавались собственные воинские подразделения. Так, например, посланный в январе 1918 г. Казанским губсовдепом в Чебоксары воинский отряд для реорганизации руководства Чебоксарского Совета⁴⁴ местной Красной гвардией при поддержке рабочих отрядов был разоружен, а офицеры арестованы⁴⁵. Причем, это все происходило между учреждениями, где одно подведомственно другому, что же тогда говорить о неподведомственных, национальных организациях, которых действовало немало?

Если же брать регион в целом, то здесь сформировалось несколько независимых друг от друга центров. Так, с ноября 1917 г. самостоятельно, без согласования с центральным правительством Советской России, начали создаваться собственные башкирские воинские подразделения⁴⁶. В октябре 1917 г. – январе 1918 г. шел бурный процесс формирования многочисленных мусульманских по названию, но по сути татарских воинских единиц⁴⁷. Старались не отставать от них и чуваша, которые в январе создали собственные национальные роты, а 29 января 1918 г. был утвержден Первый чувашский стрелковый полк⁴⁸, дислоцировавшийся в казармах Казанского Кремля⁴⁹. Обсуждался вопрос и об образовании чувашских кавалерийских и артиллерийских чувашских подразделений⁵⁰. В то же время шел процесс формирования марийских и крышнотатарских воинских единиц, но пока солдаты этих национальностей входили в состав чувашских рот⁵¹. Еще до образования РККА с конца октября 1917 г. губернские и уездные совдепы имели под различными наименованиями собственные подразделения⁵². Руководители всех этих воинских единиц видели будущую жизнь по-своему, нередко их интересы расходились с интересами власти.

Серьезный очаг напряженности возник между губернскими совдепами и мусульманскими организациями⁵³. Среди последних также не было единства, продолжался конфликт между татарами и башкирами, прежде всего, потому, что последние стремились выделиться в свою, обособленную от других мусульман, террито-

риальную автономию⁵⁴. Это противостояние привело к тому, что на башкирском съезде в январе 1918 г. башкиры категорически отказались входить в состав Волжско-Уральского штата⁵⁵. Отсутствовало единство и между татарскими организациями, среди которых выявились сторонники и непримиримые противники советской власти⁵⁶. Параллельно с мусульманским проектом Волжско-Уральского штата региональные губсовдепы выдвинули свой проект создания на территории 11 губерний региона так называемой «областной автономии», но, в отличие от него, построенный по классовому советскому принципу⁵⁷.

Точку в плодотворных взаимоотношения чувашей и татар поставили татары. Дело в том, что ведущие мусульманские татарские организации в январе 1918 г. вошли настолько в конфликтные отношения с Казанским губсовдепом, что стали сторонниками второго варианта проекта Г. Шарафа, по которому предполагалась перекройка границ с таким расчетом, чтобы минимизировать территории с проживанием русского населения⁵⁸. Данный проект вовсе не устраивал чувашей, и они в конце января 1918 г. на чувашском военном съезде выдвинули мусульманам ультиматум: если мусульмане хотят дальнейшей поддержки, то должны для улучшения национально-пропорционального соотношения хотя бы включить в штат все земли с марийским, удмуртским, кряшенским и мордовским населением⁵⁹. На эти компромиссные предложения КУВШ, состоящий преимущественно из мусульманских членов, 30 января 1918 г. ответил категорическим отказом и заявил, что «в виду неприемлемости этих условий для представителей чуваш и мари, мусульманская часть Коллегии считает переговоры с ними относительно образования общего штата прерванными»⁶⁰. После этого Всероссийский мусульманский военный совет (Харби Шура) стал разрабатывать сепаратистский проект «штата Идель-Урал», куда вошло бы только мусульманское население и минимальное число остальных народностей⁶¹. Данное решение надолго оттолкнуло чувашских лидеров от сотрудничества с мусульманами.

В таких условиях и в контексте вышеназванных событий чувашские деятели, сторонники «проекта Алюнова», оказались перед сложной проблемой – отсутствие достаточных материальных средств для создания на государственном уровне собственного национально-представительного органа, претендовавшего на руководство всеми чувашами. Такую попытку в виде Центрального чувашского совета (Асла Канаш) они предприняли

в январе-феврале 1918 г.⁶², но безуспешно. Виной тому было не «ограниченное крестьянское мировоззрение, неспособное мыслить в общечувашском масштабе»⁶³, и даже не демобилизация старой армии⁶⁴, а то, что региональная советская власть была готова содержать национальные учреждения на государственные средства, но только на советских условиях. Однако эти условия противоречили сущности «проекта Алюнова» – в результате появилась необходимость ее срочной трансформации.

Дело в том, что во-первых, на поддержку мусульман уже нельзя было рассчитывать, так как в этот период они неминуемо скатывались к национальному сепаратизму («штат Идель-Урал») и конфликту с Казанским губсовдепом, между которыми в феврале-марте 1918 г. развернулось острое противостояние. К тому же центральное правительство Советской России, как указывалось выше, 16 января 1918 г. официально объявило, что фактически все «самостийные» национальные советы, не получившие одобрения центрального правительства, будут считаться контрреволюционными.

Во-вторых, следующим важнейшим фактором невозможности дальнейшей реализации «проекта Алюнова» на этом этапе стал внутренний раскол в чувашском национальном движении. Из него выделяется его «левая» часть во главе с А.Д. Красновым и отчасти Д.П. Петровым-Юманом, которая нашла точки соприкосновения с новыми советским руководством.

* * *

В ходе проведенного исследования мы приходим к следующим итогам и выводам:

– основное усилие чувашских национальных деятелей после Февральской революции 1917 г. было направлено на активное участие в политической жизни страны и в основных мероприятиях Временного правительства с целью создания при будущем российском демократическом парламенте собственной чувашской фракции. Именно эта фракция в Петрограде, при поддержке филиалов Чувашского национального общества в губерниях, должна была стать в унитарной России культурным и экстерриториальным центром всего чувашского народа, независимо от его места проживания. Причина срыва этого проекта заключалась, в первую очередь, в поражении внутренней политики Временного правительства и выхода после Октябрьской революцией 1917 г. на историческую арену новой политической силы – партии большевиков;

– в конце 1917 г. ведущие лидеры чувашского движения пошли на значительные уступки общероссийским тенденциям в стране, а именно, на признание в стране принципа федерализма. В ходе совместных совещаний лидеров ЧНО (Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев и др.) с мусульманскими организациями было получено согласие на создание на территории всего Волжско-Уральского региона демократического Волжско-Уральского штата при условии формирования на его территории полноценной культурной и экстерриториальной автономии чувашского народа. Параллельно лидером чувашских левых эсеров А.Д. Красновым была достигнута договоренность с Казанским губсовдепом по созданию на территории Волжско-Уральского региона федеративного субъекта России, но построенного на принципах советской власти. Неудача обоих проектов связана, во-первых, с негативной реакцией центрального руководства РСФСР на подобные инициативы; во-вторых, с отсутствием согласия между некоторыми мусульманскими организациями и Казанским губсовдепом, а также расколом мусульманского движения региона на татарское и башкирское; в-третьих, по причине того, что наиболее радикально настроенное Харби Шуро отвергло прежние договоренности с чувашскими деятелями по включению всего чувашского народа в Волжско-Уральский штат (штат Идель-Урал).

3.2. Борьба за осуществление проектов А.Д. Краснова и Д.С. Эльменя (1918-1919 гг.)

Период 1918-1919 гг. в становлении автономии и государственности чувашского народа, является пожалуй, самым важным. Именно в этот период впервые начался равноправный диалог российского правительства и первого, официально признанного, чувашского национально-представительного органа по рассмотрению основ автономии в составе России.

В советской историографии ни одна из ведущих чувашских организаций того периода не стала объектом комплексного анализа, о них говорили мимоходом в контексте борьбы с «мелкобуржуазным национализмом» и в связи с реализацией ленинской национальной политики. Детальному анализу в советское время подвергся, пожалуй, только Чувашский левосоциалистический комитет, но и то избирательно. Больше внимание было приковано к определению степени его приверженности идеям большевизма⁶⁵, нежели к изучению его практических мероприятий. Лишь в конце 1980-х гг. появились отдельные публикации, посвященные Чувашскому отделу при Наркомнаце⁶⁶, но только в контексте реализации

чувашской территориальной автономии. До сих пор обойдены должным вниманием вопросы образования и деятельности таких организаций, как Казанский Чувашский военно-окружной комитет, Центральный чувашский совет «Асла Канаш» и Казанский комисариат по чувашским делам.

Остановимся подробнее на двух основных проектах чувашской культурной автономии экстерриториального характера, названных нами «проект Краснова» (февраль–август 1918 г.) и «проект Эльменя» (осень 1918 г. – лето 1919 г.). Для начала выясним, в чем заключается принципиальное отличие проектов А.Д.Краснова и Д.С.Эльменя от предыдущего «проекта Алюнова». С этой целью рассматривая «проект Краснова», выделим два вопроса: а) внимательно проанализируем незаслуженно забытый в историографии проект Казанского губсовдепа в виде Казанской Советской Республики, которая должна была стать предтечей Волжско-Уральской Советской Республики (ВУСР), а также место в ней чувашской экстерриториальной культурной автономии; б) выдвинем новую, отличную от традиционной, версию создания Чувотдела в апреле-мае 1918 г.

Анализируя «проект Эльменя», разберем два вопроса: а) определим основные контуры до сих пор малоизвестного в историографии проекта чувашской культурной автономии на рубеже 1918–1919 гг. в виде экстерриториальной сети чувашских учреждений в унитарной России; б) выделим основные факторы, повлиявшие на сворачивание этого проекта весной 1919 г. и формирование летом 1919 г. нового проекта – «проекта Чувашской Трудовой Коммуны».

Проекты А.Д. Краснова и Д.С. Эльменя формировались в противоположных условиях, и потому они хотя и имели похожее содержание, все-таки отличаются друг от друга.

«Проект Краснова» зарождался в условиях давления со стороны мусульманских организаций, с одной стороны, и Казанского губсовдепа, с другой. При всей политической разнице проектов Волжско-Уральского штата и Волжско-Уральской Советской Республики у них был один общий фактор – это объединение Волжско-Уральского региона в один огромный административный субъект, который на федеративных условиях должен был войти в демократическую Россию. Отсюда и основной императив этого проекта – сделать Казань экстерриториальным центром всех чувашей, как вошедших в этот федеративный субъект, так и не вошедших в него.

«Проект Эльменя» формировался в совершенно иных условиях. Ушли в прошлое и мусульманский проект демократического

штата, признан оппортунистическим и проект казанского губсовдепа, чувашские лидеры небезуспешно приложили максимум усилий, дабы «провалить» и проект ТБСР. Затем в Москве был открыт Чувотдел, который имел право и стремился стать экстерриториальным органом чувашей всей Советской России. Сохранение в Волжско-Уральском регионе до марта 1919 г. унитарных принципов гарантировало Чувотделу возможность свободно вмешиваться в дела любой губернии и в любые организации других наций, если дело касалось чувашского населения. Отсюда и основное стремление лидера этого проекта Д.С. Эльменя к Москве, что, кстати, проявлялось у него и в 1920-е гг.⁶⁷, т. е. уже после создания ЧАО.

Необходимо выявить принципиальную разницу этих двух проектов с предыдущим «проектом Алюнова»:

- сотрудничество с новой советской властью и признание классового подхода;
- стремление проявлять меньше лояльности к традициям Симбирской чувашской школы и сторонникам «проекта Яковлева» в частности.

Первый тезис довольно хорошо раскрыт в советской и современной историографии, и поэтому подробно на нем останавливаться не будем. Есть некоторые публикации и по второму тезису, но они не носят целостного характера. Мы также не претендуем на целостный анализ, отметим только некоторые аспекты, которые интересуют нас в рамках настоящего исследования. С легкой руки Д.С. Эльменя в историографии принято считать, что все досовестские чувашские организации, якобы, были сосредоточены только на культурных вопросах, а чувашские работники в структуре советской власти дополнительно уделяли внимание вопросам экономической и политической жизни чувашей. Тезис Д.С. Эльменя не относится к проэсервовским сторонникам «проекта Алюнова», что наглядно подтверждается анализом экономических и политических мероприятий чувашской интеллигенции с 1903 по начало 1918 г. Но вот в отношении той части чувашской интеллигенции, которая выступила на стороне «проекта Яковлева», т.е. создания из Симбирской чувашской школы национального центра чуваш, мнение Д.С. Эльменя было вполне оправданно.

В начале XX в. между сторонниками «проекта Алюнова» и симбирской чувашской интеллигенцией были некоторые разногласия из-за того, какой город станет будущим экстерриториальным центром чувашей. Сторонники культурно-просветительской линии

«проекта Яковлева» считали, что им должен быть Симбирск. Чувашские деятели, предполагая, что чувашам необходимо политизироваться и революционизироваться, стали сосредотачиваться в Казани и соответственно этот город видели будущим центром всех чувашей. В значительной степени сыграло роль и то обстоятельство, что Симбирск был традиционным центром, к которому тяготели «низовые» чуваша, а к Казани – «верховые» и отчасти «средненизовые». Так что со временем политико-культурный ракурс перешел в иную плоскость: кто должен занимать лидирующее положение в чувашском национальном движении – «верховые» или «низовые» чуваша?

На основе этих двух факторов и выявляется отличие проектов А.Д. Краснова и Д.С. Эльменя от «проекта Алюнова». Сторонники последнего уделяли больше внимания договорным отношениям между Казанью и Симбирском, особенно с конца лета 1917 г., когда в правлении ЧНО сформировался своеобразный триумвират «Алюнов-Васильев-Николаев», уроженцев различных мест Чувашии. А.Д. Краснов и особенно Д.С. Эльмень, ставшие на «советскую платформу», считали, что с симбирской оппозицией нужно меньше лояльничать и заставить ее работать на чувашские советские учреждения в «революционном», т. е. принудительном порядке. Немаловажным фактором антагонизма, возможно, явился и личностный аспект: «казанцы» А.Д. Краснов и Д.С. Эльмень в свое время учились в Симбирской чувашской учительской школе и за участие в революционных волнениях 1906–1907 гг. были отчислены отсюда с «волчьим билетом», т.е. без права на поступление в высшие учебные заведения, что называется, «пошли в революцию»⁶⁸.

Начиная с апреля 1918 г. конфликт между казанскими и симбирскими чувашскими организациями вошел в фазу открытого противостояния⁶⁹, периодически затухая, разгорался вновь. Особенно сильные столкновения были уже после создания ЧАО в июне 1920 г., но это хронологически выходит за рамки нашего исследования. Применительно к периоду 1918–1920 гг. укажем только следующее: особая позиция симбирских чувашей зачастую откровенно саботировавших начинания казанских чувашских учреждений весной 1918 г., не желавших помогать им по наполнению чувашских советских учреждений в 1919–1920 гг. образованными кадрами из чувашской интеллигенции. В апреле-мае 1920 г. началась откровенная вражда с «командой Эльменя», что нанесло огромный урон целостности чувашского национального движения как в этот, так и в последующий периоды. Пожалуй, отсюда в публикациях Д.С. Эльменя

некоторая презрительность в адрес чувашской интеллигенции, которую он противопоставлял чувашским коммунистам. Только надо «подстрочно» понимать следующую разницу: под интеллигентами Эльмень подразумевал в первую очередь сторонников симбирского лагеря, а под революционерами – казанского.

Экстерриториальная политика А.Д. Краснова в качестве руководителя Комиссариата по чувашским делам в некоторых чертах описана в историографии. В советской она характеризуется как ошибочная и не ленинская⁷⁰, что вполне закономерно. Не можем согласиться с современной трактовкой его политики как колебательной⁷¹. На наш взгляд, никаких колебаний у А.Д. Краснова не было. Он целенаправленно, несмотря на негативные обстоятельства как на региональном, так и на общегосударственном уровне, стойко боролся за реализацию основной сути чувашской культурной автономии экстерриториального характера, и в этом направлении весьма преуспел. Основной причиной того, что его считали колеблющимся, т.е. неуверенным, являлось то, что в отечественной историографии до сих пор недостаточно рассмотрена общая региональная программа, которой он придерживался, т.е. проект Казанского губсовдепа в виде Волжско-Уральской Советской Республики.

В течение всего периода так и не сложилось определенное наименование этого проекта – штат, республика, область или даже федерация – разные встречаются названия. Наиболее приемлемым считаем название Волжско-Уральская Советская Республика (ВУСР), так она записана в резолюции второго Всероссийского мусульманского военного съезда⁷². Это название, на наш взгляд, наиболее полно отражает основной вектор проекта Казанского губсовдепа, и это название с незначительными изменениями (Урало-Волжская республика) имеется в постановлениях Казанского губисполкома в марте 1918 г.⁷³ Для чувашских лидеров разница названия была не принципиальна, в документах употребляется обтекаемая формулировка – «областная автономия» на территории Поволжья, Прикамья и Приуралья⁷⁴. Главное, чтобы на ее территории чувашам обеспечили основные принципы культурной и экстерриториальной автономии.

Идея создания на территории Волжско-Уральского региона огромного по размерам федеративного субъекта Советской России, построенного исключительно на советских принципах, появилась еще в конце 1917 г. В чувашской историографии вообще не было принято упоминать об этом проекте. Только недавно, в 2006 г., впервые по-

явилась значимая для нашей темы статья В.Н. Клементьева, в которой автор представляет ранее неизвестные общественности архивные материалы чувашских учреждений, связанных с проектом ВУСР⁷⁵. Эти документы помогают по-новому взглянуть на произошедшие события, но к сожалению, выводы остались фактически старыми. Вероятно, многообразие и неоднородность документов не позволили автору окончательно расставить акценты. Возможно, сказывается традиция искать «зачатки» национально-территориальной автономии чувашей еще в 1918 г. Приведем два примера из статьи исследователя.

Описывая события марта 1918 г., В.Н. Клементьев отмечает, что 7 марта Казанский губсовдеп постановил принять срочные меры по организации ВУСР, а 10 марта председатель Коллегии по учреждению Волжско-Уральского штата Г. Шараф разослал телеграммы по различным организациям с уведомлением, что в будущей «штат Идель-Урал» войдут исключительно мусульманские народы. На этом основании В.Н. Клементьев делает вывод, что проект Казанского губсовдепа *«подвергся ревизии ... в направлении сужения ее территориального формата при доминировании тюрков-мусульман»*⁷⁶, т. е. исключение из этого проекта чувашей. Однако не понятно, почему автор решил, что КУВШ выражал мнение Казанского губсовдепа. Этого не могло быть, так как его мнение выражал совершенно иной орган под названием «Оргбюро по созыву Учредительного съезда Советов Поволжья и Приуралья». В нем доминирования мусульман не было, он находился при Казанском губисполкоме, в его состав входили два чуваша (М.С. Слюбкин и В.А. Алексеев)⁷⁷, и этот орган выражал диаметрально противоположную от указанной автором точку зрения. Казалось бы, невелика неточность, но с этого места исследователь настойчиво проводит мысль, что уже тогда чувашские лидеры, якобы, начали склоняться к некой «областной федерации равноправных народов Поволжья и Приуралья»⁷⁸, чего на самом деле не существовало. А было совершенно наоборот – только «единая областная федеративная республика совместно с другими национальностями» на территории Волжско-Уральского региона⁷⁹.

Кроме того, фразу об «областной федерации равноправных народов Поволжья и Приуралья» автор приписывает Д.П. Петрову-Юману: он якобы произнес это на объединенном заседании представителей мелких народностей Поволжья и Приуралья 13 июня 1918 г.⁸⁰ При этом дана ссылка на источник, в котором находим иную формулировку, а именно в виде «единой областной федера-

тивной республики совместно с другими национальностями»⁸¹. что предполагает иную трактовку. В первом случае фактически речь идет об однопациональных автономиях, по типу современной Чувашии, Татарии, Марий Эл, Башкортостана, Мордовии и Удмуртии, собранных в областную Волжско-Уральскую автономию и находящуюся в федеративных отношениях друг к другу. К этой мысли, по-видимому, автор и желает привести читателя. Во втором же случае речь идет однозначно о Волжско-Уральской областной автономии (т. е. ВУСР), состоящей из многих народностей, ее заселяющих, и находившейся с РСФСР в федеративных отношениях. Принципиальная разница. Таким образом, Д.П. Петров-Юман и другие деятели того времени выступали только за чувашскую культурную автономию экстерриториального характера в Волжско-Уральской «областной автономии», но ни в коем случае отдельно от всех.

Такая методологическая ошибка исследователя, на наш взгляд, связана со сложившейся ленинской традицией считать идеологию культурной автономии «неполноценной» и «мелкобуржуазной» и всеми силами доказывать, что уже в 1918 г. у чувашей было стремление к более «прогрессивной» территориальной автономии. Вообще из работы сложно понять: чего же хотели чувашские деятели в 1918 г.? Какой все-таки проект они считали предпочтительным? На наш взгляд, ответ прост – они хотели в ВУСР. Не нужно им было на территории Волжско-Уральского региона никаких федераций, так как национально-территориальные перегородки только мешали полноценной реализации чувашской культурной автономии экстерриториального характера.

Остановимся на проблеме, связанной с образованием Казанской Советской Республики, которая «самостоянно» существовала с 26 февраля по 16 мая 1918 г. Понимание сути республики является ключом к пониманию проекта ВУСР, всей дальнейшей логики развития региона в целом и в значительной степени чувашского движения.

Проект Казанской советской республики татарские исследователи, как правило, «привязывают» к противостоянию Казанского губисполкома мусульманскому Харби Шуру и их проекту «штата Идель-Урал»⁸². Отчасти это правильно, но все же его отправной точкой нужно считать Областной съезд Советов губерний Поволжья и Приуралья, прошедший в Казани 8-9 (21-22 по нов. ст.) февраля 1918 г.⁸³ На него приглашали представителей советских учреждений и национальных организаций 11 губерний региона, и

именно на нем предполагалось принять советскую резолюцию по национальному вопросу и будущему всего региона.

В виду того, что на съезд приехали не все представители различных губерний, было принято решение о повторном созыве, а в данный момент придать ему статус чрезвычайного-совещательного⁸⁴. На съезде наблюдались разногласия не только между национальными организациями, но и руководством губсовдепов различных губерний. Тогда по инициативе видного казанского большевика К.Я. Грасиса была предложена формула поэтапного образования ВУСР: сначала каждая губерния на своей территории должна создать свою советскую республику, а потом они сливаются в единую «областную федерацию Поволжья и Приуралья»⁸⁵, т.е. ВУСР. Кстати, в этом проявился своеобразный подход к национальному вопросу К.Я. Грасиса, которому была ближе не ленинская точка зрения, а немецкой коммунистки Р. Люксембург, названная «люксембургизмом»⁸⁶. Для решения национального вопроса предполагалось «образовать при советских республиках комиссариаты по национальным делам. При образовании областной федерации Поволжья и Приуралья создать генеральный комиссариат по делам национальностей»⁸⁷. Предложенная конструкция в полной мере удовлетворяла культурным и экстерриториальным притязаниям чувашского национального движения. А.Д. Краснов со своими сподвижниками приложили немало усилий для реализации этого проекта вплоть до весны 1920 г., но безуспешно.

Резолюция Областного съезда Советов по национальному вопросу удовлетворила далеко не всех. От мусульман на съезде участвовали только левые эсеры, которые совместно со всеми представителями от марийцев и большинством представителей от чувашей отказались от голосования. Лишь некоторые из чувашей, названные «грасисовыми учениками», приняли участие в голосовании и голосовали «за»⁸⁸. Именно после этой резолюции начался серьезный раскол в чувашском национальном движении. Конфронтация была в связи с отношением к мероприятиям советской власти. Дело в том, что подавляющее большинство чувашских деятелей того времени считали, что советская власть доживает последние дни, поскольку на западе германские войска возобновили боевые действия и начали наступление на Петроград, на юге активизировалось антисоветское казачье движение под руководством генерала Л.Г. Корнилова, а Сибирь под руководством казачьего атамана Г.М. Семенова не признала советы и грозила начать наступление на

запад. В самой Казани мусульманское Харби Шуро при поддержке 20-ти тысячного мусульманского войска грозило в одностороннем порядке 26 февраля 1918 г. самопровозгласить штат Идель-Урал, чем в регионе фактически уничтожалась советская власть. Конечно, у лидеров ЧНО были определенные разногласия с Харби Шуро, но если выбирать из двух зол, то большевистский принцип диктатуры пролетариата, с их точки зрения, был недопустим.

Руководство Казанского губсовдепа оказалось оперативным и приняло ряд мер превентивного характера. Накануне самопровозглашения штата Идель-Урал оно, при поддержке Мусульманского Социалистического комитета и М. Султан-Галиева, арестовало руководство Харби Шуро⁸⁹. Сразу же 26 февраля 1918 г. на общем заседании Казанского губсовдепа было принято решение о самопровозглашении на территории губернии Казанской рабоче-крестьянской советской республики⁹⁰. Этим решались важные задачи: были нейтрализованы мусульманские оппоненты и был дан старт процессу образования аналогичных республик на остальной территории Волжско-Уральского региона, что и планировал Областной съезд Советов.

Казанский губсовдеп предпринял меры и в отношении антисоветских оппонентов из ЧНО и других организаций. В принципе, Казанский губсовдеп, как учреждение в начале 1918 г. преимущественно левозероверское⁹¹, признавал право создания чувашского национально-представительного органа «Асла Канаш», появившегося в январе 1918 г., с небольшой поправкой на классовый принцип. Казанский губсовдеп особо не возражал и против того, чтобы этот орган обладал значительной культурной, экономической и отчасти, как тогда говорили, «зачатками» политической автономии. Но от чего он сразу отгородился, так это от финансирования чувашских притязаний на культурную и экстерриториальную автономию в масштабах всей России, локализуя помощь только в рамках собственной губернии. Именно поэтому, на наш взгляд, в итоге окончательно раскололся «Асла Канаш», по этой же причине впоследствии так и не был сформирован Чувашский народный совет «Халах Канаш».

В качестве промежуточного, «компромиссного» варианта в апреле 1918 г. был создан Казанский Комиссариат по чувашским делам, который на тот момент удовлетворял и Казанский губсовдеп и чувашских лидеров из Чувашского Левосоциалистического комитета (ЧЛСК). Для первых он был нужен как наиболее лояльный из национальных организаций, который мог бы «крепко» и

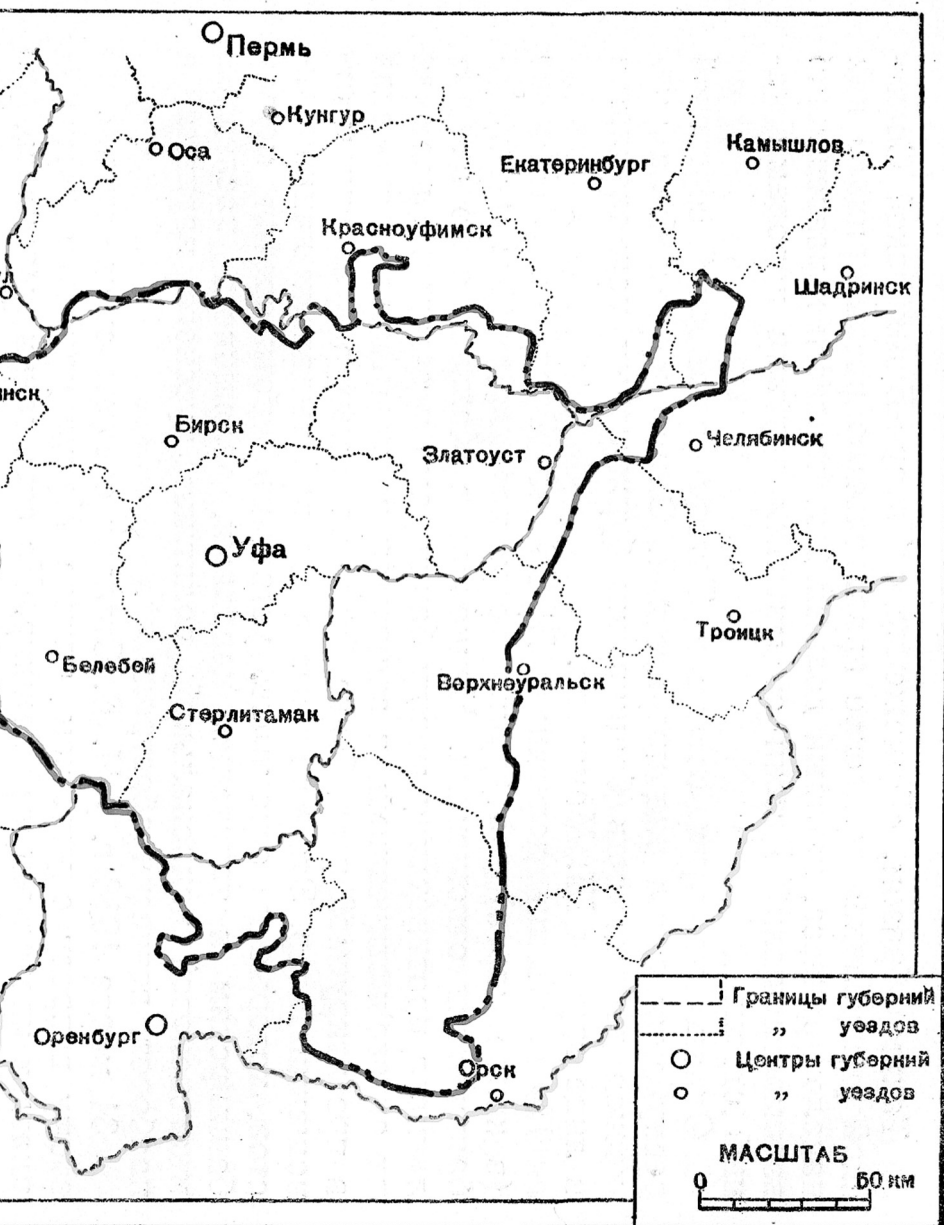

последовательно отстаивать идею реализации казанского советского проекта ВУСР. Для деятелей ЧЛСК Казанский КЧД виделся как первоначальный этап становления чувашского национально-представительного органа, который финансировался сначала из губернского бюджета, а потом, после создания ВУСР, можно было бы претендовать и на нечто большее. Любопытно, во что бы развилось данное сотрудничество, если бы в сложный клубок взаимоотношений губсовдепов и национальных организаций Волжско-Уральского региона в конце марта 1918 г. не вмешалась бы третья сила – Центральное правительство РСФСР.

ВЦИК, Совнарком и ЦК РКП(б) с беспокойством смотрели на Волжско-Уральский регион как на область России, скатывающуюся к сепаратизму и независимости. Идея создания демократического Волжско-Уральского штата могла бы стать «второй Украиной», но центральное руководство не предпринимало активных мер, ограничиваясь туманными призывами к трудящимся-мусульманам не подчиняться собственному духовенству, буржуазии и интеллигенции⁹². Причина такой пассивности очевидна – сложнейшая внутри- и внешнеполитическая обстановка в стране в целом в конце 1917 – начале 1918 гг. Только после подписания Брестского мира с Германией 3 марта 1918 г. можно было уделить должное внимание беспокойным регионам. Причем, на наш взгляд, большее опасение вызывало не мусульманское движение из-за своей неоднородности и относительно слабой воинской силы, а политика подведомственных им губернских совдепов. Дело в том, что в Волжско-Уральском регионе, а особенно в поволжской части была сложная аграрная ситуация, значительное положение в губсовдепах занимала партия левых эсеров, что не могло не беспокоить преимущественно пробольшевистский СНК РСФСР. Особенной активностью отличался именно Казанский губсовдеп, в котором его многочисленная проэсеровская крестьянская фракция вела оппортунистическую политику по отношению к диктатуре пролетариата и партии большевиков.

Идея создания ВУСР беспокоила Центральное правительство более, чем все остальные проекты вместе взятые, так как это был советский проект, но на эсеровских основах, да еще подкрепленный тем, что лидеры Казанского губсовдепа К.Я. Грасис и Я.С. Шейкман являлись авторитетными большевиками. Любой национальный проект можно было развалить, используя противоречия между трудящимися нации и национальной буржуазией, духовенством, интеллигенцией. А здесь власть уже находилась в руках трудящихся.

Правительство РСФСР в марте 1918 г. создало эффективный рычаг давления, который, тем не менее, сильно отклонялся от основных принципов национальной политики РКП(б): оно поддержало Мусульманский социалистический комитет под руководством М. Вахитова и привлекло на свою сторону «проказанского» М. Султан-Галиева. В ходе совместных совещаний Наркомнаца и некоторых мусульманских организаций в марте 1918 г. была признана легитимность второго проекта Г. Шарафа под названием ТБСР. По сравнению с прежним проектом штата Идель-Урал, в котором предполагалось минимальное включение территорий с немусульманским населением, в него вошли «для округления» и промышленно развитые территории с инациональным населением региона. По сути, территориально он практически полностью воспроизводил проект ВУСР, но «за исключением чувашско-черемисской части Казанской губернии»⁹³, что в своей основе подрывало фундамент чувашской культурной и экстерриториальной автономии. Одной из основных причин этого нам видится, «дружба» ЧЛСК и Казанского КЧД с Казанским губсовдепом.

Пренебрежительное отношение Комиссариата по делам мусульман при Наркомнаце к чувашским интересам выразилось и в том, что на московское совещание по вопросам созыва съезда Советов ТБСР, согласно циркулярной телеграмме от 28 марта 1918 г., вообще не были приглашены представители чувашских просоветских организаций, а пригласили только одного представителя некой «Уфимской чувашской организации»⁹⁴. Ирония заключается в том, что в Уфе практически отсутствовали просоветские чувашские организации, а находился только антисоветский уфимский филиал ЧНО⁹⁵, и, разумеется, никого он на совещание не отправлял, так как не желал участвовать в советском строительстве, ожидая его скорейшего падения.

В данной сложной ситуации комиссар Казанского КЧД А.Д. Краснов предпринял решительные действия, благодаря которым он фактически заставил признать право всего чувашского народа на равноправное решение вопроса о будущем Волжско-Уральского региона. Он направил 9 апреля 1918 г. в адрес Совнаркома РСФСР обращение, в котором просил «об официальном признании Комиссариата в качестве административного органа для всего чувашского народа»⁹⁶, а не только одной Казанской губернии. Это не было неожиданным, так как аналогичный комиссариат со всероссийским статусом с января 1918 г. существовал у мусульман. Но необычным стало то, что этот комиссариат предполагалось организовать не в Москве при Наркомна-

це, а в Казани при Казанском губсовдепе. Для согласования действий с общероссийским правительством, а точнее и правильнее сказать, для утверждения финансовых смет из государственного бюджета на национальные нужды всего чувашского народа, предполагалось «иметь при Центральном Правительстве (т.е. ВЦИКе – С.Щ.) представителя для защиты национальных интересов чувашского пролетариата и беднейшего трудового крестьянства»⁹⁷. Здесь мы подходим к следующему пункту нашего исследования – проблемам создания Чувашского отдела при Наркомнаце и выдвигаем новую трактовку мотивов его образования как со стороны Центрального правительства, так и чувашского национального движения.

Образование Чувотдела в историографии принято трактовать как продолжение ленинской политики, направленной на национальное самоопределение. С этим сложно согласиться хотя бы потому, что, например, марийские деятели 5 марта 1918 г. на Национальном областном съезде мари, в отличие от чувашских, выражали настойчивое желание иметь свой комиссариат непосредственно в Москве при Наркомнаце⁹⁸. С апреля они активно участвовали во всех московских мероприятиях, связанных с ТБСР, но Центральное правительство на их инициативы не реагировало, в результате чего отдел был создан только в июле 1918 г.

Создание Чувотдела, по нашему мнению, стало результатом трех основных факторов:

1. Вопрос о возникновении чувашского и марийского отделов при Наркомнаце тесно связан с «промосковским» проектом ТБСР. Положительное решение на их создание было получено только в обмен на лояльность чувашей и марийцев к этому проекту на московских совещаниях. В качестве инструмента давления, в частности на чувашское движение, использовался финансовый (инвестиционный) рычаг, который диктовал национальным лидерам собственные условия.

2. Открытием в Москве Чувотдела решалась и другая проблема – подчинение регионального «оппортунизма» как со стороны Казанского губисполкома, так и Казанского КЧД и его комиссара А.Д. Краснова, претендовавших на звание чувашского национально-представительного органа со всероссийским статусом;

3. Через Чувотдел Центральное правительство могло навязывать свой тип решения национального вопроса, основанный на территориальном принципе, и в регионах, где еще сильными оставались антибольшевистские настроения (весной 1918 г. так можно

было сказать практически обо всем Волжско-Уральском регионе), и инкорпорировать чувашские демократические организации, вставляя их в советскую структуру местного управления, но при условии признания ими «советской платформы».

Таким образом, в решении открыть Чувотдел чувствуется скорее политический расчет. Надо сказать, что идеологи и руководители национальной политики советской власти В.И. Ленин и И.В. Сталин проявили немало деликатности и уважения к интересам народов региона. Позиция Наркомнаца понятна – нечего плодить в своих стенах многочисленные региональные комиссариаты с широкими полномочиями. Стоит заметить, что с учетом чувашского опыта центральное правительство в дальнейшем отказалось от практики создания при Наркомнаце комиссариатов, а создавало только отделы. Возникает вопрос, почему А.Д. Краснов и Д.С. Эльмень на это согласились, почему чувашское движение было заинтересованно в организации Чувотдела? Вероятно, для того, чтобы впоследствии утвердить через Чувотдел Казанский КЧД всероссийским общечувашским институтом государственной власти. Для этого чувашские представители настояли, чтобы, вопреки сложившейся структуре Наркомнаца РСФСР, в Москве остался только один «Общий» подотдел Чувотдела, на который фактически возлагались только вопросы утверждения финансовых смет и посещение заседаний Наркомнаца, а вся основная работа проходила в Казани. Кроме того, вплоть до лета 1920 г. в чувашской национальной политике прослеживалась тенденция к упразднению московского подотдела и преобразованию казанских подотделов Чувотдела во Всероссийский Комиссариат по чувашским делам⁹⁹. Говоря другими словами, с чего начали в апреле 1918 г., то же отставали вплоть до июня 1920 г.

Каковы же причины поражения летом 1918 г. «проекта Краснова»? На наш взгляд, это, в первую очередь приверженность идее создания ВУСР, которая уже в мае 1918 г. была признана как оппортунистическая национальной политике ЦК РКП(б)¹⁰⁰. Во-вторых, в качестве причины следует указать на окончательный раскол чувашского национального движения в августе 1918 г., в ходе которого многие соратники А.Д. Краснова – Д.П. Петров-Юман, Г.Т. Титов, А. Спиридонов и др. – оказались на противоборствующей советской власти стороне. Наконец, горячие антибольшевистские публичные выступления А.Д. Краснова сыграли не последнюю роль в данном вопросе, после чего он стал своего рода «аутсайдером» для совет-

ской власти и до конца жизни считался чувашским левоэсеровским идеологом.

Анализируя «проект Эльменя» отметим, что Д.С. Эльменю, до этого малоизвестному национальному деятелю, пришлось фактически в одиночестве поднимать все «чувашское дело»: А.Д. Краснов находился в опале, другие лидеры перешли на сторону врагов советской власти и ушли с Народной армией Самарского Комуча в Сибирь, даже чувашская интеллигенция, оставшаяся на месте, заняла позицию ожидания скорейшего падения власти Советов.

Во многом благодаря организаторским и дипломатическим способностям Д.С. Эльменя, несмотря на многие негативные обстоятельства, Чувотдел не прекратил своего существования. Казалось бы, то, что не реализовалась идея ВУСР, не страшно, Волжско-Уральский регион в конце 1918 – начале 1919 гг. сохранял унитарное устройство, что было так необходимо для чувашской культурной и экстерриториальной автономии. Кроме того, Чувотдел официально был признан и финансово поддержан Центром. Он стал чувашским национально-представительным органом. Его подотделы продолжали кропотливую работу в Казани, они расширили сеть таких же подотделов в Симбирской, Самарской, Уфимской и других губерниях. По сути, к весне 1919 г. были созданы все необходимые условия для реализации проекта чувашской национальной автономии экстерриториального характера.

Однако появились серьезные препятствия: с осени 1918 г. значительно усилилась политика правительства РСФСР по унификации и модернизации учреждений, находившихся в структуре государственной и региональной власти. Что касается национальной политики, то она приняла разделение полномочий Наркомнаца РСФСР и перепоручение вопросов, связанных с народным образованием на национальном языке, Отделу нацменьшинств Наркомпроса РСФСР. Этот вопрос, с анализом произошедших событий, раскрывается в работах Е.К. Минеевой¹⁰¹.

Для некоторых наций, которые проявляли большую заинтересованность в политических и экономических вопросах, а также в создании своей территориальной автономии, это было только на руку, поскольку они избавлялись от «отягощающего» просветительского багажа и занимались только собственной политикой. Но не в случае с чувашами, для которых вопрос о создании системы национального образования всегда считался архиважным в чувашской культурной автономии экстерриториального характера. В этой связи у

чувашского руководства появилась огромная проблема – из работы Чувотдела изъяли самую важную составляющую.

Напомним, что чувашские деятели согласились образовать Чувотдел только в обмен на финансовую помощь, в первую очередь, на национально-просветительские нужды. Вопрос о необходимости передачи подотдела Культуры и Просвещения из структуры Наркомнаца в Наркомпрос был поставлен еще летом 1918 г., но чувашские работники под различными предлогами всячески оттягивали его исполнение. Закончилось это противостояние однозначным ультиматумом: если чувашки к 1 апреля 1919 г. в Наркомнаце не разделятся и не создадут свой подотдел, то их финансовые сметы на национальное образование по всей России просто не будут утверждены¹⁰².

Появился и другой серьезный негативный фактор, который поставил все достигнутые успехи на грань катастрофы. Для эффективной работы в Наркомпросе требовался человек, обладавший следующими качествами: во-первых, настойчивостью в истребовании финансовых средств в условиях Советской России, которая из-за гражданской войны в начале 1919 г. стояла на грани финансового краха и крайне неохотно выделяла средства на образовательные «изыски» отдельных национальностей, а во-вторых, безупречной репутацией перед ЦК РКП(б) как верного «адепта» идей большевизма.

Весной 1919 г. было немало работников, отвечающих первому критерию, а по второму критерию – полнейший провал. Указанным качествам не соответствовал даже Д.С. Эльмень с его богатым революционным прошлым. Дело даже не в том, что он не в полной мере разделял платформу партии РКП(б), а в другом – он так же, как и большинство представителей чувашской элиты, являлся сторонником культурной и экстерриториальной автономии, что по большевистской классификации считалось проявлением «мелкобуржуазного национализма». Дабы не получить такого обвинения, а тем более – обвинения в контрреволюции, никто из чувашских деятелей в апреле 1919 г. не хотел переезжать из Казани, где до апреля 1919 г. находился подотдел Культуры и Просвещения, в Москву для работы в Наркомпросе. Более того, принудительно направленный в Москву заведующий этим подотделом Е.М. Матвеев сбежал к себе на родину, был объявлен в розыск, но он так и не приступил к работе¹⁰³.

В итоге, образованный в Москве чувашский подотдел Отдела национальностей при Наркомпросе РСФСР в апреле 1919 г. не заработал, а 20 мая 1919 г. из-за отсутствия работников по решению Наркомпроса

был просто ликвидирован, финансовые сметы на культурно-просветительские нужды второго полугодия 1919 г. не были утверждены¹⁰⁴. Там самым на глазах рушились сложившиеся за время советской власти элементы культурной и экстерриториальной автономии чувашей.

Для возобновления работы подотдела Культуры и Просвещения, хотя бы в структуре Наркомпроса РСФСР, в июне 1919 г. понадобились титанические усилия заведующего Чувотделом Д.С. Эльменя, его ходатайства и обращения в самые высшие инстанции¹⁰⁵. Огромная заслуга Д.С. Эльменя перед чувашским народом заключается и в том, что механизм чувашского национального движения вновь заработал, а не остался в бесплодном противостоянии советскому государственному строительству.

Именно ситуацию с чувашским подотделом Культуры и Просвещения, которая чуть не стала крахом всего чувашского движения, мы считаем основной причиной отказа от части экстерриториальных притязаний с лета 1919 г. и началом признания некоторых элементов территориальной автономии в виде Чувашских трудовых коммун.

* * *

Подведем итоги. В феврале-марте 1918 г. из-за разногласий Казанского губсовдепа с демократически настроенными мусульманскими организациями произошел раскол в чувашском национальном движении на сторонников Казанского губсовдепа («команда Краснова») и их противников («команда Алюнова»). В результате лидер чувашских левых эсеров А.Д. Краснов получил должность в государственной структуре Казанской губернии со значительными полномочиями и функциями, дающими право на представительство и руководство чувашами всего Волжско-Уральского региона. При попытке в апреле 1918 г. подтвердить взятые на себя обязательства, а также признание общероссийского руководства (ВЦИК и СНК РСФСР) и получение А.Д. Красновым должности комиссара по чувашским делам со всероссийским статусом впервые происходит столкновение интересов чувашского национального движения с большевистской политикой и практикой Центрального правительства РСФСР.

В ходе сложных и противоречивых переговоров, в обмен на лояльность чувашских лидеров к просоветскому татаро-башкирскому проекту, со стороны Центрального правительства РСФСР впервые было инициировано создание чувашского национально-представительного органа в структуре государственной власти со всероссийским и экстерриториальным статусом. Но, не в виде

желаемого самостоятельного Комиссариата в Казани с широкими полномочиями, а в Москве, в виде Чувашского отдела в структуре Наркомнаца РСФСР, через который большевики планировали проводить в чувашские массы идеи коммунизма. После неудачных антибольшевистских эсеровских выступлений летом 1918 г. основная инициатива в чувашском движении перешла к Д.С. Эльмену, который в отличие от А.Д. Краснова в меньшей степени в ходе эсеровских выступлений дискредитировал себя перед большевиками. С осени 1918 г. начинается его деятельность, которую мы обозначили как «проект Эльменя».

Основная инициатива по созданию чувашской культурной автономии экстерриториального характера в конце 1918 г. перешла в руки Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР. Основное содержание экстерриториального «проекта Эльменя» в конце 1918 – начале 1919 гг. заключалось в сохранении за Чувашским отделом при Наркомнаце подотдела Культуры и Просвещения, а также через него на средства федерального бюджета осуществление необходимой национальной политики чувашского народа вне зависимости от места проживания. В этой связи по всему Волжско-Уральскому региону стремительно начинает создаваться сеть подотделов Чувашского отдела при Наркомнаце. Это формировало необходимую основу для деятельного существования чувашской культурной и экстерриториальной автономии уже в 1919 г. Однако 1 апреля 1919 г. происходит событие, которое все переворачивает и наносит сокрушительный удар по всей экстерриториальной сути чувашского национально-го движения, – подотдел Культуры и Просвещения принудительно передавался во введение Наркомпроса РСФСР и тем самым отторгался от руководства чувашских политиков из системы Наркомнаца РСФСР, другими словами, «команды Эльменя». Руководство Чувотдела пыталось взять под свой контроль «отколовшийся» подотдел, но безуспешно, в первую очередь по субъективным причинам (саботаж чувашской интеллигенции из Симбирской чувашской школы). Другим объективным фактором, приведшим к историческому поражению «проекта Эльменя» в 1919 г., стали наступление армии А.В. Колчака в марте 1919 г. из Сибири и мобилизация всех пригодных к службе работников Наркомнаца РСФСР на фронт. Все эти обстоятельства повлияли на сворачивание «проекта Эльменя» и выдвижение нового проекта, который мы называем «проект Чувашской трудовой коммуны».

3.3. Проекты создания Чувашской трудовой коммуны (1919-1920) и Чувашской автономной области (1920-1921 гг.) в контексте идеологической платформы чувашского национального движения

Вопрос о попытке создания в 1920 г. Чувашской трудовой коммуны и создание вместо нее ЧАО является одним из самых обсуждаемых в историографии – достаточно хорошо известен процесс создания чувашской автономии, его основные этапы, достижения и промахи. Не будем последовательно излагать события, а остановимся на наиболее проблемных вопросах с точки зрения нашей темы: в чем суть проекта автономии, какие элементы территориальной автономии он содержал и насколько являлся отражением традиционных требований чувашского национального движения за создание культурной и экстерриториальной автономии.

В советской и современной историографии сформировалось следующее историческое представление о сущности Чувашской трудовой коммуны: 1) ее предполагалось образовать по подобию уже имевшейся Трудовой Коммуны немцев Поволжья¹⁰⁶ и Карельской Трудовой Коммуны¹⁰⁷; 2) Чувашская трудовая коммуна являлась формой *территориальной* автономии чувашского народа¹⁰⁸; 3) Коммуна чувашей не была утверждена правительством РСФСР якобы из-за того, что слово «коммуна» являлось неприемлемым по политическим и идеологическим соображениям¹⁰⁹.

На наш взгляд, эти утверждения при детальном рассмотрении вопроса не соответствуют истине. Мы предлагаем иной подход к трактовке указанной проблемы. Прежде всего, отметим, что Чувашская трудовая коммуна – это проект, имевший корни в недрах традиционного чувашского миропонимания и отражавший многовековые чаяния народа, он минимально соотносим с немецкой автономией и совершенно не связан с карельской. Проект является типичным проектом чувашской культурной автономии экстерриториального характера с незначительным сочетанием территориальных аспектов. И еще одно важное уточнение – Чувашская трудовая коммуна осталась не утвержденной в виду несогласия Центрального правительства с ее экстерриториальной сущностью. В рамках данного параграфа основное внимание уделим анализу выдвинутых нами тезисов. Для этого по пунктам проведем исследование по каждому из трех «традиционных» выводов

и приведем аргументы и факты за выставленные на обсуждение «новые» выводы.

При исследовании историографии вопроса можно отметить, что тезис о преемственности идеи Чувашской трудовой коммуны непосредственно «по образцу Трудовой Коммуны немцев Поволжья и Карельской трудовой коммуны»¹¹⁰ характерен только для современного этапа. По-видимому, основанием для такого утверждения стали наблюдения видного исследователя этого вопроса А.В. Изоркина. Так, анализируя вопрос о формировании проекта коммуны, он отметил, что в ходе обсуждения в газете «Канаш» в январе 1920 г. прозвучал тезис Д.С. Эльменя о том, что в Советской России есть уже пример образования «Трудовой Коммуны», основанной по национальному принципу, называя, в частности, немцев Поволжья¹¹¹. Возможно, на вывод А.В. Изоркина о том, что чувашские работники Чувотдела при Наркомнаце использовали опыт создания немецкой коммуны в качестве прообраза будущей чувашской автономии, повлияли некоторые архивные документы, сохранившиеся в архивном фонде этого учреждения. Так, например, в нем имеются материалы, связанные с вопросами установления немецкой автономии в 1918 г.¹¹² Однако анализ документов и хронологии переписки не дает оснований согласиться со сделанным выводом.

Исследуя немецкие документы, мы видим, что они представляют собой ответ так называемого «Отдела Управления Исполкома съезда Советов Трудовой Коммуны Области немцев Поволжья» Коллегии Чувотдела при Наркомнаце в Казани на их особый запрос. К сожалению, содержание запроса выявить не удалось, но по ответу понятно, что работники Чувашии интересовались, на каком основании была утверждена их Трудовая Коммуна и как выглядит ее управленческая структура¹¹³.

Сохранившиеся документы, с одной стороны, наглядно аргументируют тезис о некотором взаимодействии чувашских и немецких работников в вопросах образования чувашской автономии. Однако датировка материалов исключает это. Немецкий ответ был подготовлен и отправлен только 19 апреля 1920 г., в то время как доклад Д.С. Эльменя с идеей образования Чувашской трудовой коммуны был подготовлен еще в конце 1919 г. и опубликован 11 января 1920 г. в общероссийской газете «Жизнь национальностей», а принят в качестве резолюции первого Всероссийского съезда чувашских коммунистов 4-9 февраля 1920 г.¹¹⁴

Из немецкого документа также видно, что чувашский запрос был направлен 13 марта 1920 г., т.е. после того, как была проведена вся необходимая подготовительная работа. Можно предположить, что данный запрос появился по иной причине. Так, известно, что именно в этот день (13 марта 1920 гг.) состоялось специальное заседание Коллегии Чувотдела, где был заслушан отчет заведующего отделом Связи и Иногородним Чувотдела А.Д. Краснова о результатах его командировки в Москву¹¹⁵. В чем заключалась его миссия и на что он тратил немалые финансовые средства, не сообщалось. Нет информации об этой поездке и в других документах архивного фонда, а также в воспоминаниях участников тех событий, в том числе и самого А.Д. Краснова. Можно думать, что впоследствии об этом факте участники предпочли «позабывать». Но исходя из анализа того периода и личностных характеристик А.Д. Краснова, можно предположить, что он в начале марта 1920 г. выехал в Москву с резолюциями общечувашского съезда для решения вопроса об учреждении Чувашской трудовой коммуны, используя старые связи, скорее всего, соратников из мусульманской группы М. Султан-Галиева, но что-то не получилось, и к командировке в Москву начали готовить Д.С. Эльменя¹¹⁶. Запрос руководству немецкой коммуны появился, скорее всего, с целью выяснить правовые основы провозглашения немецкой автономии, чтобы использовать эти сведения в разговоре с Центральным правительством. Однако, учитывая, что ответ был получен только 12 мая 1920 г.¹¹⁷, т.е. когда всю шел переговорный процесс, нет оснований говорить о влиянии немецкой информации на формирование будущей чувашской автономии.

Можно, конечно, по поводу сделанных выводов возразить – отсутствие документов о сотрудничестве до 1920 г. не дает права нам утверждать, что не было взаимодействия и изучения немецкого опыта. Не будем с этим спорить и укажем на то, что привычное для нас название «Трудовая Коммуна немцев Поволжья» было утверждено только 17 февраля 1921 г. постановлением ВЦИК «Об административном делении Трудовой Коммуны немцев Поволжья»¹¹⁸. До этого она называлась несколько иначе: так, 19 октября 1918 г. Ленин подписал Декрет СНК РСФСР «О немецких колониях Поволжья»¹¹⁹, второй съезд совдепов немецких колоний Поволжья в г. Зельмане (ныне г. Ровное Саратовской области) 24 октября того же года постановил образовать «Трудовую коммуны области немцев Поволжья»¹²⁰. Окончательное установление границ было утверждено 29 апреля 1919 г. Постановлением Наркомата внутренних дел РСФСР под названием

«О выделении из пределов Самарской и Саратовской губерний особой области Трудовая Коммуна немцев Поволжья»¹²¹. В указанном нами выше немецком документе, датированном апрелем 1920 г., также речь идет об «области» немцев Поволжья.

Исследователи становления поволжской немецкой автономии подчеркивают, что со времен первого съезда представителей совдепов немецких колоний Поволжья в Саратове 30 июня 1918 г. речь шла исключительно о национально-территориальной автономии¹²². Немецкие лидеры на этом съезде всячески дистанцировались от прежнего проекта немецкой культурной и экстерриториальной автономии, названной ими буржуазной идеей «беспочвенного государства в государстве»¹²³. Эта разница отчетливо видна тогда, когда сопоставляешь немецкие материалы с чувашскими периода 1919 – начала 1920 гг., особенно в зафиксированных протоколах первого Всероссийского съезда чувашских коммунистов в феврале 1920 г., где преобладали идеи именно экстерриториальности. Здесь необходимо выяснить, какой смысл вкладывали сами немцы в название «Трудовая Коммуна» и чем он отличался от чувашского понимания.

В немецком случае речь, в первую очередь, шла об идеологическом и пропагандистском аспекте этого названия, а не об экономическом. Центральное правительство РСФСР в отношении немцев такое название вполне устраивало, так как этим подчеркивалось участие поволжских немцев в международном коммунистическом движении. Кроме того, это был положительный пример для европейских немцев, находившихся под властью германского кайзера Вильгельма I, а впоследствии – Веймарской республики. Данное решение сильно отличалось от чувашского понимания, где подразумевалась скорее сеть сельскохозяйственных коммун, образованных по национальному принципу.

Чтобы завершить вопрос с различными национальными «коммунами», проведем анализ принципов Карельской трудовой коммуны. Это важно сделать для того, чтобы понять, почему в июне 1920 г. центральное правительство в карельском случае согласилось с таким названием, а чувашам отказало.

Наверное, нет нужды говорить о том, что опыт Карельской трудовой коммуны мог быть учтен чувашами, так как она была санкционирована ВЦИК и СНК РСФСР только 8 июня 1920 г. В отличие от немецкой автономии, сами идеологи карельской комму-

ны подчеркивали именно экстерриториальную необходимость в существовании этой автономии. Карельская автономия возникла на основе проекта финского коммуниста, председателя Скандинавского отдела Коминтерна Э.А. Гюллинга.

Осенью 1919 г. Э.А. Гюллинг направил в Москву материалы с предложениями о создании карельской автономии, которая решала бы серьезную региональную проблему во взаимоотношениях Советской России и Финляндии. Дело в том, что после признания Россией в декабре 1917 г. отделения и суверенитета Финляндии, оказался разделенным на две части карельский народ: одни остались в России, другие оказались на финской территории. Финское правительство вплоть до 1920 г. разыгрывало «карельскую» карту для того, чтобы оставшаяся в России часть на основе права о национальном самоопределении отделилась и присоединилась к финнам¹²⁴. Э.А. Гюллинг предложил правительству РСФСР «симметричный» ответ: санкционировать создание советской карельской автономии в виде Карельской трудовой коммуны, чтобы в последующем «финские» карелы на основе того же права на самоопределение провозгласили аналогичную коммуну на территории Финляндии, экстерриториально соединились с «российскими» собратьями, что послужило бы началом развала «буржуазной» Финляндии.

Для чего это было нужно коммунисту финского происхождения? Для победы мировой пролетарской революции на всем Скандинавском полуострове и создания Скандинавской Советской Республики¹²⁵. В данном случае название «коммуна» более чем уместно и перспективно. В ходе личных переговоров с В.И. Лениным в мае 1920 г. моментально была достигнута необходимая договоренность. 1 июня 1920 г. Политбюро обсудило представленный комиссией проект декрета об образовании Карельской трудовой коммуны и предложило внести его на утверждение ВЦИК¹²⁶. Реакция правительства РСФСР на карельское предложение, по мнению чувашских лидеров, была ошеломляющей. Если на их инициативу правительство в начале 1920 г. ответило требованием о предоставлении четкого списка предполагаемых к выделению территорий, что на корню «погубило» идею экстерриториальности, то к карелам было иное отношение. Как только они подняли вопрос, так сразу же 8 июня 1920 г. вышло постановление ВЦИК: «Образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке ст. 11 Конституции РСФСР

областное объединение – Карельскую Трудовую Коммуну»¹²⁷. О границах ни слова, поскольку они определились только впоследствии, уже после образования коммуны на Всекарельском съезде представителей трудящихся карел в Петрозаводске в июле 1920 г., и только 4 августа 1920 г. постановлением ВЦИК были утверждены территориальные границы¹²⁸.

Таков вкратце обзор сопоставления принципов немецкой и карельской «коммун» с чувашском проектом. Как видно, они имеют мало общего. В первом случае значительно преобладает национально-территориальный аспект, так как изначально в немецкую автономию были выделены все немецкие земли на территории Нижнего Поволжья, поэтому не было нужды решать вопрос экстерриториально. Напротив, Центральное правительство активно шло навстречу и «округляло» немецкие уезды за счет присоединения к ним русских и украинских населенных пунктов¹²⁹.

Проект Карельской трудовой коммуны появился значительно позже чувашского проекта и был быстро реализован в связи с «революционной» актуальностью и конкретной исторической конъюнктурой. У чувашей такой «актуальности» не было, так как в 1920 г. весь чувашский народ уже находился в составе Советской России и центральному правительству незачем было опираться на «сомнительные» экстерриториальные принципы. Если говорить об использовании чувашскими работниками опыта «трудовых коммун», то, на наш взгляд, будет уместней говорить, что ими изучался опыт Елабужской Трудовой Коммуны, созданной в 1918 г.¹³⁰

Перейдем к следующему вопросу. Анализируя многочисленные материалы периода 1919–1920 гг., мы приходим к выводу, что идея образования Чувашской трудовой коммуны в 1920 г. является типичным продолжением проектов чувашской культурной автономии экстерриториального характера 1917–1919 гг., с поправкой на одно принципиально важное решение VII-го Всероссийского съезда Советов от 9 декабря 1919 г. «О советском строительстве». Пункт №6 гласил, что в стране созрела необходимость нового административно-хозяйственного деления. Дабы не пустить этот вопрос на самотек, съезд постановил, что «впредь до решения этого вопроса образование новых административно-хозяйственных единиц... в каждом отдельном случае разрешается Советом Народных Комиссаров, после предварительного обсуждения вопроса всеми заинтересованными исполнительными комитетами

и народными комиссариатами»¹³¹, для чего в конце 1919 г. была создана специальная Административная комиссия при ВЦИК.

На первый взгляд, это решение не имеет отношения к чувашскому национальному движению, так как ни о каком национально-территориальном выделении чуваша и не помышляли. Действительно, зачем беспокоиться, если правительство РСФСР уже фактически признавало право чувашского народа на национальное самоопределение в национально-культурном русле и не ограничивало чувашские культурные автономии в установлении экстерриториальных связей между собой на территории всего Волжско-Уральского региона. Для наглядности вспомним, что в течение всего 1919 г. Чувотдел при поддержке Наркомнаца РСФСР открыл свои подотделы не только в Казанской и Симбирской, но и в Уфимской, Самарской и Саратовской губерниях¹³². Через эти подотделы шло финансирование культурно-просветительских нужд чувашского населения за счет государства – это основа культурной и экстерриториальной автономии. Так что пусть создается новое административное деление страны, а уже потом можно решить, как экстерриториально связать чувашские учреждения всей России. Как мы уже говорили выше, у чувашского движения, по крайней мере с 1917 г., была своего рода «навязчивая идея» о том, чтобы все разбросанные чувашские культурные автономии на территории Волжско-Уральского региона попали бы в рамки одного административно-территориального субъекта РСФСР. И этим субъектом, по мнению «команды Эльменя», должна была стать ТБСР, в которой Чувотдел стал бы единственной центральной организацией чувашского народа, при этом непосредственно подчиняясь Совнаркому РСФСР.

Вспомним предысторию вопроса. Так, в конце 1917 г. демократически настроенные чувашские лидеры согласны были войти в единый парламентский Волжско-Уральский штат на правах полноценной культурной и экстерриториальной автономии. После того как мусульмане проигнорировали чувашские требования и отказались включить чувашские уезды Казанской губернии в границы штата, просоветские лидеры чувашей в феврале 1918 г. перешли на сторону Советов и стали горячими сторонниками Волжско-Уральской Советской Республики, которая так же соответствовала культурным и экстерриториальным требованиям. Потом в марте 1918 г. появился проект ТБСР, но без чувашских уездов Казанской и Симбирской губерний. Казанский КЧД сделал все, чтобы не сорвать его провозглашение. В мае 1918 г. мусуль-

мане пошли на уступки и включили в ТБСР традиционные чувашские уезды – Ядринский, Козьмодемьянский, Чебоксарский, Цивильский и Буинский¹³³. Но Общечувашский рабоче-крестьянский съезд в июне 1918 г., почувствовав «национальную силу», пошел дальше и выступил против названия «Татаро-Башкирская» республика, требуя, чтобы и в названии субъекта РСФСР не было изначального превалирования мусульманского элемента¹³⁴. Ситуация зашла в тупик, а затем в июле-августе 1918 г. этот вопрос был отодвинут из-за нашествия на Поволжье Народной армии Самарского Комуча.

В середине 1919 г. мусульманские лидеры перед Центральным правительством вновь поставили вопрос о ТБСР. Как указывал один из них – М.Султан-Галиев, первичную инициативу о возобновлении этого процесса проявили, к всеобщему удивлению татарских коммунистов, работники Чувотдела при Наркомнаце. Так, 29 ноября 1919 г., выступая на II-м Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, Султан-Галиев заявил следующее: «Когда я находился во 2-ой армии, (*т.е. в 1918 г. – С.Щ.*) самым ярким противником Татаро-Башкирской республики был представитель чувашей – старый партийный работник т. Эльмень. И вот по инициативе этого товарища состоялся в старой семинарии съезд-совещание ответственных работников чувашей, мордвы, вотяков и татаро-башкир, и на этом совещании вынесена была резолюция о необходимости основания Татаро-Башкирской республики ... эти лица сейчас нас за горло берут: давайте поскорее создадим республику»¹³⁵. М. Султан-Галиев в таком изменении чувашской позиции не видел ничего удивительного и объяснял это тем, «что они, составляя всюду меньшинство, не могут работать в советском аппарате и заявляют, что в советском аппарате за силье русских товарищей, которые совершенно не понимают наших интересов и в каждом нашем стремлении усматривают какие-то националистические и шовинистические цели»¹³⁶.

О каком совместном совещании идет речь? В архивных материалах чувашских учреждений и чувашской историографии о нем нет упоминаний. Однако сохранилась резолюционная часть этого совещания в фонде архива КГБ РТ, и она опубликована в татарских исследованиях. Согласно ей, совещание проходило 2 июля 1919 г. в Казани, от чувашей здесь присутствовали А.Д. Краснов и Д.С. Эльмень. На нем было принято постановление: «Разрешение

татаро-башкирского вопроса в форме создания татаро-башкирской территориальной советской республики вполне обеспечивает социально-экономические и политические интересы и других мелких народностей среднего Поволжья, как чувашей, мари, кряшен и др., предоставляя им возможность широкого активного участия в строительстве Советской власти»¹³⁷. Анализ этого документа говорит о том, что летом 1919 г. было принято компромиссное решение: чувашаи дают согласие на создание ТБСР, а мусульмане со своей стороны обязались, что в республике будут реализованы все основные принципы чувашской культурной автономии на всей ее территории. Напомним, что ТБСР территориально охватывала весь основной ареал расселения чувашей по Волжско-Уральскому региону. Так что в противовес прежнему решению общечувашского съезда в июне 1918 г. чувашские работники дали полное согласие на осуществление проекта в границах, утвержденных на московском совещании 16 мая 1918 г.¹³⁸

Можно возразить: это мнение только двух чувашских лидеров, а остальные были против. Так, в чувашской историографии нередко указывается, что чувашские лидеры в конце 1919 г. были категорически против образования ТБСР и вхождения в нее чувашского народа. При этом ссылаются только на решение съезда чувашских коммунистических ячеек *Симбирской губернии*, который состоялся в декабре 1919 г.¹³⁹ Однако эти, как впрочем и остальные исследователи, ничего не говорят, что диаметрально противоположное решение было принято на первом *Всероссийском съезде* чувашских коммунистов в феврале 1920 г.¹⁴⁰ Протоколы этого съезда наглядно свидетельствуют о том, что сеть Чувашских трудовых коммун планировалось образовать в составе ТБСР с включением всех чувашских уездов в рамках границ ТБСР, утвержденных на майском совещании 1918 г.¹⁴¹

Возникает вопрос, почему появляется эта двусмысленность в чувашских материалах и недоговоренность в последующей историографии? Объяснением может быть следующий факт: 13 декабря 1919 г. специальное совещание Политбюро ЦК РКП(б), на котором присутствовал В.И. Ленин, постановило, что ввиду протеста башкирских коммунистов на предмет вхождение в ТБСР, «декрет Наркомнаца от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской Советской Республике отменить. Предложить членам партии не вести в дальнейшем агитацию за Татаро-Башкирскую республику»¹⁴². Однако группа М. Султан-Галиева длительное время отказывалась признавать

это решение¹⁴³, борьба за ТБСР длилась вплоть до новой встречи с В.И. Лениным 22 марта 1920 г., на которой Ленин обосновал татарским коммунистам неправомерность их притязаний на башкирские территории¹⁴⁴. Ранее нами было сделано предположение о том, что А.Д. Краснов в начале марта 1920 г. был командирован в Москву именно по этому вопросу и вернулся с сообщением, что у ТБСР нет перспектив и что чувашским работникам необходимо действовать самостоятельно, не рассчитывая на поддержку мусульман.

После анализа происходивших в регионе событий вернемся к поставленному вопросу. Так почему же чувашских деятелей «обеспokoило» решение VII-го Всероссийского съезда Советов, вследствие чего сразу после окончания съезда на рубеже 1919-1920 гг. появилась знаменитая докладная записка Д.С. Эльменя во ВЦИК о желании чувашей выделиться в самостоятельную национальную административную единицу в виде Чувашской трудовой коммуны? Зачем нужна была эта поспешность, ведь можно было спокойно дождаться решения судьбы ТБСР и уже на этом основании выявить будущие контуры чувашской культурной автономии?

Записка от Чувотдела была необходима для того, чтобы впредь, когда будет решаться вопрос об административно-хозяйственном делении Волжско-Уральского региона, вопрос не решался сепаратно, без должного учета мнения чувашского населения. Д.С. Эльмень в апреле 1918 г. как представитель ЧЛСК и Казанского КЧД уже участвовал в совещании по вопросу образования ТБСР и на личном опыте знал, как осуществляется «большая политика», и то, как мало значат на таких совещаниях мнения отдельных национальных учреждений¹⁴⁵. Во избежание подобной ситуации необходимо было, чтобы чувашей представлял работник не Наркомнаца РСФСР, а организации более высокого уровня, например, Чувашской трудовой коммуны.

Стоит обратить внимание на характер докладной записки, из которой видно, что ее автор рассчитывал на скорейшее разрешение вопроса, буквально в течение нескольких дней. Поэтому в записке ни о каком утверждении «Положения о Чувашской трудовой коммуне» на общенациональном съезде речь не идет, а «волю чувашского пролетариата» выражал только Чувотдел в виде его заведующего¹⁴⁶. То есть, для того чтобы коммуна чувашей была утверждена, по мнению Д.С. Эльменя, было достаточно обоснованной докладной записки. Не исключено, что ВЦИК так и поступил бы, поскольку в то время только продолжался процесс формиро-

вания основ государственного устройства Советской России. Но планы смешала отличная от позиции Д.С. Эльменя точка зрения чувашских лидеров Симбирской губернии, которые были не против Чувашской трудовой коммуны, но были категорически против вхождения в ТБСР, и потому в то же время, в декабре 1919 г., обратились в правительство РСФСР со своим предложением о сохранении в стране унитарной системы¹⁴⁷. В связи с тем, что «казанские» и «симбирские» чувашские работники по-разному смотрели на то, в какой крупной административно-территориальной единице будет эта самая трудовая коммуна, то неудивительно, что ВЦИК предложил Д.С.Эльмену «доработать» вопрос на Всероссийском чувашском съезде чувашских коммунистов в феврале 1920 г.

Еще один немаловажный и интересный аспект: а какие еще «крупные административно-хозяйственные единицы», альтернативные ТБСР, на рубеже 1919–1920 гг. планировалось организовать на территории Волжско-Уральского региона. Таковых было еще два варианта. Первый, опять-таки промусульманский, но инициаторами его уже были коммунисты Туркестана, однако при определенных условиях для чувашей вполне приемлемый. В январе 1920 г. на V-й краевой конференции Компартии Туркестана председателем Краевого мусульманского бюро Т. Рыскуловым была выдвинута идея создания огромной по размерам Тюркской республики. Этот проект получил название «Великий Туран», и в него среднеазиатские мусульмане приглашали все тюркские народы России, в том числе и немусульман – чувашей и якутов¹⁴⁸. Впоследствии при рассмотрении этой очередной мусульманской инициативы ЦК РКП(б) отклонил данный проект, так как в нем четко просматривалось стремление Турции взять под свой контроль «российских» мусульман¹⁴⁹.

Второй вариант в начале 1920 г. был более реалистичный: волжские татары создадут собственную Татарскую Республику, но с минимальным включением территорий с немусульманским населением, а остальные («чувашские» уезды Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерний) останутся в единой, т.е. унитарной Советской России. Так собственно и произошло, когда 27 мая 1920 г., вопреки ожиданиям татарских коммунистов, в состав Татарской АССР не были включены «спорные» уезды Уфимской губернии – Стерлитамакский, Уфимский, Бирский и Белебеевский¹⁵⁰, в которых также было немало чувашского населения. Недостатком этого варианта для чувашей было бы то, что чувашское население Спасского и Чистопольского уездов окажутся в Татарии. Это наносило большой урон идеи экс-

территориальной автономии чувашей, но в начале 1920 г. он еще не виделся трагичным. Чувашские лидеры вынесли превентивное решение: надо срочно по всей территории Волжско-Уральского региона создать сеть чувашских трудовых коммун, в том числе и на территории, предполагаемую под татарскую автономию. Даже если и создадут отдельную Татарскую республику, то коммуны по национальным вопросам будут подчиняться Чувотделу, структурному подразделению Совнаркома РСФСР, а не Совнаркому Татарской республики.

Выяснив, в связи с чем появилась докладная записка Д.С. Эльменя во ВЦИК, раскроем смысл, который вкладывался в понятие «Чувашская трудовая коммуна», а также объясним, почему этот проект изначально носит экстерриториальный характер. Как указывалось выше, это понятие фактически не подразумевало политического, идеологического и пропагандистского аспектов, как в случае с немецкой и карельской «трудовыми коммунами». Оно имело преимущественно экономический и сельскохозяйственный характер, что ближе традиционному пониманию этого слова. Помимо многочисленных трактований первоначальный смысл слова «коммуна» означает «коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда» (от франц. *commune* – общий¹⁵¹). Для чувашского народа было характерно сохранение традиционных общин, которые, как указывалось ранее, к 1917 г. составляли подавляющее большинство в сравнении с отдельными единоличными хозяйствами. Чувашское национальное движение ранее всегда пыталось всячески сохранить чувашскую общину как первичную ячейку культурной автономии, а здесь само советское правительство предлагало сделать то же самое, надо лишь слово «община» заменить словосочетанием «трудовая коммуна», а затем все чувашские общины-коммуны слить в одну общую чувашскую общину, т.е. в «Чувашскую трудовую коммуны».

Если подбирать другие аналоги слова «коммуна», то из советского времени этому слову более соответствует слово «колхоз», т.е. коллективное хозяйство «добровольно объединившихся крестьян для совместного ведения крупного социалистического сельскохозяйственного производства на основе общественных средств производства и коллективного труда»¹⁵². А в чувашском случае, применительно к периоду и к докладу Д.С. Эльменя, более подходит слово «совхоз», т.е. тот же колхоз, но более крупный и, согласно определению, «базируется на государственной (общена-

родной) социалистической собственности на землю и др. средства производства; работают на хозяйственном расчёте, регламентируют свою деятельность Положением о социалистическом государственном производственном предприятии; имеют устав, самостоятельный баланс, пользуются правами юридического лица»¹⁵³.

Если посмотреть на докладную записку от 3 января 1920 г., то видно, как Д.С. Эльмень представлял значение и сущность «трудовых коммун». Становится понятно, что он имеет в виду исключительно культурные и экономические, а не политико-идеологические задачи: «Коммуна ... могла бы обслуживать культурные нужды, ... делиться на районы, которые почти все совпадают с районами райпродкомов, т.е. при делении на районы принимается во внимание, что они представляют из себя экономические единицы со своими центрами»¹⁵⁴. Когда в докладе говорится о территории, речь идет не о национально-территориальной автономии, а о национально-культурной автономии чувашских общин (т.е. коммун) на территории унитарной части Советской России. Согласно записке, что очень важно, административной единицей является не территория (т.е. территориальный принцип), а чувашский народ (т.е. культурный принцип). И пусть не смущают исследователей диссонансные с экстерриториальным тоном всей записки заключительные строки доклада, что «части Казанской и Симбирской губерний, населенными чувашами, выделить эту территорию в особую административную единицу». Эта фраза предназначена была работникам Административной комиссии при ВЦИК для того, чтобы при планировании будущего административно-хозяйственного деления страны не отдавали эти территории в распоряжение иных «вновь организуемых крупных административных единиц» без ведома руководства Чувашской трудовой коммуны. Здесь ни в коем случае не идет речь о территориальной автономии, так как Д.С. Эльмень не просил наделить эту территорию и ее население автономными правами, а просил закрепить эту территорию за чувашской культурной автономией без права на эту землю, а только для использования, т.е. земля российская, на которой проживает и работает чувашская культурная автономия.

Такое понимание вопроса ни в коей мере не противоречило традиционному чувашскому миропониманию, так как на протяжении столетий чуваша жили своей культурной автономией экстерриториального характера на территории, которая номинально считалась государственной, или царской. Напротив, такое положе-

ние было в то время весьма выгодно, и это являлось сутью чувашской национальной программы решения национального вопроса.

Для чего нужны такие хитросплетения? Очень просто: если создать автономную область или республику, то тогда эта территория отходит в введение автономии и население должно заниматься самообеспечением. Это очень выгодно, например, многоземельным башкирам, для чувашей с их катастрофическим малоземельем это движение по пути «духовного и физического вырождения». А если поступить, как предложено в докладе Д.С. Эльменя о трудовой коммуне, построенной по этническому принципу, то есть формально просить российское правительство о дополнительном выделении земель на чувашскую общину, т. е. трудовую коммуну, как вблизи ее, так и на других плодородных и многоземельных территориях, например, Приуралье. Вспомним, что это типичный план чувашского движения 1917 г.

В контексте вышеизложенного важно подчеркнуть следующий нюанс. Ранее мы говорили, что Д.С. Эльмень и его сподвижники были сторонниками вхождения Чувашской трудовой коммуны в ТБСР. В таком случае возникло бы двойное подчинение – правительству ТБСР и ВЦИК. Это было выгодно, так как на правительство ТБСР были возложены основные экономические функции, а подчинение ВЦИК было нужно, чтобы защищать интересы культурного характера для чувашского населения при подавляющем превалировании в республике мусульман. Впоследствии именно такие экстерриториальные амбиции «переродившийся» в коммуниста Д.П. Петров-Юман характеризовал как «абсурдность» и «желание усидеть на двух стульях»¹⁵⁵. Хотя это было сказано им применительно к 1918 г., но вполне может быть отнесено и к рубежу 1919-1920 гг. Причина такой избирательности указана в разделе с анализом историографии.

Как развивались события в течение первого полугодия 1920 г. по вопросам образования Чувашской трудовой коммуны - вопрос отдельного исследования. Здесь же разберем причину, почему все-таки состоялось решение не о Чувашской «трудовой коммуне», а о «Автономной области». Объясняя, почему было решено именно так, как правило, ссылаются на воспоминания В.А. Алексеева. Согласно этим воспоминаниям, В.И. Ленина не устроило название «коммуна», которое, якобы, не было понятно чувашскому крестьянству, он предложил образовать сразу Чувашскую Республику. Однако Д.С. Эльмень возразил и буквально сообщил следующее: «Слово республика понимается как отделение от РСФСР, тогда как чувашаи, Владимир Ильич, хотят быть только в составе Российской

Федерации, и, к тому же для образования республики среди чуваш пока нет достаточного количества подготовленных кадров»¹⁵⁶. Другой участник тех событий, С.А. Коричев, трактует так: Д.С. Эльмень отверг республику, так как «республика – это понятие устаревшее и напоминает дискредитировавшую себя буржуазную республику», и настаивал на том, что слово «коммуна» приближает чувашей к коммунистическим идеалам¹⁵⁷.

Подобные «софистские» обоснования не выдерживают критики и появились, на наш взгляд, вследствие желания прикрыть «неприглядные», с большевистской точки зрения, экстерриториальные амбиции. Для убедительности напомним, что в это же время (в июне 1920 г.) В.И. Ленин дал «добро» на создание Карельской трудовой коммуны. Разве карелам были больше понятны коммунистические идеалы? К тому же, по мнению исследователей создания Карельской трудовой коммуны, идеолог советской Карелии Э.А. Гюллинг предпочитал идею образования сразу Карельской республики¹⁵⁸. Получается, что «коммуна» им была «навязана». Сомнительным нам видится и утверждение, что от республики отказались в связи с недостатком «подготовленных кадров». В то время немногие народы обладали соответствующими национальными кадрами, но это не стало основанием для отказа от республики. Что изменилось всего за два года, если вдруг сам Д.С. Эльмень стал горячим сторонником преобразования ЧАО в ЧАССР?

На наш взгляд, со времен первого съезда малых народностей Поволжья в мае 1917 г. тезис о неготовности чувашей к «политической» автономии есть отражение стандартной риторики чувашского национального движения с целью убедить центральное правительство дать чувашам только культурную и экстерриториальную автономию.

Анализируя имеющиеся воспоминания, историографию и сохранившиеся архивные материалы, можно сделать вполне однозначный вывод. От республики отказались, так как такая форма автономии имеет ярко выраженный территориальный характер, а на слове «коммуна» настаивали, так как это понятие совершенно не исключает экстерриториальные принципы взаимосвязи с другими трудовыми коммунами чувашей, лежащими на значительном удалении друг от друга.

Согласно воспоминаниям В.А. Алексеева, название «область» предложил В.И. Ленин и спросил: «Нет возражений?»¹⁵⁹. В.И. Ленин

был опытным человеком в политической риторике и терминах и предложил новую конструкцию национальной автономии, которой еще не обладала Советская Россия, – национальная «автономная область». Чувашские представители были вынуждены согласиться, так как у них не было «контраргументов» против этого, возражений не прозвучало. Прозвучали они впоследствии, когда чувашские деятели поняли, что «компромиссная» система «автономной области» в изменившихся условиях первой половины 1920-х гг. во всей России совершенно нежизнеспособна.

Итак, рассмотрим, в какой ситуации оказалось чувашское национальное движение после объявления чувашской национально-территориальной автономии в виде Чувашской АО. Это был поистине «компромиссный» вариант, так как он «не ставил крест» на чувашских культурных и экстерриториальных притязаниях, но в практических реализациях навязывал территориальный вариант решения национального вопроса для чувашского народа.

Для начала выясним: неужели В.И. Ленин был настолько противником культурных и экстерриториальных идей чувашского народа. На наш взгляд, не был. Когда он предложил «область» вместо «коммуна», он решал задачи общегосударственного масштаба, учитывая интересы всех народов РСФСР. Думается, в тот момент он беспокоился о симпатии революционным идеям татарских коммунистов, которые немало были разочарованы тем, что к Татарской АССР не были присоединены уезды Уфимской губернии. Если кроме этого лишить Татарскую АССР еще и Спасского и Чистопольского уездов, выделив их как часть Чувашской Трудовой Коммуны, то это может надолго оттолкнуть татарских лидеров, а это очень нежелательно с точки зрения мировой революции на мусульманском Востоке. Чувашам и так были сделаны значительные уступки, когда уезды Уфимской губернии, в которых проживало довольно многочисленное чувашское население, не были отданы в введение Башкирии или Татарии, оставаясь при этом в составе единой Советской России или, говоря другими словами, «Русской республики», бытовал в то время такой термин. Такое положение не лишало формальных прав Чувотдела при Наркомнаце проводить свою экстерриториальную работу в других губерниях России.

Дальнейшее развитие чувашского национального движения во второй половине 1920 г., с нашей точки зрения, можно охарактеризовать как политическую авантюру, но только в лучшем по-

нимании этого слова. Ставки были сделаны сразу на два варианта – территориальный и экстерриториальный. И это, кстати, под едином руководством Д.С. Эльменя. В одних документах – исключительно национально-территориальная автономия, в других – культурная и экстерриториальная. Результат такой политики тоже был двойственный: в некоторых вопросах немалые успехи, в некоторых – разочарования и обманутые надежды. Первый вектор направления довольно хорошо изучен, не будем на нем останавливаться. Второй представляет большой интерес и в историографии практически не освещен. Отметим два основных элемента.

Во-первых, руководство Чувотдела при Наркомнаце всячески оттягивало реализацию постановления ВЦИК от 19 мая 1920 г. о реорганизации структуры Наркомнаца, по которому предполагалось, что на базе национальных отделов возникнут национальные представительства, которые «становятся во главе соответствующих отделов Наркомнаца» и будут представлять свое «автономное правительство»¹⁶⁰. Соседние марийцы, например, организовали свое представительство 31 августа 1920 г.¹⁶¹, т.е. задолго до образования своего марийского автономного правительства в январе 1921 г. Анализ действий других представительств Наркомнаца показывает, что все остальные народы в кратчайшие сроки, т. е. месяц-другой, после создания своей автономии организовали эти представительства¹⁶². Чувотдел применял дипломатическую риторику и использовал свой прежний авторитет, чтобы не делать этого. Впоследствии только 18 июля 1921 г. это представительство фактически принудительно было образовано¹⁶³. Почему? Представительство осуществляет исключительно национально-территориальный принцип, т. е. может представлять только Чувашскую АО. А что же делать «внеобластным» чувашам и как тогда реализовать стратегический план культурной автономии экстерриториального характера? Рассмотрим второй аспект.

Идеальным индикатором раздвоенности политики руководства Чувотдела и Ревкома ЧАО являются протоколы и резолюции двух чувашских съездов, которые прошли один за другим в Чебоксарах. Сначала состоялся Первый Областной съезд Советов Чувашской АО 7-11 ноября 1920 г., в его отчеканенных протоколах и резолюциях практически невозможно найти каких-либо намеков на экстерриториальные амбиции – только национально-территориальный принцип¹⁶⁴. 11 ноября, как только закончился данный съезд,

вечером открылся другой съезд с совершенно иным направлением – Второй Всероссийский съезд Советов среди чуваш, на котором обсуждались исключительно экстерриториальные вопросы в духе решений 1918–1919 гг., причем факт образования ЧАО там рассматривался только как первоначальный этап будущей чувашской культурной автономии. 12 ноября 1920 г. съезд принял единственную резолюцию о реорганизации деятельности Чувотдела при Наркомнаце. Этой резолюции необходимо уделить некоторое внимание.

Вопреки указанному постановлению ВЦИКа на образование Представительства ЧАО при Наркомнаце он создано не было. Поступили по-иному: сохранили Чувотдел, несколько изменив структуру его руководства - создав коллегия из трех работников. Сам Чувотдел должен был перебраться в Чебоксары и стать координирующим центром всего чувашского населения РСФСР. Один из членов коллегии должен всегда находиться в Москве при Наркомнаце «для непосредственной связи с ним и проведением тех или других мероприятий среди чуваш. Член Коллегии Центрального Чувотдела, находящийся при Наркомнаце, выполняет также функции Председателя Представительства ЧАО»¹⁶⁵. То есть он в Москве будет отстаивать культурные и экстерриториальные права всего чувашского народа и исполнять функции председателя представительства, но само представительство ЧАО со своей структурой, предписанной ВЦИК, не создавалось. А для чего тогда члена коллегии наделять данными функциями? А для того, чтобы он имел право входить в Совет Национальностей – законодательный орган Наркомнаце РСФСР. Фактически до июля 1921 г. эту функцию исполнял заместитель заведующего Чувотделом Е.Ф.Фадеев¹⁶⁶, а не сам заведующий Д.С. Эльмень. В тройку коллегии был также введен представитель от «внеобластных» чувашей, редактор уфимской чувашской газеты «Херле Урал» С.А. Тарасов-Ухик¹⁶⁷, что на корню подрывало суть постановления ВЦИК. Разумеется, что подобное «представительство» Чувашской АО Центральное правительство утвердить не могло, но все же уступило – 20 января 1921 г. постановлением ВЦИК Коллегия Чувотдела при Наркомнаце из трех человек была утверждена¹⁶⁸.

Таким образом, согласно такой политике на базе Чувашской АО создавалась двойная структура власти, сочетающая в себе два разнородных принципа – национально-территориальный и национально-культурный (экстерриториальный). Причем экстерриториальная помощь «внеобластным» чувашам была не только по

линии чисто культурной и экономической помощи. Д.С. Эльмень в своем выступлении на съезде 12 ноября 1920 г. заявил следующее: «Мы должны прийти к тому выводу, что на местах, где чувашское население живет более или менее компактно, где население к Области не примыкает, создавать необходимо административные единицы, будь то волости, уезды и даже губернии... об этом мы слышим из докладов с мест, а также сама жизнь подсказывает эту необходимость»¹⁶⁹. Выше эта политика была охарактеризована как политический авантюризм. К такому выводу мы приходим на том основании, что подобная стратегия действительно перспективна, обоснованна и вполне достижима, к тому же центральное правительство неоднократно шло на уступки чувашским требованиям. Однако все это достигалось путем чрезвычайного перенапряжения во многих сферах жизни чувашского общества и в его взаимоотношениях с российским руководством. Выделим три, на наш взгляд, наиболее важных обстоятельства.

Первое. Центральное правительство РСФСР должно учитывать интересы не только отдельной нации, но всех одновременно, и для этого стремиться к выработке универсальных основ государственного устройства. Национальная политика РКП(б) с самого начала последовательно базировалась на территориальном принципе, и он устраивал подавляющее большинство наций, проживающих в Советской России. Следуя этому подходу, в чувашском случае правительство должно было санкционировать организацию представительства после создания административных единиц «уфимских», «симбирских», «самарских» чувашей, а также представительства чувашей, находящихся на территории Башкирской, Татарской республик и других регионов страны. Возможно, они бы на это пошли и создали бы в Представительстве ЧАО при Наркомнаце в Москве отдельные секции данных регионов. Пожалуй, это наиболее адекватный вариант для того, чтобы учесть общероссийские и чувашские интересы. Но руководство Чувотдела считало по-другому, оно хотело большей самостоятельности и настаивало на том, что центральное чувашское руководство всеми чувашами должно быть не в Москве, а в Чебоксарах или Канаше. На такое «живое творчество народных масс» правительство и, в частности его председатель В.И. Ленин, откликнулись с должным пониманием. Но тут возникает важный вопрос: а как будет происходить финансирование из государственного бюджета таких экс-

территориальных национальных начинаний, кто будет решать: сколько и куда нужно – Москва или Чебоксары? Трудно сказать, как развивались бы дальнейшие события, но возникло следующее обстоятельство, о котором необходимо упомянуть.

Это обстоятельство связано с необходимостью формирования у центрального правительства положительного мнения о готовности чувашского народа отдать все силы за победу мировой революции. Сторонникам Д.С. Эльменя это было необходимо для того, чтобы руководство страны и далее благожелательно смотрело на чувашские проекты культурной автономии. В частности, выразилось это в навязчивом стремлении не только выполнять, а перевыполнять поставленные партией задачи. Так, по оценкам специалистов, руководству ЧАО были даны явно завышенные нормативы по государственной разверстке хлеба¹⁷⁰. Руководство Чувашской АО во второй половине 1920 г. его не только выполнило, а перевыполнили почти на 121,22%¹⁷¹. В результате этого в январе 1921 г. изможденное поборами крестьянство Чувашии поднялось на крупное и кровопролитное крестьянское восстание, которое пришлось усмирять с применением карательных отрядов Красной Армии¹⁷². Восстание быстро усмирили, центральное правительство не особо акцентировало на нем внимание, так как подобные восстания носили повсеместный характер. Но этим обстоятельством незамедлительно воспользовались старые оппоненты Д.С. Эльменя в самом же чувашском национальном движении. Их деятельность поставила точку на самой возможности дальнейшей реализации чувашской культурной автономии экстерриториального характера, которую мы охарактеризовали как «проект Эльменя».

В предыдущих разделах мы неоднократно упоминали, что с начала XX в. в чувашском национальном движении было несколько культурно-национальных центров, среди которых два наиболее многочисленных и развитых, симбирский и казанский, постоянно конкурировали и соперничали. Разница между ними была не только территориальная, но и во взглядах на основы чувашской автономии. Симбирский центр традиционно придерживался классической школы культурно-национального развития И.Я.Яковлева, но без мессианского уклона. Казанский центр считал важным участие в политических мероприятиях общероссийского масштаба и отличался большей революционностью. Политика «казанцев» А.Д. Краснова в 1918 г., а в 1919–1920 гг. и Д.С. Эльменя

привела к тому, что «революционными» методами они принудили симбирских соратников, которых они считали сепаратистами и саботажниками¹⁷³, участвовать в общечувашских мероприятиях. В руководстве Чувотдела при Наркомнаце их позиции были заведомо проигрышными, так как революционный авторитет Д.С. Эльменя был очень высок и на нем фактически держалось все основное национальное движение того времени. Однако выделение весной 1919 г. из сферы Наркомнаца подотдела Культуры и Просвещения и передача его в ведение Наркомпроса привело к тому, что в итоге это чрезвычайно важное в чувашском движении учреждение оказалось в руках симбирцев. Так, в мае 1920 г. на должность председателя Чувашского бюро при Наркомпросе РСФСР был поставлен последовательный оппонент Д.С. Эльменя – представитель симбирской группы Ф.Н. Сергеев. Он впоследствии, во второй половине 1920 г., находясь на данной должности, повел непримиримую борьбу с линией Д.С. Эльменя уже в Москве. Точка разрыва обозначилась в вопросе о том, кто должен экстерриториально управлять всеми чувашами: Руководство ЧАО и Чувотдела при Наркомнаце (т. е. «команда Д.С. Эльменя») или Чувашский подотдел Наркомпроса (т. е. Ф.Н. Сергеев и его симбирские соратники). В своих документах сторонники Ф.Н. Сергеева настаивали на том, что руководство ЧАО должно подчиняться им, а не наоборот¹⁷⁴.

Появились у Д.С.Эльменя и другие противники. Напомним, согласно решению первого всероссийского съезда чувашских коммунистов Ф.Н. Сергеев и другой деятельный «симбиряк» Г.С. Савандеев должны были войти в пятерку членов Ревкома ЧАО¹⁷⁵. Вместе с остальными тремя «казанцами» Д.С. Эльменем, С.А. Коричевым и В.А. Алексеевым они должны были представлять паритетное соотношение между этими центрами. Но по требованию центрального правительства РСФСР в него были введены два русских коммуниста Чебоксарского уезда - И.А. Крынецкий и Я.П. Соснин¹⁷⁶. Причем введены в состав Ревкома они были за счет исключения из него указанных «симбиряков». Кроме того, С.А. Коричев, отличавшийся самостоятельностью решений, так же был заменен на более лояльного к Эльменю Л.М. Лукина.

На Втором Всероссийском съезде Советов среди чуваш 12 ноября 1920 г. заведующий Чувотделом Д.С. Эльмень в ходе доклада о деятельности Чувотдела остро обозначил политику Симбирского подотдела Чувотдела при Наркомнаце, которым руководил Г.С. Савандеев,

как саботажную и срывающую дальнейшее развитие чувашского проекта¹⁷⁷. В таком же духе он отозвался и о деятельности Чувашского бюро при Наркомпросе под руководством Ф.Н. Сергеева. Оба они, по словам Д.С. Эльменя, «вырабатывают методы борьбы с Чувашским Отделом». Все это он оценил как происки чувашской интеллигенции и заверил, что «в будущем мы должны будем этих деятелей взять в свои руки и заставить делать по указанию нас, коммунистов»¹⁷⁸.

Что происходило во второй половине 1921 г., довольно хорошо описано в современной историографии, поэтому подробно на этом останавливаться не будем¹⁷⁹. Отметим, что в ходе острой внутренней борьбы на чувашских областных и партийных конференциях Д.С. Эльмень и его сторонники В.А. Алексеев и Л.М. Лукин были сняты со всех центральных постов, к руководству пришли эльменевские оппоненты С.А. Коричев и Г.С. Савандеев. Как правило, это трактуется как личностный или блоковый конфликт, но здесь на наш взгляд подоплека глубже: это был конфликт «проекта Эльменя» и нового проекта - «симбирского проекта». Последний со временем в значительной степени отошел от экстерриториальных идеалов прежних проектов и заключался в том, чтобы создать «Большую Чувашию» за счет включения значительной части Симбирской губернии в состав Чувашской и перенести столицу в Симбирск, т. е. создание классической национально-территориальной автономии.

* * *

Таким образом по третьему разделу мы пришли к следующим выводам:

1) происхождение «проекта Чувашской трудовой коммуны» носит автохтонный и самобытный характер, имеющий корни в недрах традиционного чувашского миропонимания и отражающий многовековые чаяния народа. Вопреки распространенному мнению, мы считаем, что данный проект имеет минимальное отношение к немецкой автономии (Трудовая коммуна области немцев Поволжья), так как у них изначально разные сущности: у немцев Поволжья преобладает национально-территориальный аспект, в то время как у чувашей – экстерриториальный. Кроме того, чувашский проект совершенно не имеет отношения к Карельской трудовой коммуне, так как ее проект

был разработан гораздо позднее, чем чувашский;

2) «проект Чувашской трудовой коммуны» является типичным проектом чувашской культурной автономии экстерриториального характера с незначительным сочетанием территориальных аспектов. Согласно докладной записке Д.С. Эльменя в ВЦИК от 3 января 1920 г. речь шла исключительно о национальной автономии, а территории испрашивались только для использования, но не владения и самоуправления на них. Смысл записки фактически состоит в том, чтобы чувашские общины наделить особым статусом национальной «коммуны» и получить разрешение на прежних условиях использовать свои традиционные земли.

Чувашская трудовая коммуна не была утверждена не из-за того, что правительство РСФСР не устроило слово «коммуна», как это зачастую трактуется в историографии, а из-за неприемлемости ее экстерриториальной сущности. Согласие Д.С. Эльменя на наименование чувашской автономии Чувашская Автономная область носило вынужденный характер, чтобы в некоторой степени сохранить экстерриториальную сущность чувашской автономии;

3) дальнейшее развитие идей и проектов после июня 1920 г. было очень затруднительно, так как правительство РСФСР «вгоняло» чувашскую автономию в территориальные рамки. Для этих целей оно использовало:

- во-первых, разногласия внутри чувашского руководства (противостояние «блока Эльменя» и «блока Коричева»);

- во-вторых, фактически принудительная ликвидация Чувашского отдела при Наркомнаце с экстерриториальным и всероссийским статусом, а так же навязывание открытия в Москве Представительства Чувашской АО только с национально-территориальным статусом.

- в-третьих, давление через размеры оказания экономической помощи Чувашской АО для преодоления последствий голода 1921 г.

В результате Д.С. Эльмень весной-летом 1921 г. в Чувашии был отстранен от всех руководящих постов и «отправлен на коммунистическую работу» в Сибирь. Только после этого дальнейшего развития Чувашии пошло преимущественно по национально-территориальному пути развития, и уже в 1921 г. стал подниматься вопрос о необходимости преобразования области в автономную республику. Вопрос о попытках возрождения некоторых экстерриториальных элементов в 1920-1930-ые гг. носил эпизодический характер, их исследование выходит за рамки нашей работы.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Некоторые из них: Артемьев С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917-1918 года. Чебоксары, 1965; Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары, 2010; Изоркин А.В. Иккеш «Хыпар». «Хыпар» кенеки. №22/2, Чебоксары, 1997; История Чувашии в новейшее время. Книга 1 (1917-1945). Чебоксары, 2001; Кузнецов И.Д. Предыстория Советской Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 35-94.; Леонтьев А.П. Провозвестник чувашской печати. К 100-летию первой национальной газеты // Лик Чувашии. 2005. № 4. С. 86-154; 2006. №1. С. 66-155; Немцева Т.В. Некоторые особенности становления чувашского национального движения // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект: Сборник научных трудов. Чебоксары, 2003. С. 168-182.

2. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы истории национального вопроса в России и СССР в XX в. Т.3. М., 1930. С. 414,421.

3. Первое общее Собрание представителей мелких народностей Поволжья // Съезды народа мари. 1917-2004 гг. Йошкар-Ола, 2008. С. 14.

4. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским Национальным Съездом состоявшимся в г.Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск. 1917. С. 2.

5. Первое общее Собрание представителей мелких народностей Поволжья // Съезды народа мари. 1917-2004 гг. Йошкар-Ола, 2008. С. 14.

6. Там же. С. 14.

7. Там же. С. 10.

8. Там же.

9. НСБ ГИА ЧР. Рукопись воспоминаний С.Н. Николаева. С. 394.

10. Александров Г.А. Алюнов – лидер революционно-национального движения // Чувашия интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2006. С.165.

11. Первое общее Собрание представителей мелких народностей Поволжья // Съезды народа мари. 1917-2004 гг. Йошкар-Ола, 2008. С. 12.

12. Там же С. 11.

13. Петров Д.П. Чувашия. Историко-политический политический и социально-экономический очерк. Москва, 1926. С. 62,63.

14. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы истории национального вопроса в России и СССР в XX в. Т.3. М., 1930. С. 294,315; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань. 2008. С. 175,176.

15. «Знамя революции» от 26 ноября 1917. №21. С. 2.

16. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским Национальным Съездом, состоявшимся в г.Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск. 1917. С. 5.

17. Там же. С. 3-7.

18. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Выпуск XIII. 1909. С. 84; Артемьев С.А. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары, 1972. С. 50.

19. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским Национальным Съездом, состоявшимся в г.Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск. 1917. С. 8.

20. Петров Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань. 1921. С. 23.

21. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским Национальным Съездом, состоявшимся в г.Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск. 1917. С. 8.
22. Там же. С. 6.
23. ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
24. Национально-государственное устройство Башкортостана. Документы и материалы (1917-1925): Документы и материалы. Т.1. Уфа. 2002. С. 269-270.
25. Там же. С. 270-271.
26. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 4. Д. 191. Л.47,48.
27. Национально-государственное устройство Башкортостана. Документы и материалы (1917-1925): Документы и материалы. Т.1. Уфа. 2002. С.273,274.
28. Там же. С.274.
29. Там же.
30. Татарская энциклопедия. Т.3. Казань, 2006. С. 350,351.
31. ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 4. Д. 191. Л.48.
32. Там же. Д.210. Л.104,105; Упрочение Советской власти в Татарии (Октябрь 1917-июль 1918) Сборник документов и материалов. Казань. 1964. С. 85.
33. ГИА ЧР Ф. 499. Оп. 1. Д. 24. Л. 31об-32.
34. Например: Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 75,76; Петров И.Е. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1961. С. 133.
35. Изоркин А.В. От зарождения идеи самоопределения до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 21,22; Немцева Т.В. I Всечувашский военный съезд и проблема государственности чувашского народа // Сборник научных трудов ЧГПУ им.И.Я.Яковлева. 2000. Выпуск 8. С. 130; Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация Чувашей (1917-1920 годы) // Чувашский государственный вестник. 2007. №1. С. 25,26.
36. ГИА ЧР Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 24. Л. 29-31.
37. Там же. Л. 31об.
38. Там же. Д. 10. Л. 2.
39. ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 71. Л. 31,31об.
40. Изоркин А.В. От зарождения идеи самоопределения до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С.22; Клементьев В.Н. Национально-территориальная автономия / Чувашская энциклопедия. Т.3. Чебоксары, 2009. С.202.
41. Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация Чувашии (1917-1920 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. №1.С. 25.
42. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 24,25
43. Правда. 17 января 1918 г., №2; Павлов Я.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917-1925). Чебоксары. 1957. С. 82-83
44. НА РТ Ф. 983. Оп. 1. Д. 65. Л. 13; ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 67. Л. 11; Ф.Р-501. Оп. 1. Д. 2. Л. 38,39,42.
45. ГАСИ ЧР Ф. 1046. Оп. 4. Д. 191. Л. 34
46. Национально-государственное устройство Башкортостана. Документы и материалы (1917-1925): Документы и материалы. Т.1. Уфа. 2002. С. 94,95.

47. Алкин И. Доклад на II Всероссийском мусульманском военном съезде о деятельности Шура за 1917 г. // Ильяс Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы. Казань, 2002. С. 100-110.
48. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 24. Л. 62.
49. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. Москва, 1926. С. 67.
50. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.
51. Там же. Л. 18.
52. Андриянов Н.А. Толстяков К.А. Становление и упрочение власти в Татарии. Казань, 1967. С.26,27.
53. Мухарьямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. Казань, 1969. С.76-90.
54. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань. 2008. С. 181-184.
55. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 24. Л. 60.
56. Алкин И. Доклад на II Всероссийском мусульманском военном съезде о деятельности Шура за 1917 г. // Ильяс Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы. Казань, 2002. С.100-110.
57. ГИА ЧР. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 5. Л. 42; Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 30.
58. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С.273.
59. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 24. Л. 31,43,70об.
60. Там же. Ф. Р-501. Оп. 1. Д.3 Л.78; Ф. Р-499. Оп.1. Д.24. Л.79об.
61. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 285.
62. См. подробнее: Щербаков С.В. «Аслă Канаш» - альтернативная форма чувашской государственности // Вестник Чувашского госуниверситета. 2009. № 4. С.112-116.
63. Изоркин А.В. Чувашия в 1917-1920 гг. // История Чувашии новейшего времени. Книга 1. Чебоксары, 2001. С. 51.
64. Немцева Т.В. Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917-1925 гг.) Автореферат дисс.. канд. ист. наук. Ч., 2002. С. 20.
65. Павлов Я.К. О Чувашском Коммунистическом комитете // Советская Чувашия. 1959. 2 апреля; Кузнецов И.Д. К вопросу о национальном социализме и национальном коммунизме // Очерки истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 224-234; Артемьев С.А. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары, 1972. С. 284-310; Варюхин Г.А. О Чувашском левосоциалистическом комитете // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. Вып.2. С. 404-409.
66. Минеева Е.К. Из истории Чувашского отдела при Наркомназе РСФСР // Вестник Ленинградского университета. 1987. Выпуск 2; Ее же. Создание Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР // Вестник Ленинградского университета. 1988. Вып.4. С.75-78.
67. Клементьев В.Н. Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920-х гг. // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 26-27; Орлов В.В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX в. М., 2009. С. 125, 126.
68. Изоркин А.В. Губернский комиссар по чувашским делам. Краснов Александр Дмитриевич // Их имена останутся в истории. Вып.1. Чебоксары. 1993. С. 72;

Любимов В.Н., Можаров Г.Г. Инициатор образования Чувашской автономной области. Эльмень (Семенов) Данил Семенович // Они боролись за счастье народное. Вып.1. Чебоксары, 1980. С. 207.

69. ГИА ЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 401. Л. 6-14

70. Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 85; Артемьев С.А. Борьба против национализма в Чувашии в 1917-1918 годах. Чебоксары, 1967. С. 11-14.

71. Изоркин А.В. Чувашия в 1917-1920 годах // История Чувашии новейшего времени. Чебоксары., 2001. С.51; Минеева Е.К. Наркоманц РСФСР и становление автономии чувашского народа в 1918-1925 гг. Чебоксары. 2007. С. 49,51; Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары. 2010. С. 32.

72. Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 г.-1920г.) М. 1969. С. 93.

73. НА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 28; Национально-государственное устройство Башкортостана. Документы и материалы (1917-1925): Документы и материалы. Т.1. Уфа. 2002. С. 289,290.

74. Например: ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 17. Л. 11-12,14; Д. 27. Л. 28об.

75. Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация Чувашии (1917-1920 годы) // Чувашский государственный вестник. 2007. №1. С. 23-44.

76. Там же. С. 29.

77. Знамя революции. 20 марта 1918.

78. Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация Чувашей (1917-1920 годы) // Чувашский государственный вестник. 2007. №1. С.37.

79. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 70.

80. Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация Чувашии (1917-1920 годы) // Чувашский государственный вестник. 2007. №1. С.37.

81. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 70.

82. Шайдуллин Р.В. Казанская советская рабоче-крестьянская республика // Татарская энциклопедия. Т. 3. Казань, 2006. С. 58; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань. 2008. С. 201.

83. Далее все даты по новому стилю.

84. Кириллов В.К. Карл Янович Грасис. Чебоксары, 1969. С.77-79.

85. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 287,288.

86. Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. Сборник материалов. Казань, 1933. С.20.

87. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 288.

88. Известия Всероссийского Мусульманского военного Шуро №16 от 26/13 февраля Л.1-2; НА ЧГИГН. II отд. Ед.хр.117 Л. 224-225.

89. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань. 2008. С. 201.

90. Упрочение Советской власти в Татарии (Октябрь 1917-июль 1918) Сборник документов и материалов. Казань, 1964. С.196

91. Андрианов Н.А., Толстяков К.А. Становление и упрочение власти Советов в Татарии. Казань. 1967. С. 42,43.

92. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 25-27.
93. Там же. С. 40.
94. Там же. С. 41.
95. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 17. Л. 32.
96. Там же. Д. 5 Л. 2.
97. Там же.
98. Съезды народа мари: документы и материалы. 1917-2004. Йошкар-Ола, 2008. С.122.
99. Бюллетени первого Всероссийского съезда работников просвещения и социалистической культуры среди чуваш в июле 1919 г. Казань, 1919. С. 17; Доклады и резолюции первого Всероссийского съезда чувашских секций и ячеек РКП(б). Казань, 1920, С.16-17.
100. Сыромолов Ф.Ф. Ленин и Сталин в создании Татаро-Башкирской республики. // Революция и национальности, Москва. 1935. № 8. С.15-24.
101. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. Чебоксары. 2009. С. 186-188.
102. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 88. Л. 12; Д. 94. Л. 14.
103. Там же. Д. 88. Л. 27; Д. 91. Л. 54.
104. Там же. Д. 29. Л. 68-69; Д. 102. Л. 25,26.
105. Там же. Д. 88. Л. 59-61; Д. 113. Л. 34-35об.
106. Изоркин А.В. От зарождения идеи до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары. 1999. С. 29.; Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. Чебоксары. 2009. С. 321.
107. Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары, 2010. С. 48,49.
108. Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары. 1967. С. 182; Немцева Т.В. Чувашия в 1920-1930 гг. XX в. // Лекции по истории и культуре чувашского края. М., 2007. С. 241; Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация Чувашии (1917-1920 годы) // Чувашский государственный вестник. 2007. №1. С. 40 и др.
109. Коричев С.А. Первые шаги. Чебоксары. 1969. С. 28.; Алексеев В.А. Дорогой Октября. Чебоксары. 1971. С. 57-59.
110. Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары, 2010. С. 49
111. Изоркин А.В. От зарождения идеи до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары. 1999. С.29; Его же. Чувашия в 1917-1920 гг. // История Чувашии новейшего времени. Книга 1. Чебоксары, 2001. С. 74.
112. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 137. Л. 45а,75-81.
113. Там же. Л. 45а.
114. Доклады и резолюции первого Всероссийского съезда чувашских секций и ячеек РКП(б). Казань, 1920. С.22-25.
115. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1 Д. 127. Л. 10об.
116. Там же. Д. 126. Л. 25.
117. Там же. Д. 137. Л. 45об.

118. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921, № 14, ст.88.
119. Декреты Советской власти. Т.III. – М.1964. С. 438,439.
120. Дизендорф В. Правовые аспекты истории АССР немцев Поволжья // Die Geschichte der Wolgadeutschen: сайт немцев Поволжья. URL: <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/prawo.htm>
121. Политика Советской власти по национальным делам за три года. М., 1920, С.83.
122. Дизендорф В. Правовые аспекты истории АССР немцев Поволжья // Die Geschichte der Wolgadeutschen: сайт немцев Поволжья. URL: <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/prawo.htm>
123. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1 Д. 18. Л. 781.
124. Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918-1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики. // AV IMPERIO. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань, 2002. №2. С.314
125. Там же. 314-318.
126. История Карелии // Русский север: туроператор по Карелии. URL: <http://welcome-karelia.ru/revoliutsiya-i-grazhdanskaya-voyna-v-karelii/obrazovanie-trudovoy-kommuni-chast-1>
127. История Карелии в документах и материалах: Хрестоматия. Ч.2. Советский период. 1917-1980. Петрозаводск, С. 71.
128. Там же. С. 73.
129. Дизендорф В. Правовые аспекты истории АССР немцев Поволжья // Die Geschichte der Wolgadeutschen: сайт немцев Поволжья. URL: <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/prawo.htm>
130. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1 Д.81. Л. 20-21.
131. Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 152.
132. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 15. Л. 27,28; Д. 61. Л. 35.
133. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 59.
134. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 88-89об.
135. Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды. Казань, 1998. С. 245.
136. Там же.
137. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань. 2008. С. 207.
138. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С.59.
139. Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары. 1967. С. 182; Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация Чувашии (1917-1920 годы) // Чувашский государственный вестник. 2007. №1. С. 40.
140. Доклады и резолюции первого Всероссийского съезда чувашских секций и ячеек РКП(б). Казань, 1920. С. 35,36.
141. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
142. Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. Казань, 1969. С. 160.
143. Образование Татарской АССР. Документы и материалы. Казань. 1963. С. 174.
144. Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство

- в Татарии. Казань, 1969. С. 181; В.И. Ленин – друг народов Востока. Сборник документов и материалов 1917-1924. Книга 1. (1917-1920). Баку, 1967. С. 211-213.
145. ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 89.
146. Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской Автономной области. Сборник документов. Чебоксары, 1960. С.34.
147. Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары. 1967. С. 182.
148. В.И. Ленин – друг народов Востока. Сборник материалов и документов. Книга первая (1917-1920). Баку. 1967. С. 4,5.
149. Там же. С. 5.
150. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань. 2008. С. 222.
151. «Коммуна» / Словарь иностранных слов. СПб., 2007. С. 313.
152. Колхоз // БСЭ. Т.12. С. 473.
153. Совхоз // БСЭ. Т.24. С. 24.
154. Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской Автономной области. Сборник документов. Чебоксары, 1960. С.33.
155. Петров Д.П. Чувашия. Историко-политический политический и социально-экономический очерк. Москва, 1926. С. 69.
156. НА ЧГИГН. II отд. Ед.хр.№761; Алексеев В.А. Дорогой Октября. Чебоксары, 1971. С. 57,58.
157. Коричев С.А. Первые шаги. Чебоксары, 1969. С. 28.
158. Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918-1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики. // АВ IMPERIO. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань, 2002. №2. С.318.
159. Алексеев В.А. Дорогой Октября. Чебоксары, 1971. С. 58.
160. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920, №45. ст.202
161. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. Чебоксары. 2009. С.326.
162. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац (вместо отчета). М., 1924.
163. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.
164. Там же. Д. 2.
165. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.
166. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. Чебоксары. 2009. С. 323.
167. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.
168. ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 5. Л. 123.
169. Там же. Ф. Р-125. Оп. 1 Д. 27. Л. 8об.
170. Гаврилов Б. Опыт исследования чувашского земледелия. Выпуск первый. Чебоксары, 1921. С. 8
171. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. Чебоксары. 2009. С. 377.
172. Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии. Сборник документов. Чебоксары, 2009.

173. Доклад о деятельности Чувашского Отдела при Наркомнаце. Казань, 1920. С. 10.

174. Доклады и резолюции Всероссийского съезда-курсов деятелей просвещения чуваш, состоявшегося в г. Казань 1-13 сентября 1920 г. Казань, 1921. С. 10, 64.

175. Доклады и резолюции первого Всероссийского съезда чувашских секций и ячеек РКП(б). Казань, 1920. С. 41.

176. Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской Автономной области. Сборник документов. Чебоксары, 1960. С. 474.

177. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 7об.

178. Там же. Л. 8.

179. Орлов В.В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX в. М., 2009. С. 81-85.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выдвижение в начале XX в. этническими лидерами чувашского народа идеи создания культурной и экстерриториальной автономии чувашей было обусловлено общим историческим развитием чувашского народа в составе Российского государства. Особенно это проявлялось в социально-экономической сфере, связанной с хроническими проблемами малоземелья чувашского крестьянства и перенаселенности в традиционных чувашских уездах Казанской губернии. Чувашаи, в силу указанных причин претендовавшие на переселение в восточные регионы России, и для сохранения своей национальной аутентичности были заинтересованы в экстерриториальном варианте автономии. Следующим важным фактором являлось стремление к этнополитической консолидации рассеянных по всему Волжско-Уральскому региону диаспорных групп чувашского народа.

В 1906 г. была предпринята первая полулегальная попытка создания координирующего центра, который брал на себя политические и экономические задачи помощи чувашскому населению для достижения национального равноправия с другими народами страны. После Февральской революции 1917 г. различные общественно-политические организации чувашей боролись за признание Российским правительством единой общечувашской организации в качестве всероссийского культурного и экстерриториального центра. В итоге государственное признание в апреле 1918 г. получил Чувотдел под руководством Д.С. Эльменя, стремившийся к реализации национальной программы чувашей, выработанной в начале XX в., т.е. к культурной и экстерриториальной автономии этноса всей страны. Существовала эта организация до мая 1921 г., то есть до момента его принудительной самоликвидации.

Можно сделать вывод о том, что образованная в июне 1920 г. ЧАО не была следствием целенаправленной политики руководства Чувотдела и партии РКП(б) на создание национально-территориальной автономии, как принято считать в историографии. Появление Чувашской автономной области, в первую очередь, было связано с необходимостью Совнаркома РСФСР решить татаро-башкирский вопрос, так как он был более предпочтительным в целях ускорения мировой пролетарской революции на мусульманском Востоке. Для этого Совнарком РСФСР в 1920–1921 гг. умерил экстерриториальные амбиции Чувотдела при Наркомнаце и его лидера Д.С. Эльменя, ограничив их в рамках Чувашской АО.

Следующей субъективной причиной отказа от экстерриториальных планов следует назвать на внутреннюю раздробленность чувашских лидеров на так называемых «казанцев» и «симбирцев». И те, и другие считали себя правомочными на общенациональное экстерриториальное представительство. Продолжавшееся между ними противостояние до лета 1921 г. привело к тому, что к власти в руководстве ЧАО пришли люди, далекие от культурных и экстерриториальных амбиций, после чего дальнейшее развитие Чувашии пошло в национально-территориальном русле. В 1925 г. Чувашская АО была преобразована в автономную республику, и это еще более укрепило основы территориальной автономии. Однако нужно отметить, что отдельные элементы прежней экстерриториальной программы на некоторых уровнях продолжали существовать, но к концу 1930-х годов были изъяты из административной практики советского государства.

Создание Чувашской АССР в 1925 г., заложившее основы государственности построенное на территориальном принципе, стало значительным событием в истории чувашского народа. Надо признать, что прежняя чувашская элита, приверженная идеям и проектам культурной и экстерриториальной автономии, практически полностью была деморализована и репрессирована – новую советскую Чувашию строили адепты национально-территориальной автономии, результатом которой является современная Чувашская Республика.

В настоящее время вновь встал вопрос о том, что из себя в будущем будет представлять автономия и государственность чувашского народа в составе Российской Федерации. Национально-территориальные принципы, принятые в 1920-х годах, усиленные и укрепленные в 1990-х годах, в 2010-х годах подвергаются воздействию общественно-политических процессов, происходящих в стране. Созданный в 1990-х годах общественный институт культурно-национальных автономий, на взгляд многих, в должной мере не способен решать вопросы сохранения, воспроизводства и дальнейшего развития национальной культуры. В наше время исторически созрела необходимость поиска новых путей развития для чувашского народа, совмещающих национально-территориальные и культурно-национальные (экстерриториальные) принципы. Обращение к историческому опыту первых общественно-политических организаций

чувашского народа в начале XX века может дать ответ на многие актуальные вопросы. Кроме того, знание объективной и достоверной истории становления автономии чувашского народа, идеологических аспектов ее формирования, может избавить от многочисленных конъюнктурных спекуляций по данному вопросу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Архивные источники

Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР)

- Ф. 298 – Свято-Троицкий мужской монастырь г.Чебоксары
- Ф. 515 – Личный фонд И.Я.Яковлева
- Ф. Р-3 – Революционный комитет Чувашской автономной области
- Ф. Р-22 – Административный отдел Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области
- Ф. Р-125 – Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области
- Ф. Р-147 – Представительство ЧАССР при Президиуме ВЦИК
- Ф. Р-499 – Чувашский Отдел при Наркомнаце РСФСР
- Ф. Р-501 – Казанский чувашский военно-окружной комитет
- Ф. Р-1749 – Личный фонд В.В.Тюмерова
- Ф. Р-2669 – Народный комиссариат внутренних дел Чувашской АССР

Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР)

- П-1 – Комитет партии Чувашской АО и Чувашской АССР
- П-2 – Чувашская секция при Казанском губкоме РКП(б)

- Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)
- 1246 – Казанский губернский комиссар Временного правительства
- 1356 – Управление военного комиссара Казанского военного округа
- Р-98 – Казанский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком)
- Р-983 – Казанский губернский Совет крестьянских депутатов
- Р-3048 – Революционный штаб Казанского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
- Р-1574 – СНК Казанской рабоче-крестьянской республики

Опубликованные источники

- В. И. Ленин* – друг народов Востока. Книга первая (1917-1920). – Баку: Изд-во Акад. наук Азербайдж. ССР, 1967. – 424 с.
- В. И. Ленин* и Татария. – Казань: Татар. кн. издат, 1964. – 471 с.
- В. И. Ленин* и Чувашия. – Чебоксары: Чуваш. кн. издат, 1970. – 360с.
- Всероссийское Учредительное собрание*. Стенографический отчет. – М.: Гос. издат, 1930. – 220 с.
- Декреты советской власти*. – М.: Гос. полит. издат. 1957-1986: 1957. – Т. 1. – 626 с.; 1959. – Т. 2. – 686 с.; 1964. – Т. 3. – 664 с.; 1968. – Т. 4. – 731 с.
- Доклад о деятельности Чувашского Отдела при Наркомнаце*. – Казань: Изд-во Чуваш. отд. при Наркомнаце, 1920. – 24 с.
- Доклады и резолюции первого Всероссийского съезда Чувашский секций и яче-*

ек РКП(б) и активных работников чуваш-коммунистов (4-9 февраля 1920 г.) – Казань: Изд-во Чуваш. отд. при Наркомнаце, 1920. – 48 с.

Доклады и резолюции Всероссийского съезда-курсов деятелей просвещения в г.Казани 1-13 сентября 1920. – Казань: Пятая гос. типогр., 1921. – 88 с.

Из истории образования Марийской Автономной области. – Йошкар-Ола: Гос. архив Марий Эл, 2000. – 128с.

Илиас Алкин - общественный деятель, военачальник, ученый. – Казань: «Гасыр», 2002. – 352с.

К вопросу о расширении территории Чувашской Автономной области и преобразовании ее в Автономную Чувашскую Социалистическую Республики. – Чебоксары: Гос. типогр., 1924. – 134 с.

Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 416 с.

Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв. – Казань: «Гасыр», 2007. – 320 с.

Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925): Документы и материалы. – Т.1. – Уфа: «Китап», 2002. – 606 с.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. – Уфа: Башкир. кн. издат., 1959. – 990 с.

Образование Татарской АССР. – Казань: Татар. кн. издат., 1963. – 504 с.

Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. гос. издат., 1957. – 428с.

Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. – Казань: Татар. гос. издат., 1933. – 440 с.

Постановления третьего Казанского губернского съезда Совета Крестьянских депутатов. – Казань: губерн. типолитография, 1918. – 28 с.

Постановления четвертого Казанского губернского съезда Совета Крестьянских депутатов. – Казань: типогр. губер. правл. 1918. – 64 с.

Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905-1907 гг. – Чебоксары: Чуваш. гос. издат., 1956. – 319с.

Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. – Т. 3. – М.: Изд-во Ком. акад., 1930. – 468 с.

Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским Национальным Съездом состоявшимся в г.Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. – Симбирск: Типо-литография губер. испол. Ком-та, 1917. – 30 с.

Съезды народа мари. 1917-2004 гг. – Йошкар-Ола: Центр-музей им. В. Колумба, 2008. – 848 с.

Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. – М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1939. – 540 с.

Упрочение Советской власти в Татарии (Октябрь 1917 – июль 1918 гг.). – Казань: Татар. кн. издат., 1964. – 708 с.

Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской Автономной Области. – Чебоксары: Чуваш. гос. издат., 1960. – 718 с.

Труды и воспоминания государственных и общественных деятелей

Алексеев, В.А. Дорогой Октября. Воспоминания бывшего члена Революционного комитета Чувашской автономной области. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1971. – 86 с.

Бухарин, Н.В. Азбука большевизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков // Звезда и свастика: большевизм и русский фашизм. – М.: «Тerra», 1994 – 318 с.

Ежов, Н. Военная Казань в 1917 году. Краткий очерк. Казань: Татар. кн. изд-во. 1957. – 86 с.

Коричев, С.А. Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1924. – 32 с.

Коричев, С.А. Первые шаги. (Воспоминания о первых годах Советской власти в Чувашии). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1969. – 84 с.

Ленин, В.И. Национальный вопрос. М: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 200с.

Ленин, В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913) // Марксизм и национальный вопрос. Сборник статей и материалов. – Харьков: Пролетарий, 1923. С. 201-222.

Ленин, В.И. О «культурно-национальной» автономии (1913) // Марксизм и национальный вопрос. Сборник статей и материалов. – Харьков: Пролетарий, 1923. С. 223-225.

Максимов-Кошкинский, И.С. Трудный год // Ялав. – 1960. - №4. – С. 18-20.

Петров, Д.П. Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань: Перв. гос. типогр., 1921. – 24 с.

Петров, Д.П. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.: Гос. издат, 1926. – 104 с.

Соснин, Я.П. Страницы прошлого. Чебоксары: гос. издат. Чуваш. АССР, 1957. – 28 с.

Сыромолов, Ф.Ф. Ленин и Сталин в создании Татаро-Башкирской республики // Революция и национальности. – 1935. – №8. – С.15-24.

Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос (1913) // Марксизм и национальный вопрос. Сборник статей и материалов. – Харьков: Пролетарий, 1923. – С.266-304.

Сталин, И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос (1918) // Марксизм и национальный вопрос. Сборник статей и материалов. – Харьков: Пролетарий, 1923. – С. 369-374.

Сталин, И.В. Выступления на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики 10-16 мая 1918 г. // Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925): Документы и материалы. – Т.1. – Уфа: «Китап», 2002. – С. 491-494.

Султан-Галиев, М. Избранные труды. Казань: «Гасыр», 1998. – 720 с.

Ходоровский, И. В.И. Ленин, великий вожь пролетарской революции. (Речь, произнесенная на торжественном заседании Казанского СриКД 22 апреля 1920 г. в ознаменовании 50-летия со дня рождения т.Ленина). Казань: Гос. издат. 1920. – 16 с.

Эльмень, Д.С. Откуда и как возникла Чувашская область // Канаш. – 1922. – 6 июля. (на чув. яз.)

Эльмень, Д.С. К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской Республики // Чувашское хозяйство. – 1928. – №3-4. – С.3-13.

Энгельс, Ф. Борьба в Венгрии // Маркс, К. Сочинения. Второе издание, т.6. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. полит. издат, 1957. – С. 175-186.

Яковлев, И. Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. – 696 с.

Словари, справочники, энциклопедии

Большая советская энциклопедия. В 30 т. Издание третье. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

Краткая чувашская энциклопедия / ред. кол.: А. А. Трофимов (гл. ред.), И. И. Бойко, В. Г. Харитоновна. – Чебоксары: Чуваш. кн. издат, 2001. – 526с.

Словарь иностранных слов (около 10 000 слов). – СПб.: ООО «Виктория плюс», 2007. – 816 с.

Татарская энциклопедия: В 5 т./ ред. кол. М. Х. Хасанов гл. ред.), Г. С. Сабирзянов. – Казань: Инст. татар. энцикл. АН РТ, 2002. Т.1. А-В. – 672 с.; 2005. Т.2. Г-Й. – 656 с.; 2006. Т.3. К-Л. – 664 с.

Чувашская энциклопедия / ред. кол.: В. С. Григорьев (гл. ред.), И. И. Бойко, В. Г. Харитоновна. – Чебоксары: Чуваш. кн. издат, 2006. – Т.1. – 590 с.; 2008. – Т.2. – 494 с.; 2009. – Т.3. – 684 с.

Электронная еврейская энциклопедия (создана на базе Краткой еврейской энциклопедии, изданной в Иерусалиме в 1976-2005 годах). – Иерусалим: ассоц. по изуч. евр. общин // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://www.eleven.co.il/>

Монографии, сборники статей и статьи

Авторханов, А.Г. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: АО ИМОИ и фирма INPA. 1990. – 240с.

Айнутдинова, Л. М. Либеральная концепция культурно-национальной автономии в России в начале XX в. // Народы России на переломе эпох (XX – начало XXI вв.). – Казань: КГТУ, 2005. – С. 54-59.

Александров, Г.А. Иван Яковлевич Яковлев: фрагменты жизни. Чебоксары. Издательство «Чувашия», 1997. – 194 с.

Александров Г.А. С.Н. Николаев: штрихи биографии портрета секретаря Комуча // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. – С.42-69.

Александров Г.А. О конфликте просветителя и издателя // Советская Чувашия. - 1999. - 1 декабря.

Александров Г.А. Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски // Проблемы национального в развитии чувашского народа. – Чебоксары: ЧГИГН. 1999. – С.220-234.

Александров, Г.А. Смирнов Ю. П. Чуваши в дореволюционных учебных заведениях. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. – 106 с.

Александров, Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары: «Хыпар», 1997. – 199 с.

Александров, Г.А. Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – 216 с.

Аманжолова, Д.А. Национальная политика России: история и современность. М.:Русский Мир, 1997. – 678 с.

Андрианов, Н.А., Толстяков К.А. Становление и упрочение власти Советов в Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1967. – 292 с.

Артемов, С.А. Борьба против национализма в Чувашии в 1917-1918 годах. Чебоксары: НИИ при Совете министров Чувашской АССР. 1967. – 16 с.

Артемов, С.А. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 328 с.

Артемов, С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917-1918 года. Чебоксары. Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 196 с.

Ахазов, Т.А. Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашской АССР // Вопросы истории Чувашии: Тр. ЧНИИ. – Чебоксары, 1977. – Вып. 73. – С.3-25.

Баграмов, Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов. // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 34-51.

Барон, Н. Региональное конструирование Карельской автономии // АВ IMPERIO. – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2002. – №2. – С. 279-308.

Бурмистрова, Т.Ю. Теория социалистической нации. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1970. – 88 с.

Валескалн, П.И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Рига: Академия наук Латвийской ССР, 1967. С. 86-103.

Варюхин, Г.А. О Чувашском левосоциалистическом комитете // История и культура Чувашской АССР. – Чебоксары, 1972. – Вып.2. С. 404-409.

Вачнадзе, М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси: Тбилис. гос. ун-т, 1993. // Библиотека FictionBook.ru. [Электронный ресурс] URL: http://fictionbook.ru/author/vachnadze_merab/istoriya_gruzii_s_drevneyishih_vremen_do/read_online.html?page=19#part_3872

Волков, Г.Н. Этнопедагогика. Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. Заведений. М.: Академия, 1999. – 168с.

Габдуллин, И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству // Генеалогия и архивы. [Электронный ресурс] URL: http://ufagen.ru/node/5557#_ftn8

Гаврилов, Б. Опыт исследования чувашского земледелия. Вып. 1. Чебоксары: Первая гос. типогр., 1921. – 68 с.

Горизонтов, Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство и власть: исторический опыт России и вызовы современности. Сб. статей. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – С.129-150.

Григорьев, П.Г. К вопросу об образовании чувашской буржуазной нации // Записки. – Чебоксары: НИИЯЛИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1953. – Вып.7. – С.154-163.

Гусаров Ю.В. Общественно-политические деятели Чувашии начала XX в. А.Ф. и П.А. Федоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 5-41.

Дизендорф, В. Правовые аспекты истории АССР немцев Поволжья // Die Geschichte der Wolgadeutschen: сайт немцев Поволжья. [Электронный ресурс] URL: <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/prawo.htm>

Дикий, А.И. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск: Благовест, 1994. – 528с.

Димитриев, В.Д. К истории сельского хозяйства и крестьянства Советской Чувашии в годы гражданской войны // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ при Сов. Мин. Чуваш. АССР, 1983. – С.34-57.

Димитриев, В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша: Сб. ст. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ. 1984. – С.23-58.

Димитриев, В.Д. Иван Данилович Кузнецов. К 90-летию со дня рождения // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье

- и Приуралье в XVIII – XX веках: Тезисы докладов. – Чебоксары: ЧГУ, 1996. – С.3-7.
- Димитриев, В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: Нац. акад. наук и искусств Чувашской Республики, 2001. – 120 с.
- Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.) Чебоксары. 1986. – 456с.
- Димитриев, В.Д.* Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй половины XVIII в. // Исследования по дореволюционной Чувашии. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1991. – С.18-30.
- Димитриев, В.Д.* История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773-1775 годов). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 532 с.
- Димитриев, В.Д.* Природа, население, предыстория Советской Чувашии // Чувашской АССР – 70 лет. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1990. – С. 4-12
- Дякин, В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. – 1995. – №9. – С.130-142.
- Дякин, В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. – 1996. – №11-12. – С.39-53.
- Еникеев, С.Х.* Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Академия наук Республики Башкортостан, 1999. – 312 с.
- Ефимов, Л.А.* Политические репрессии в Чувашии: основные этапы и масштабы // Книга памяти жертв политических репрессий (Чувашская Республика). – Т.1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С.6-44.
- Закиев, М.З.* Лингвоэтнические особенности волжских булгар – главного этнического корня татар // Сокровища болгарского народа. Вып. 1. Этногенез. История. Культура. – Санкт-Петербург, 2007. – С.5-97.
- Захаров, Д.А.* Национальная государственность Чувашии в условиях распада Советского Союза и становления российского федерализма (1990-1993 гг.). Чебоксары: Атолл, 2006. – 135 с.
- Зиновьева, Л.Г.* Развитие политической мысли в России (в IX-XIXвв.) Текст лекций по спецкурсу. Чебоксары: ЧГУ, 2001. – 120с.
- Иванов, А.А.* Сложные земельные общины в национальной деревне Поволжья и Приуралья (конец XIX – первая треть XX века) // Вопросы истории. – 2004. – №1. – С.149-154.
- Иванов, В.П., Клементьев В.П.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. – 192 с.
- Иванов, М.И.* Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 255 с.
- Изоркин, А.В.* Иккешем «Хыпар». // «Хыпар» кенеки. – Чебоксары: изд-во «Хыпар». – 1997. – №22/2. – 16 с.
- Изоркин, А.В.* Этап зарождения и развития идеи самоопределения чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 9-19.
- Изоркин, А.В.* От зарождения идеи до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 20-37.
- Изоркин, А.В.* Чувашия в 1917-1920 годах // История Чувашии новейшего времени. Книга 1 (1917-1945). – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. – С.13-81.
- Изоркин, А.В.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С.94-129.

Изоркин, А.В. Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет // Чувашской АССР 70 лет. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1990. – С.13-34.

Изоркин, А.В. Губернский комиссар по чувашским делам. Краснов Александр Дмитриевич // Их имена останутся в истории. Вып. 1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. – С.71-78.

Ильминский, Н.И. О фонетических отношениях между чувашскими и тюркскими языками // Известия археологического общества. – Т. 5, Санкт-Петербург, 1865. – С. 80-84;

Ионенко И.М. Борьба большевиков Казани за управление войсками и проведение демобилизации старой армии в Казанском военном округе (ноябрь 1917-февраль 1918) // Из истории классовой борьбы о общественной мысли в Поволжье и Приуралье: Сб. ст. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1962. – С.5-46.

История буржуазной социологии XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1979. – 344 с.

История Карелии в документах и материалах: Хрестоматия. Ч.2. – Петрозаводск: Карелия, – 1976. – 351 с.

История Карелии // Русский север: туроператор по Карелии. [Электронный ресурс] URL: http://welcome-karelia.ru/history-of-karelia/Revolyutsiya_i_grazhdanskaya_vojna_v_Karelii/Obrazovanie_trudovoj_kommuni_chast_1

История национально-государственного строительства в СССР. 1917-1978. – Т.1. – Издание третье. – М.: Мысль, 1979. – 424 с.

История профсоюзного движения / Тольяттинский государственный университет [Электронный ресурс] URL: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=176&m=11464>
Их имена останутся в истории. Выпуск 1 и 2. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993,1994.

Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-традиция, 1997. – 344 с.

Кара-Мурза, С.Г. Маркс против русской революции. М.: Эксмо, 2008. – 320с.

Карр, Э. История Советской России. Книга 1. Большевицкая революция. 1917-1923. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. – 768 с.

Кауппала, П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918-1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // АВ IMPERIO. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. – Казань. 2002. – №2. – С. 309-337.

Каховский, В.Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. – 463 с.

Кирилов, В.К. Карл Янович Грасис. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. – 128 с.

Клементьев, В.Н. Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность (1918-1920) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – С.297-310.

Клементьев, В.Н. Формирование и развитие советской государственности Чувашии (ноябрь 1917-1993 гг.) // Исследование социально-политической истории Чувашии XX столетия: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С.47-76.

Клементьев, В.Н. Становление советской системы в Чувашии (ноябрь 1917-1920 гг.): идеалы и реалии // Права человека: история и современность: Сборник тезисов докладов и выступлений на научно-практической конференции (8 декабря 1998 г.). Ч.II. – Чебоксары: Чув. филиал Юридического института МВД России, 1999. – С.3-5.

Клементьев, В.Н. Чувашия: от автономной области к республике (1922-1925 гг.) // Чувашская Республика: проблемы национального строительства (история и современность). – Чебоксары: ЧГИГН, 2005. – С. 6-75.

Клементьев, В.Н. Просветительство И.Я.Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа // И.Я.Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 16-39.

Клементьев, В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917-1920 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007. – №1. – С.23-44.

Клементьев, В.Н. Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920 х гг. // Чувашский гуманитарный вестник. – 2006. – №1. – С.21-37.

Кондратьев, М.Г. Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд ист.-культ. исслед. им. К.В. Иванова, 2002. – 334 с.

Котляров, Д.А. Досоветская историография о присоединении Поволжья к России // Исследования по русской истории: сб. ст. – Ижевск: изд-во Удмурт. ун-та, 2001. – С.166-183.

Кузьмин, В.Л. Историография истории Советской Чувашии. Чебоксары: ЧГУ, 1977. – 62 с.

Кузьмин, В.Л. К вопросу об истории установления советской власти в Чувашии // Записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1952. – Вып. 6. – С.196-213.

Кузнецов, И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 584с.

Кузнецов, И.Д. О куштаных и куштанстве // Социалистическое строительство ЧАССР. – 1934. – №2(6). – С.19-32.

Кузнецов, И.Д. Предыстория Советской Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – С.33-94.

Кузнецов, И.Д. О некоторых уроках Октября и об истоках коммунистического движения в Чувашии // Очерки истории и историографии Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – С.209-216.

Кузнецов, И.Д. Очерки истории и историографии Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 380с.

Кузнецов, И.Д. Против националистической концепции чувашской истории // Очерки по истории и историографии Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – С.309-333

Кузнецов, И.Д., Буцевичский В.С. Съезд деятелей по образованию чувашей (К 70-летию со времени созыва) // Труды. – Чебоксары: НИИ при Сов. Мин. Чуваш. АССР, 1976. – Вып. 68. – С.125-129.

Кузнецов, И.Д. Карл Маркс о некоторых вопросах истории народов Поволжья // Ученые записки НИИЯЛИЭ. – Чебоксары, 1962. – Вып. 21. – С.179-194.

Кульшарипов, М.М. Заки Валидов и образование Башкирской автономной советской республики (1917-1920 гг.). Уфа: Башкир. кн. издат., 1992. – 160 с.

Кэмбелл, Е.И. (Воробьева) Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. – 2001. – №4. – С.137-138.

Кэмбелл, Е.И. (Воробьева) «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство и власть: исторический опыт России и вызовы современности: сб. ст. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – С.204-215.

Лебедев, П.А. О чувашской нации // Записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1955. – С.252-274.

Лемке, М.К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 гг. Санкт-Петербург, 1904. – 521 с.

Леонтьев, А.П. Провозвестник чувашской печати. К 100-летию первой национальной газеты // Лик Чувашии. – 2005. – №4. – С.86-154; – 2006. – №1. – с.66-155.

Львов, П.З. Чувашский Октябрь // Канаш. – 1924. – 22 февраля.

Любимов, В.Н., Юлдашбаев Б.Х. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. – 280с.

Любимов, В.Н. Инициатор образования Чувашской автономной области. Эльмень (Семенов) Данил Семенович // Они боролись за счастье народное. Вып.1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – С.206-213.

Любимов, В.Н. В. И. Ленин и образование Чувашской автономии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. – Вып. 44. – С. 5-20.

Любимов, В.Н. К вопросу о возникновении чувашской нации // Записки НИИЯ-ЛИ при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1952. – Вып. 6. – С.131-165.

Любимов, В.Н. Чувашия в годы столыпинской аграрной политики. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1949. – 67 с.

Любимов, В.Н. Критика буржуазных фальсификаторов истории национальных отношений в СССР и исторического пути чувашского народа. Вопросы истории Чувашии // Труды. – Чебоксары, 1977. – Вып. 73. – С.122-128.

Макаревский, В.В. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904-1918). Чебоксары: ЧГУ, 2008. – 126 с.

Минева, Е.К. Наркоманц РСФСР и становление автономии чувашского народа в 1918-1925 гг. Чебоксары: изд-во Л.А.Наумова, 2007. – 182 с.

Минева, Е.К. Национальный вопрос в России на рубеже XIX – XX веков (на материалах народов мари, мордвы и чувашей). Учебное пособие. Чебоксары: изд-во Л.А.Наумова, 2008. – 164 с.

Минева, Е.К. Наркоманц и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. Чебоксары: ЧГУ, 2007. – 300 с.

Минева, Е.К. Концепция национально-государственного развития чувашского народа в трудах И. Д. Кузнецова // И. Д. Кузнецов – учёный, педагог, человек, переживший репрессии 30 – 40-х годов XX века: мат. всерос. науч. конф. историков. – М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 160-174.

Минева, Е.К. Деятельность Чувашского отдела Наркомнаца РСФСР по формированию национального самосознания чувашского народа // Народы России на переломе эпох (XX – начало XXI вв.). – Казань: КГТУ, 2005. – С.136-140

Минева, Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. Чебоксары: ЧГУ, 2009. – 594 с.

Мухарямов, М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 г.-1920г.). М.: Наука, 1969. – 287 с.

Нам, И.В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т.1. Сибирь. 1917 - 1920. Томск, 1998. // Российский университет дружбы народов: система федеральных образовательных порталов: [Электронный ресурс] URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/24899>

Немцева, Т.В. I Всечувашский военный съезд и проблема государственности чувашского народа // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. – Чебоксары: ЧГПУ, 2000. – С.129-133.

Немцева, Т.В. Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской Республики // Вестник ЧГПУ. История и право. – 2001. – №4. – С.57-60.

Немцева, Т.В. Чувашия в эпоху российских революций в начале XX в. Чувашия

в 1920-1930 гг. XX в. // Лекции по истории и культуре чувашского края: Учебное пособие. – М.: ГОУ ВПО «МГУТУ», 2007. – С.220-264.

Немцева, Т.В. Некоторые особенности становления чувашского национального движения // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект: Сб. науч. тр. Чебоксары: ЧГПУ. 2003. – С.168-182.

Никольский, Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: 3-я тип. губ. совета, 1919. – 114 с.

Никольский, Н.В. Основы инородческого просвещения. Казань: 3-я тип. губ. совета, 1919. – 58 с.

Николаев, Г.А. Разорение чувашской деревни в годы Первой Мировой войны (1914-февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX века. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1988. – С. 49-67.

Николаев, Г.А. Социально-психологический аспект межэтнических взаимоотношений в средневожской деревне второй половины 19-начала 20 вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – С.230-235.

Николаев, П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905-1907 гг. Чебоксары Чуваш. гос. издат, 1956. – 215 с.

Они боролись за счастье народное. В 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980-1988.

Орлов, В.В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. М.: изд-во РГАЗУ, 2009. – 396 с.

Очерки по истории Чувашской областной организации КПСС. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 628 с.

Очерки по истории партийной организации Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1962. – 408 с.

Павлов, Я.К. 30 лет Чувашской советской автономии // Записки НИИЯЛИ. Чебоксары, 1950. – Вып. 5. – С.3-37.

Павлов, Я.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917-1925). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 188 с.

Павлов, Я.К. О Чувашском Коммунистическом комитете // Советская Чувашия. – 1959. – 2 апреля.

Петров, И.Е. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1961. – 356 с.

Петров, И.Е. Чувашия в период иностранной интервенции и Гражданской войны. 2 выпуска. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954, – 204 с.; 1959 – 362 с.

Раимов, Р.М. Образование Башкирской АССР. М.: изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 525 с.

Родионов, В.Г. Социокультурная динамика чувашского этноса: XVIII – начало XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – 32с.

Рожнов, В.П. Статистика Чувашии периода капитализма // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. – Чебоксары, 1971. – Вып. 1. – С.137-196.

Румянцев, М.В. Коммунистические организации Чувашии в первые годы Советской власти (1917-1920). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 112 с.

Румянцев, М.В. Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в году гражданской войны. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1963. – 132 с.

Сануков К.Н. Идея автономии в национальных движениях народов Поволжья и Приуралья в 1917-1920 годах // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 47-58.

Сануков К.Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2000. – 195 с.

Сануков К.Н. Марийская автономия. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2005. – 135 с.

Сануков К.Н. Первому Всероссийскому съезду мари – 90 лет // Марийский архивный ежегодник. – 2007. – С.121-127.

Сафаров Г.И. Революционный марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национальный вопрос. – Харьков: Пролетарий, 1923. – С. 305-368.

Сенюткина, О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.) // Издательский дом «Медина». [Электронный ресурс] URL: http://www.idmedina.ru/books/regions/?1627#_ftn22

Смыков, Ю.И. Крестьянское движение в Казанской губернии в 1878-1879 годах. Казань: Гос. музей ТАССР, 1959. – 38 с.

Стариков, С.В. Политическая борьба в Поволжье: левые социалисты в 1917-1918 гг. Йошкар Ола: МарГУ, 1996. – 268 с.

Тагиров, И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татар. кн. издат., 2008. – 456 с.

Тимофеев, В.Г. Создание национальной государственности чувашского народа. Чебоксары: ЧГУ, 1986. – 41 с.

Точеная, Н.Г., Точеный, Д.С., Точеный, М.Д. Симбирские большевики в 1917-1920 гг. Ульяновск: УлГУ, 2003. – 227 с.

Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац (вместо отчета). – М.: Красный Восток, 1924. – 230 с.

Хабутдинов, А.Ю. Мусульмане-татары и выборы во Всероссийский парламент // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политические аспекты. – 2006. – №3. // Духовное управление мусульман Нижегородской области [Электронный ресурс] URL: <http://www.islamnn.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1080>

Хабутдинов, А.Ю., Сенюткина О.Н. Всероссийские мусульманские съезды // Мусульмане Петербурга. [Электронный ресурс] URL: <http://www.muslim-spb.ru/index.php?page=istoriya-obschaya-istoriya>

Хлебников, А.В. Образование и развитие Советской автономии марийского народа. (1917-1929). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. – 272 с.

Чарнолуцкий, В.И. Итоги общественной мысли в области образования. СПб.: Знание. 1906. – 80 с.

Чеботарева, В.Г. Чувашия: обретение национальной государственности (1918-1923 годы) // Обозреватель-Observer. Издатель ООО НИФ «РАУ-Университет» – 2000. – №1. – С.59-62.

Чеботарева, В.Г. Национальный вопрос в 1920-е годы. И.В.Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. – №7. – 2008. – С.3-25.

Чистяков, О.И. Становление Российской Федерации. М.: МГУ, 1996. – 326 с.

Федоров, М. Как поссорился И.Я.Яковлев с Н.В.Никольским // Советская Чувашия. - 1999. - 8 октября.

Фирсов, Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1869. – 445 с.

Яковлев, И.Я. Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 144 с.

Яковлев, М.З. Педагог, партийный работник. Сергеев (Николаев) Федор Николаевич // Они боролись за счастье народное. – Т. 3. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во,

1985. – С.243-246.

Яковлев, Ю.В. Духовное пространство Ивана Юркина: в экзистенциально-чувашском контексте и на фоне иных культурных, духовных сфер. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – 192 с.

Диссертационные работы и авторефераты диссертаций

Акманов, А.И. Аграрная политика правительства и землевладение башкирских общин во второй половине XVI - начале XX вв. : автореф. ... д-ра ист. Наук. М., 2002

Захаров, Д.А. Национально-государственное строительство в Чувашской Республике в 1990-2000 гг. : автореф. дис. канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. – 24 с.

Макаревский, В.В. Возникновение и деятельность организации партии эсеров в Чувашском крае 1904-1918 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1996. – 24 с.

Минева, Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономии в 20 – 30-е годы XX века : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2008. – 48 с.

Нам, И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны (1917 – 1922 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2008. – 49 с.

Немцева, Т.В. Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917-1925 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2002. – 24 с.

Никитина, Э.В. Специфика менталитета чувашского народа (Философский аспект исследования сущности этнического менталитета): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2004. – 24 с.

Орлов, В.В. Этнополитическое и социально-экономическое развитие Чувашии в 20-е годы XX века. : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. – 50 с.

Чузаев, Р.И. Марийское национальное движение в 1917-1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998. – 24 с.

Основные публикации Щербакова С.В.

Щербаков, С.В. Кузнецов И.Д. и «платформа капитулянтов и правых националистов в Чувашии» (Современный взгляд на события 1937 года по материалам уголовного дела) // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. Сб. ст. Всеросс. науч. конф. историков. – М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 79-93.

Щербаков, С.В. «В пределах штата все народности должны быть равны» (Идеи культурно-национальной автономии на Первом Всероссийском чувашском военном съезде) // «Гасырлар авазы – Эхо веков». – 2008. – № 1. – С. 71-76.

Щербаков, С.В. Из истории первых государственных символов чувашского народа // КИЛ. – 2008. – № 3. – С. 148-151.

Щербаков, С.В. «Аслă Канаш» – альтернативная форма чувашской государственности // Вестник Чуваш. ун-та. – 2009. – № 4. Гуманит. науки. – С. 112-116.

Щербаков, С.В. Позиция чувашских и марийских национальных деятелей в вопросе образования Татаро-Башкирской Республики (по материалам РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики») // Историк и время: проблемы истории и историографии народов России, Поволжья, Марий Эл: мат-лы науч. конф. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. – С. 151-158.

Щербаков, С.В. М.П. Петров-Тинехпи и репрессии 1937 года (анализ материала уголовного дела № 9733) // Чувашский национальный музей: Люди, События.

Факты (2008): Сборник статей. Вып.6. Чебоксары: ЧНМ, 2009. – С. 32-36.

Щербаков, С.В. Анализ современной историографии образования Чувашской автономии (на примере работ А.В. Изоркина) // Проблемные вопросы регионоведения: мат-лы межд. науч.-практ. конф. Ч. II. – Чебоксары: ЧГПУ, 2010. – С. 168-177.

Щербаков, С.В. Архивные документы об участнике белогвардейского движения из чувашского офицерства // Перспективы модернизации российского образования: мат-лы Респ. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – С. 176-185.

Щербаков, С.В. Обсуждение татаро-башкирского вопроса на Всероссийском съезде чувашских коммунистов 4-8 февраля 1920 года // Перспективы модернизации российского образования: мат-лы Респ. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – С. 160-176.

Щербаков, С.В. Роль чувашского учительства в формировании собственной нации // Халӑх шкулӗ – Народная школа. – 2010. – №5. – С. 40-43; №6. – С. 16-18.

Щербаков, С.В. К вопросу о возникновении Казанского Комиссариата по чувашским делам (март – апрель 1918 г.) / Е.К. Минеева, С.В. Щербаков // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С.59-67.

Щербаков, С.В. Общее и различное в национальных движениях «окраинных» и «внутренних» народов Российской империи к началу XX в. / С.В. Щербаков, М.В. Мурзуков // Чувашская диаспора: история, современность, перспективы: сб. ст. – Чебоксары: ЧГПУ, 2011. – С. 275-277.

Щербаков, С.В. Идеи культурно-национальной автономии в истории чувашского народа // Культурные традиции в условиях трансформации общества: мат-лы науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 188-195.

Щербаков, С.В. «Кружок деятелей по образованию чуваш» 1906 г. и его роль в истории национального движения // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 3 (№71). Ч. 1. – С. 232-237.

Щербаков, С.В. Из истории образования Чувашского представительства в Москве в 1920-1921 гг. // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 3 (№71). Ч. 2. – С. 201-205.

Щербаков, С.В. Влияние национальной политики руководства Чувашской АО в 1920 – начале 1922 гг. на становление архивного дела в Чувашии // Архивы и наука: теория и практика взаимодействия. Чебоксары, 2012. – С. 47-56.

Список сокращений

АО – автономная область
АССР – автономная советская социалистическая республика
ВУСР – Волжско-Уральская советская республика
ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет
Губисполком – губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов
Губсовдеп – губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов
КУВШ – Коллегия по учреждению Волжско-Уральского штата
КЧД – Комиссариат по чувашским делам
КЧВОК – Казанский чувашский военно-окружной комитет
Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
Ревком – Революционный комитет
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РПЦ – Русская православная церковь
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК (Совнарком) – Совет народных комиссаров
ТБСР – Татаро-Башкирская советская республика
ЦК – Центральный комитет
ЧЛСК – Чувашский левосоциалистический комитет
Чувотдел – Чувашский отдел при Наркомнаце РСФСР
ЧАО – Чувашская автономная область
ЧНО – Чувашское национальное общество

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. Источниковая база исследования и историография проблемы.....	8
1.1. Источники и понятийный аппарат.....	8
1.2. Историография вопроса.....	20
ГЛАВА II. Формирование идеологической платформы чувашского национального движения к началу 1917 г.....	41
2.1. Чувашский народ и национальный вопрос в Российской империи на рубеже XIX-XX веков.....	41
2.2. Предпосылки возникновения идеологии культурной автономии чувашей до XX в.....	54
2.3. Идеологическая платформа чувашского национального движения в период Первой русской революции 1905-1907 гг.....	74
ГЛАВА III. Попытки реализации проектов чувашской автономии в 1917-1920 годах.....	94
3.1. Программа культурной и экстерриториальной автономии в национальном самоопределении чувашского народа в 1917 – начале 1918 гг.....	95
3.2. Борьба за осуществление проектов А.Д. Краснова и Д.С. Эльменя (1918-1919 гг.).....	108
3.3. Проекты создания Чувашской трудовой коммуны (1919-1920) и Чувашской автономной области (1920-1921 гг.) в контексте идеологической платформы чувашского национального движения.....	127
Заключение.....	158
Список использованных источников и литературы.....	161
Список сокращений.....	174

**Фонд историко-культурологических исследований
им. К.В. Иванова**

Щербаков Сергей Владимирович

Монография

**НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Компьютерная верстка А.И Орловой
Дизайн обложки С.В. Щербакова, Е.Г. Елисейевой

Подписана в печать 20.05.13. Формат 60x84/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Физ. печ. л. 12. Тираж 1000 экз. Заказ № К-173.

Отпечатано в типографии ИП Сорокина А.В. «Новое Время».
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Паслова, 50/1.
Тел.: (8352) 41-27-98. E-mail: newtime1@mail.ru